

Олена Гуйда



БЕСОЧНЫЙ  
ДРОН



## Annotation

Сиятельной Эрри выпало жить на стыке двух эпох. Одна — счастья, любви и благоденствия. Вторая — крови, насилия и упадка. Годы вдовства, разлуки с сыном и брака с чудовищем. Но выход есть. Цена — высока! Готова ли она заплатить? Готова ли вступить в игру, где поражение — смерть? И что делать, если ко всему прочему в игру вступит самое вечное и сильное чувство?

В тексте есть: интриги и тайны, любовь и магия, любовь вопреки

---

- [Песочный трон](#)
    - [Пролог](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ](#)
    - [ЭПИЛОГ](#)
-

**Песочный трон**  
**Елена Гуйда**

## Пролог

Ревела, стонала и захлебывалась ликованием толпа, требуя крови. Крики её смешивались с грохотом грома и боем барабанов, отсчитывавших последние минуты жизни, отведённые пленникам.

Резкие порывы ветра бросались песком и вонью столицы, полуопустевшей после переворота. Разгоняясь, они бились о стены жавшихся друг к другу домов, о статую Великого, воздевшую руки к небу, о деревянное возвышение — плаху.

Предгрозовая духота сжимала грудь, едва сдерживая рвущееся из неё сердце. Раскалённый воздух обжигал горло и скрипел на зубах песком и отчаяньем. Глаза жгло от пролитых накануне слёз и густой пыли. Но сейчас они оставались сухими. Пощады не будет. Я смирилась с этим.

И всё же, когда вывели пленников, толпа взревела так, что меня замутило, а во рту металлический привкус смешался с желчной горечью. Сердце, что до этого момента гулко отбивало ритм, остановилось. В ушах затянула на одной высокой ноте скрипка.

Я до последнего надеялась, что не увижу его в числе приговорённых. Теперь... Струна лопнула с противным звуком. Из носа потекло что-то горячее, мешая дышать.

Роневан. Рон. Мой муж. Моя жизнь. Моё дыхание. Я не верила собственным глазам, глядя на то, во что превратился тот, ради кого билось моё сердце.

Некогда прекрасный, как молодой бог, мужчина стал похож на старца. Грязный, заросший, исхудавший до неузнаваемости. С синяком в пол-лица и ссадиной на подбородке. Сердце разрывалось от боли, и всё же я не могла отвести взгляд. Не могла не смотреть. Остались только глаза. Тёмно-синие. Почти чёрные. Только не было в них больше лукавых искорок. Обречённость и покорность своей судьбе. Вот что было в самых дорогих в мире глазах.

Сжатые в одну линию губы и вздёрнутый подбородок. Да, он встретит смерть с высоко поднятой головой. Не позволит толпе смаковать его слабость. Не позволит радоваться его боли. Он уйдёт так, чтобы его запомнили не слабаком, молившим пощады, а герцогом

Роневаном де Байе. Представителем великого древнего рода сильных духом мужчин-воинов.

Я судорожно вздохнула, когда выкатили колоду. Всю в запёкшейся, засохшей крови. Когда вышел палач, в глазах моих потемнело и ноги подкосились. Но упасть мне не дали. Чья-то рука осторожно поддержала, дав секунды, чтобы собраться с силами.

Как выразился сен Фольи, у нас были «лучшие места» для зрителей. На возвышении, где столпились придворные и знать. Где леди подносили к носу соли, чтобы не потерять сознание от духоты. А господу обговаривали нечто весьма маловажное. Где король пил вино, а королева жевала мелко нарезанное яблоко. А возле меня стоял тот, кто должен был стать моим мужем сразу после казни.

Рон обвёл взглядом толпу. Его взгляд скользнул по возвышению и остановился на мне. Чуть кривая грустная улыбка коснулась его губ. Тех самых губ, которые некогда доводили меня до безумия. Тех самых, что шептали нежные глупости на ухо...

Кровь хлынула из носа и потекла по подбородку, срываясь с него тяжёлыми каплями.

— Вытрись! — прошипел мне в ухо будущий муж, но я не отреагировала на его слова. Каменным истуканом стояла, вцепившись в деревянные перила до судороги в пальцах.

Чей-то платок коснулся лица, едва касаясь, и задержался у носа, останавливая кровь. А я не шевелилась. Смотрела в самые любимые на свете глаза, боясь бессмысленно потерять время. Запоминая каждую чёрточку его лица. Впитывая его взгляд. Чуть виноватый, словно извиняющийся. И тугим узлом в животе завязывалась боль.

Палач подвёл первого пленника и ударом древка секиры под колени свалил его перед колодой, жёстко припечатав голову к деревянной поверхности. Резкий свист... Рёв беснующейся толпы... голова покатила по доскам помоста...

А я всё смотрела в его глаза. Не дышала. Не жила. Не умирала. Застыла, как в страшном сне, силясь проснуться, сбросить это наваждение. Увязала в липком ужасе, объявшем меня сотнями голосов упивающегося страданиями демона — человеческой массы.

— Леди де Байе, вам не стоит быть здесь, — мягко и тихо сказал кто-то, чей голос был знаком и неузнаваем одновременно.

— Пусть смотрит, — жёсткий приказ жениха. — Пусть видит и

помнит, что случается с изменниками.

И я смотрела. Смотрела и запоминала. Как к той же колоде подводят моего мужа. Как он сбрасывает руки стражников, закованных в железо, и сам становится на колени.

«Я люблю тебя!» — шепчут беззвучно его губы. И я захлебываюсь рыданиями и вновь хлынувшей из носа кровью.

— Тевор, уведи её! — выкрикивает всё тот же кто-то.

И едва секира палача поднимается снова, моё лицо прижимают к чьей-то груди. Я забила, словно птица в силках. Только не это. Я должна была видеть. Запомнить. Всё запомнить. И вместе с тем взревела толпа, смакуя очередную жертву.

— Тише. Тише... — шепчет голос. — Уже всё.

«Уже всё!» — эхом отбивается в голове и прокатывается новым громовым раскатом.

«Уже всё!» — разлетается на осколки и несётся сухим песком, подхваченное порывом горячего ветра.

«Уже всё!» — обрывается что-то внутри.

А я проваливаюсь в Бездну, что разверзлась под моими ногами. Бездну горя, отчаянья и непроглядной тьмы.

«Уже всё...»

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весна в этом году пришла поздно в Арнгвирию.

Уже миновали праздники весеннего солнцеворота, а землю поутру ещё схватывали заморозки. И всё же дни были достаточно тёплыми, чтобы пробудить заспанную природу. Едва пробивалась листва на деревьях, лопались почки, с треском разворачивая пышные цветы родгелии на ветвях. Ранние птицы наперебой выводили трели, и гудели пчёлы в соцветиях медового тауни. Скреблись ровным строем по каменным плитам жуки-рогносцы. Искрились в солнечных лучах брызги, рассеянные в воздухе фонтаном. Жизнь шла своим чередом.

Некогда сиятельная герцогиня де Байе любила весну. Любила парк, разбитый подле замка Байе. Любила мощённые камнем дорожки и журчащие фонтаны. Любила песни, что выводили птицы, завезённые из Таливии ещё до переворота. Любила проводить здесь дни с сыном и вечера с мужем.

Раньше она многое любила. Она была весела и радовалась жизни и каждому дню, дарованному Великими.

Сейчас же....

Казалось, разрежь ей грудь и вырви сердце, оно окажется сухим и сморщенным, как прошлогодний плод тауни, забытый на ветке. Да и сама сиятельная герцогиня Эрвианна де Байе напоминала скорее тень самой себя.

Волосы, что по цвету своему ранее были подобны мёду, утратили блеск, а от левого виска тянулась тонкая седая прядь. В янтарных глазах потух огонь, что прежде согревал каждого, на кого она обращала свой взор. Герцогиня давно не посещала живительных источников, потому кожа её перестала отливать жемчужным перламутром. Она истончилась и стала молочно-белой с синими прожилками вен. Некогда алые, пухлые, губы выцвели, и их едва удавалось разглядеть на исхудавшем лице с запавшими щеками. И уж точно никто не мог вспомнить, когда касалась их улыбка.

Да и коснётся ли когда-то ещё? Не осталось у сиятельной герцогини Эрвианны де Байе причин для радости.

Даже сейчас, при возвращении мыслями в счастливое прошлое, её

лицо оставалось каменной маской, словно вырезанной из мрамора дивными мастерами. И столь же холодной.

Всё, что она когда-то любила, у неё забрали. Мужа. Сына. Остался дом, в котором она и хозяйкой разве что считалась. У неё забрали честь и гордость. И порой она задавалась вопросом, зачем ей оставили жизнь? Вот с последним она бы и сама не прочь расстаться, если бы не Дэнни...

— Эрри, девочка моя, ты совсем продрогла, — воскликнула Нэнси, запыхавшись от быстрой ходьбы. — Ты совсем себя не жалеешь.

Эрвианна даже не оглянулась на её голос, продолжая невидяще глядеть на тонкие струи воды, которые взлетали вверх, словно пытались дотянуться до солнца, но, обессилев, с раздражающе весёлым плеском падали в резервуар.

— Эрри, — тихо позвала Нэнси, осторожно присаживаясь рядом с герцогиней, словно боялась, что Эрвианна вспорхнёт подобно пугливой птичке. — К тебе гости.

— Кто? — сухо и бесцветно спросила она.

Голос её можно было бы сравнить со звуком песка, пересыпающегося в колбах часов. Или треском сухого хвороста в кострище...

— Твоя матушка! — выдохнула та, не в силах скрывать волнение.

Вот уже два года немногим удавалось услышать голос некогда не умолкающей Эрвианны. Короткие фразы. Сухие, как и её голос. Такие же холодные, как и сама герцогиня. Два года со дня казни мужа и дня её свадьбы. Вечность — для неё. Сотканная из отчаянья и ненависти. Полыхающее пламя, выжигающее остатки всего человеческого в груди и оставляющее по себе Бескрайние пески.

— Ты не можешь снова спрятаться, Эрри, — не унималась Нэнси, раздражая и выводя из себя Эрвианну своей правотой. — Герцогиня Саменти не уедет ни с чем в этот раз!

— Где она? — как обычно коротко спросила Эрри.

— В твоих покоях, — затараторила нянюшка. — Уже более двух часов. Леди Валения прибыла на рассвете. Но все слуги сбились с ног, разыскивая тебя. Лорд сен Фольи в гневе... — Нэнси запнулась и бросила короткий взгляд на всё так же безучастно глядящую на фонтан хозяйку Байе. Но та даже не пошевелилась. Только судорога прошла по лицу, словно само имя этого человека причиняло ей невыносимую боль. — Герцогиня де Саменти, наверное, уже заждалась...



Эрри не стала слушать дальше трескотню бывшей нянюшки. Резко поднялась и, сделав несколько глубоких вдохов, захлебнувшись сладким ароматом медового тауни, направилась в сторону замка. Стоило отругать слуг за то, что впустили чужого человека в её покои. Возможно, раньше она б так и сделала, но теперь ей было абсолютно всё равно. Пусть.

Её покои — только зовутся таковыми. Иногда Эрвианне казалось, что даже мухи и мыши докладывают сен Фольи о каждом её шаге. Каждом вдохе. Это невыносимое чувство гнало её прочь из замка Байе в любую погоду. Куда угодно, только бы не в этих стенах.

И сейчас она на каждом шагу словно переступала через себя.

Слышно было, как стучат по каменным плитам двора каблуки старающейся не отставать и спотыкающейся на каждом шагу Нэнси. Но Эрри не замедляла шага. Не до того было. Она шла так, как если бы была на поле боя. Гордо вскинув голову и приготовившись ко всему. О! Её дом уже два года как стал полем боя. Между ней и её мужем, имя которого она даже произносить вслух не желала. Оно застревало в горле раскалённым железом...

Так же быстро и безмолвно она миновала парк, за ним дворик, не бросив и мимолетного взгляда на согнувшихся в поклонах слуг. Лишь перед входной дверью замешкалась, собираясь с силами, и только сделав несколько глубоких вдохов, всё с тем же мраморным лицом вошла в замок.

— Вас разыскивает Его Сиятельство... — начала молоденькая служанка, но и на неё Эрри не обратила внимания, и девушка тут же умолкла.

Его Сиятельство... сен Фольи имел на этот титул столько же прав, сколько корова на седло. Но и это мало заботило Эрри. Порой она тешила себя мыслями, что надетые не по размеру титул и власть однажды затянутся на шее графа удавкой...

Это были сладкие мечты, которым она предавалась, когда он приходил в её покои по ночам. И только это помогало вытерпеть те минуты соития, которые она обязана была отдавать ему как жена.

Эрри поморщилась, став похожей на демона, вырвавшегося из самой Преисподней, и девушка, вздрогнув, попятилась.

Никто не знал, чего ожидать от Её Сиятельства герцогини де Байе. А потому её боялись. Её замкнутости, отрешённости, её холодного

взгляда и сухих, как Бескрайние пески, коротких, но жёстких слов. Её опасались слуги, рассказывая по вечерам сплетни о том, что герцогиня на самом деле не иначе как самая настоящая ведьма. Но говорили тихо, чтобы, не дай Великие, не услышал кто и не донёс ей. Ведь неизвестно, что она может сделать за неосторожно обронённые слова. И хоть магия по закону каралась смертью, обрекая притом на уничтожение ещё два поколения — и предков, и всех наследников — никто не осмелился своими домыслами делиться с законниками. А Эрвианна не считала нужным пресекать сплетни. Чем больше её боялись, тем меньше трогали.

Покои герцогини находились в левом крыле на втором этаже. Быстрая ходьба утомляла её отощавшее тело. Выбивала испарину на лбу, рвала грудь свистящей одышкой. Но она не показывала этого. Не хотела падать в глазах слуг ещё ниже.

Хотя куда уж? Её нынешний муж, взяв лишку, не стеснялся распускать руки на их глазах. Не стеснялся брать её тело просто за обеденным столом, пока они расставляли блюда. Он относился к ней отнюдь не как к жене или хотя бы благородной леди. Скорее как к одной из своих шлюх, что теперь грели его постель. Некоторые даже переехали в замок, поселились в мужском крыле с его позволения, чтобы быть рядом, когда того пожелает господин. А вот как раз последнее Эрри устраивало. Чем больше шлюх в его постели, тем меньше его в постели самой Эрри.

Если бы его не было вообще... Но это оставалось всего лишь сладкой мечтой. Точно такой же, как и снова обнять Дэнни. Её единственный смысл жизни. Причина, по которой она ещё не выпила слёзы квархи и не отправилась вслед за Роном. Причина, по которой ей нужно было оставаться среди живых...

Порой, когда реальность становилась и вовсе невыносимой, Эрвианна заставляла себя вспомнить:

...Темнота. Ненавистная темнота и узкие ступени, ведущие вниз, завернувшись спиралью, подобно огромной змее. И только дрожащий то ли от сквозняков, то ли от страха, цепляющийся за промасленную тряпку на факеле огонь впереди. Его дрожь передавалась тускло и неровно освещённым стенам.

Ступени, покрытые скользкой мокрой плесенью, то и дело норовили сбить с ног.

Иногда сквозь ритмичный звон железных блях, нашитых на кожаный доспех идущего впереди стражника, было слышно, как капает вода. Но этот звук был здесь настолько неуместен и нереален, что казался игрой сознания.

Запахи отхожего места, гниющего мяса, прелой соломы и затхлости выедали и без того слезящиеся глаза. Душили.

— Здесь! — остановился стражник возле одной из дубовых дверей и приладил факел на стену. — У вас не больше пяти минут.

Пять минут.

Так мало и в то же время — целая вечность. Звякнул монетами мешочек, стукнувшись о кожаную перчатку. И стражник, чуть поклонившись, скрылся в темноте коридоров.

Тьма скрывала герцога де Байе в чёрном чреве вонючей холодной камеры.

— Рон, — тихо позвала Эрвианна и вздрогнула, стоило тьме в камере вздохнуть, зашевелиться, зашуршать. — Рон, ты слышишь меня?

— Тебе не стоило приходить, Эрри, — всё же ответила густая тьма голосом Роневана.

— Я помогу тебе... — зашептала герцогиня Байе, вцепившись в решётку. — Я дам денег... Я смогу... Я знаю, кого просить...

— Нет! — прервал он её, не дав сказать больше и слова. — Это конец, Эрри.

Эрвианна хотела возразить, закричать, взвыть, но горло сжал спазм, и она разрыдалась, судорожно хватая воздух.

— Я не хочу так... Без тебя... Не смогу...

— Сможешь, моя хорошая. Я усомнился бы в ком угодно, но только не в тебе. Ты справишься. Поклянись, что справишься. Для меня и Дэнни. Поклянись, что выживешь и убережешь нашего сына.

Холодный безразличный плеск воды...

Треск промасленной тряпки...

Всхлипы рыдающей Эрри...

Нескончаемо долгие секунды...

— Клянусь...

Шёпот, похожий на шелест, слышали только стены и проклятая капель, так не к месту поющая о весне...»

Герцогиня резко остановилась, оперевшись о стену и переводя дыхание. Воспоминание причиняло боль. Словно снова и снова

отрывали часть неё. И каждый раз это было не менее болезненно, чем тогда. Но именно она не позволяла сдаться. Не позволяла забыть.

Короткий коридор. Двадцать три шага, которые Сиятельная Эрвианна преодолела, не сбавляя шага, и, рывком открыв дверь, вошла в собственные покои.

Герцогиня Валения де Саменти ожидала её, листая какую-то книгу, которые хозяйка покоев во множестве расставляла по комнате, словно эти истории могли заполнить ту пустоту, что была в душе. Но зачастую она едва перелистывала десяток страниц и ставила книгу на место, не в силах сосредоточиться на смысле повествования.

Глядя на Валению, легко было представить, как могла бы выглядеть Эрри в более зрелом возрасте. Волосы, глаза, тонкий ровный нос, чуть пухлые губы и едва заметные морщинки в уголках глаз. Тонкий стан, не лишённый округлостей там, где им полагается быть. Вот какой бы могла быть Эрри. Могла бы. Та Эрри, что ещё два года назад была счастлива и беззаботна.

— Эрвианна, девочка моя, как я рада тебя видеть... — начала герцогиня де Саменти, хлопнув небольшим томиком о стол.

— Зачем ты здесь? — всё так же безучастно и сухо спросила Эрвианна, и все заготовленные матерью слова повисли в воздухе недосказанностью, а благодушие с Валении де Саменти соскользнуло, как талливийский шелк с дорогой шлюхи, оставив по себе только нагие истинные чувства.

— Я тоже рада тебя видеть, — внешне не проявляя подобных эмоций, сказала мать, задумчиво следя за тем, как Эрри проходит по покоям и наливает себе красное вино в кубок. И, чуть кривя подкрашенные губы, добавила: — Прекрасное начало дня.

Именно в эту минуту в покои ввалилась запыхавшаяся Нэнси, утирая пот со лба кружевным платком, и тут же согнулась в поклоне. Тем самым избавив Эрвианну от необходимости что-либо говорить или объяснять. По большому счёту, она и не должна была. Но демоновы приличия и родственные узы...

— Госпожа... — не понятно к кому обращаясь, выдохнула престарелая служанка, не смея поднять головы.

— Нэнси, дорогая, оставь нас, будь добра. Я бы хотела поговорить с дочерью наедине, — улыбаясь, сказала Валения, и та тут же, не разгибаясь, попятилась к выходу. — И проследи, чтобы у стен внезапно

не выросли уши.

— Конечно, госпожа, — донеслось из-за закрывающейся двери.

В покоях повисла тишина и запах терпкого кильнского вина.

— Мне не предложишь? — спросила герцогиня де Саменти, не сводя задумчивого взгляда с дочери, словно искала ниточку, которая ещё могла их связывать спустя всё это время.

Эрри сделала знак рукой, предлагая ей самой себя обслужить, но Валения даже не пошевелилась. Всё так же не сводила глаз с дочери, что вместо восхищения теперь вызывала разве что жалость.

— Плохо выглядишь, — заключила наконец герцогиня де Саменти, поднимаясь и наливая себе вино из того же графина, что и дочь.

Эрвианна на её слова отреагировала едва заметным пожатием плеч.

— Зато ты, как я посмотрю, просто сияешь, — в её голосе можно было слышать укор, который должен был бы смутить того, к кому она обращалась. Но Валения де Саменти слишком долго вращалась при дворе, чтобы её могли тронуть простые слова. И кому как не Эрри об этом знать. — Так зачем ты здесь?

— Соскучилась? — скорее предположила, чем ответила Валения.

— У меня не то настроение, мама.

Кто не знал герцогиню Саменти, тот поверил бы её словам и тому, что её поступки не имеют изнанки. Но если ты вдыхал отравленный воздух дворцовых интриг, то всегда ищешь подводные камни даже там, где их быть не может.

Валения медленно отпила красное кильнское и опустилась в то же кресло, в котором дожидалась прихода дочери.

— Присядь. Я хочу узнать, как ты провела эти два года.

— Мне нечего тебе рассказать. Думаю, всё, что тебя могло бы заинтересовать, и так известно при королевском дворе. В остальном — я не хочу тешить твоё праздное любопытство.

Валения задумчиво побарабанила ноготками по подлокотнику кресла и отставила кубок на маленький столик для книг.

На её красивое лицо набежала тень. Видимо, не так она представляла встречу с дочерью, которой не видела около двух лет. Да, Валения не часто приезжала в замок Байе, но даже в те несколько визитов Эрри не пожелала встречаться в ней. Порой доходило до абсурда. Её Сиятельству приходилось кормить блох и клопов на постоялом дворе в городке близ замка. И отговаривалась дочь тем, что

очень больна и слишком слаба, чтобы принимать гостей. А её муж старался исчезнуть из дома на охоту или патрулирование территорий.

Возможно, Эрри была зла на мать из-за того, что все силы Валения бросила на то, чтобы сохранить жизнь и власть своему младшему отпрыску. Сыну, которому только благодаря тому, что он последний в роду Саменти мужчина, удалось сохранить жизнь. И еще — тому, что во время восстания он мог держать в руках только деревянный меч.

— Эрри, ты должна меня понять. Гилверу нужна была помощь. Герцогство Саменти принадлежит ему по праву наследования... — начала оправдываться мать, отведя глаза.

— Я всё понимаю, — оборвала её Эрвианна. — Ты просто обязана была сделать всё, чтобы он получил печать и кольцо герцога. И, как мне напели перелётные птицы, ты справилась с этим просто блестяще. С чем и хочу тебя поздравить. И всё же это никоим образом не объясняет столь неожиданного визита.

— Мне нужна твоя помощь, — не стала юлить Валения и, не дождавшись даже намёка на интерес дочери, продолжила. — Я предлагаю сделку, Эрри. Ты — поможешь мне в моих делах при дворе, а я — избавлю тебя от сен Фольи и помогу вернуть опеку над сыном.

В этот раз в глазах Эрвианны де Байе мелькнуло нечто похожее на интерес. Предложение было из тех, что несказанно желанны, но абсолютно недостижимы.

— Какого рода помощь от меня требуется? — спросила она, когда нервное тиканье настенных часов стало вконец невыносимым.

Валения улыбнулась. Едва заметно. Пусть это и была всего лишь первая и весьма сомнительная, но всё же победа. Дочь заинтересовало её предложение, а значит, остальное — дело времени.

— Я всё расскажу тебе после того, как ты меня накормишь. Иначе я могу свалиться от вина и усталости. Скажу только, что для осуществления моих планов мне нужна Многоликая. Надеюсь, ты понимаешь, о чём я?

Эрри понимала. Как и понимала, насколько опасна затея матери.

Многоликие — тайный орден предыдущего короля Арнгвирии. Столь малочисленный, что само существование его считалось досужей сплетней и являлось настолько тайным, что даже за сплетни о нём можно было попасть в казематы или в руки королевского палача. Мало кому было известно, что он собой представляет и каковы задания

Ордена Многоликих. Но слушают и слышат даже тени, застывшие на холодной кладке стен...

Эрвианна была в числе тех, кто знал об Ордене не из досужих сплетен. Хоть и не всё, но многое. Уже покойный отец, сложивший голову в сражении под Валье, многое успел ей рассказать, едва в девочке проснулись зачатки дара Многоликой. Как и предупредил об опасности, которая грозила ей в королевстве, где магия была под запретом, и только король решал судьбу тех, кто ею обладал. Потому любые проявления магического дара скрывали столь же тщательно и рьяно, как позор обещанной невесты.

Эрри не стала исключением. Возможно, это и было причиной того, что её выдали замуж в столь раннем возрасте за герцога де Байе. Тогда ещё просто виконта.

Отец не мог позволить, чтобы любимая дочь стала одним из орудий в дворцовых интригах покойного Федерика Второго. Покойный король только на словах был блюстителем собственного закона. На деле Многоликие стали его ушами, глазами и руками, которые не страшно замарать кровью. А сам запрет магии — теми вожжами, с помощью которых он правил не только простым людом, но и своевольными магами, порой мнившими о себе больше, чем представляли на самом деле.

Дар Многоликих был в том, что они легко перенимали не только форму другого человека, но и его повадки, желания, стремления... Даже магические способности, если вдруг такие имелись. В некотором роде Многоликие на какое-то время становились тем человеком, подобие которого считывали. Единственное, что оставалось своего — память и мысли.

Но!

Маги при королевском дворе были столь же необходимы, сколь опасны.

Эрри прекрасно понимала, чем может обернуться затея матери. В лучшем случае её ждала смерть. Как и Валению. И Дэнни... И даже Гилвера. С другой стороны... Сын. Её сокровище. Единственный смысл её жизни. Она готова была совершить невозможное, чтобы её единственный ребёнок был в безопасности!

— Нэнси, — негромко позвала Эрри, и в дверь тут же вошла бывшая нянюшка.

Не стоило даже сомневаться, что ни одно слово, произнесённое в стенах покоев герцогини, не миновало её ушей. Как и в том, что даже самый искусный палач не вырвет их из престарелой служанки.

— Да, госпожа, — согнулась она в поклоне.

— Прикажи накрыть завтрак на двоих на верхней террасе. И приготовить покои для герцогини де Саменти.

Валения едва заметно улыбнулась.

— Мы с тобой, моя радость, снова станем самыми влиятельными людьми при дворе...

— Меня интересует только мой сын, — обозначила собственную цель Эрри. — Не более, но и не менее.

— Это пока, дорогая.

Спустя каких-то десять минут завтрак был накрыт и обе герцогини поднимались по винтовой лестнице на верхнюю террасу.

Вид с неё открывался просто изумительный. Казалось, будто стоишь на краю мира. Под ногами раскрывало свой зев ущелье. А дальше бескрайние поля и луга, в эту пору ещё зелёные с вкраплениями синих и алых цветов парэси. Чёрные точки диких ворей, которые, не боясь человека, паслись на лугах. Хотя это человеку стоило их бояться. Их шкура была столь толстой, что пробить её не могла ни одна сталь. А сила столь велика, что взрослый мужчина казался немощью подле них. Тёмно-зелёная полоска леса, словно шёлковая лента на талии высокородной леди, отделяла синее небо от зеленеющей земли.

Эрри подошла к самому краю, замерла, вцепившись в кованые перила и задумчиво глядя куда-то на горизонт. Это место когда-то ассоциировалось для неё с уютом и покоем. Особенно летние вечера, когда над головой чернел купол ночного неба с вкраплениями точек ярких, приковывающих взгляд, звёзд. Или зимние дни, когда вьюги одевали землю в девственно-белый наряд.

Но за последние два года она поднималась сюда едва несколько раз. Да и то отнюдь не для того, чтобы насладиться красотами. Верхняя терраса находилась в том крыле замка, что нависал над обрывом. Или Бездной, как говорили слуги. И мысли, что посещали голову Эрри, когда она выходила на террасу, были отнюдь не о красоте и отдыхе. Порой она думала о том, что Бездна настолько глубока, что её тело вряд ли смогут отыскать, если решиться и свести счёты со своим жалким существованием. Потому со временем она перестала приходить сюда.



— Символично, — сказала герцогиня де Саменти, прохаживаясь вдоль высоких перил и заглядывая вниз. — Завтрак над пропастью.

— Над Бездной, — поправила её Эрри, присаживаясь за небольшой круглый столик. — Ты, кажется, была голодна?

Ей не терпелось узнать, что задумала мать. Но никто, даже Валения, не смогли бы прочесть это нетерпение на лице Эрвианны.

Мать улыбнулась.

— Твоя забота и внимание выше всяких похвал, — то ли поддела, то ли похвалила Валения дочку.

— У меня есть достойный пример, мама, — ответила тем же Эрри.

Герцогиня привычно сделала вид, что не поняла, о чём речь, и присела за стол.

Аппетиту матери Эрри могла только завидовать. Валения довольно быстро для аристократки разделалась с лёгким салатом и хрустящими пирожками с начинкой из мяса и сушёных плодов тауни. И теперь смаковала сладкую булочку, запивая её ароматным горьким кайвэ.

Эрвианна же едва коснулась еды и то и дело прикладывалась к вину, которое слуги всегда ставили на стол для герцогини де Байе.

— Мне не нравится твоё пристрастие к выпивке, — заметила мать. — Оно не слишком хорошо сказывается на внешности и уже тем более на рассудке.

— И мне многое не нравится. Я же не озвучиваю этого, — пожала плечами Эрвианна. — Как обстоят дела при дворе? Надеюсь, ничего не изменилось? Интриги и заговоры нынче снова в моде?

Валения отставила чашку на блюде и, промокнув губы салфеткой, поморщилась.

— Милая, не стоит упоминать политику всуе! Как любит говорить наш король: «Даже швея и пряжа нынче знают, как лучше управлять государством, и мечтают свергнуть законного правителя».

— О! Всё настолько серьёзно? Помнится, Вистер всегда был весьма уверенным в себе человеком. Неужели место у руля государства стало для него столь жёстким.

— Ты и представить себе не можешь, насколько. Но... Тс-с-с! Иначе твоя очаровательная головка недолго пробудет на плечах. Нынче даже досужая сплетня или глупая шутка могут стать причиной для свидания с палачом.

— Ты меня заинтриговала! — хмыкнула Эрри. — Сразу захотелось

сделать что-то такое...

— Не стоит. Тем более учитывая, что не сегодня-завтра ты снова окажешься при дворе.

— Правда?! С чего бы? Не помню, чтобы я изъявляла подобное желание...

— Всему своё время, милая моя девочка. Для начала мы приведём тебя в порядок. Когда ты в последний раз посещала Живительные источники?

— Не помню, — честно ответила Эрри, поставив кубок на столик. — До сего дня я не видела в этом необходимости.

Валения театрально закатила глаза. Надо же так пренебрегать собой.

— Мы сегодня же исправим это.

— Правда? С чего это ты взялась исправлять то, что я так старательно убивала целых два года? Может, всё же лучше спросить, нужно ли мне это? — напомнила Эрвианна.

— Послушай, Эрри, если ты хочешь вернуть сына и в нужное время вручить ему кольцо и печать, то сделаешь всё, как я скажу.

Эрри рассмеялась. Её смех был похож на хруст снега под ногами в морозный день.

— Мама-мама. Ты неисправима. Стоило сразу сообразить, что единственное, что тебя интересует — это власть. К тому же, подобные слова я уже два года слышу от нынешнего мужа... — поморщилась Эрвианна. — Придумай что-то пооригинальней, чтобы мне стало и правда интересно.

— Он так плохо с тобой обращается? — и Эрри показалось, что Валения искренне жалеет её.

Но отвечать не стала, снова взяв в руки кубок. Жалость не то чувство, которое она хотела бы вызывать в окружающих. Хотя... А, собственно, что ещё она могла вызывать?

Нужно было бы ответить. Соврать. Но сложно было придумать хоть сколько-нибудь достойную ложь, в которую Валения могла бы поверить. Больно внушительный опыт у матери по части лжи. Не Эрвианне с ней соревноваться в лицемерии.

Благо не пришлось.

Согнувшиеся в поклоне слуги недвусмысленно дали понять, насколько лёгок на помине граф сен Фольи. Дверь на террасу тут же

открылась, и в проёме появился он. Чудовище, что превратило жизнь герцогини де Байе в сплошной кошмар. Граф Тевор сен Фольи.

Ему было едва за тридцать. И многие женщины считали его весьма привлекательным мужчиной. Как и все арнговирейцы, он отличался высоким ростом и могучим телосложением. А так же типичным чёрным цветом волос и тёмно-карым — глаз. К тому же граф был учтив, слащав, как тягучий медовый сироп, а его манеры — идеальны, и он легко мог поддержать любую ничего не значащую светскую беседу. Возможно, не знай Эрри, что собой представлял Тевор, то тоже бы отметила его мужественную красоту и манеры. Но ей он представлялся в несколько ином свете.

В тот проклятый Великими день, который по недоразумению назвали свадебным торжеством, она ещё не представляла, чем обернётся этот союз. По правде сказать, Эрри тогда вообще мало что соображала. Казалось, всё, что с ней тогда происходило, было лишь неудачной постановкой бродячего театра. Платье, гости, пир, здравицы, что произносились в честь новобрачных молодожёнов. Громыхающая музыка и акробаты...

...В зале для приёмов — шум... Разноголосые выкрики и веселье... Вспышки выплюнутого циркачом огня... Звон монет, брошенных знатью под ноги артистам...

Задорные песни, смысл которых невозможно уловить... И громыхающая музыка...

Всё это остаётся позади. Скрывается в освещённых ярко, как днём, коридорах королевского дворца. Отпускает...

Боль сжимает виски. В груди тяжёлый, почти неподъёмный груз осознания всего того, что случилось. Совсем недавно. Ещё до того, как солнце коснулось горизонта... а судьба уже снова сделала резкий поворот.

Эрвианна тяжело опустилась на широкое ложе. Запах свежих цветов и терпких плодов. Вина...

Тошнота подступила к горлу. И пришлось сделать несколько глубоких вдохов.

Она сможет. Справится. Она поклялась.

Это не должно быть непосильно...

Дверь открылась резко, словно от порыва беснующегося штормового ветра. Казалось, миг — и она слетит с петель.

Её... муж... теперь уже муж... вошёл в покои и, хлопнув дверью, застыл в шаге от кровати, с отвращением глядя на Эрри.

С одной стороны, и понятно, что большой любви он не мог к ней испытывать. Ещё вчера они были из разных лагерей. Ещё вчера её муж и отец сражались против, возможно, брата или отца сен Фольи. Так что тёплых чувств они не могли вызывать друг в друге.

И всё же отныне им жить вместе. Изображать счастливую семейную пару перед королевской четой, которая, несомненно, будет следить за каждым их шагом. Не лучше ли попытаться договориться сразу?

Потому...

— Тевор... — хрипло начал Эрри. — Я понимаю...

Договорить ей не удалось.

Он навалился на неё всем телом, прижав к кровати так, что Эрвианна не могла ни шевелиться, ни дышать. Тяжелый кислый запах перегара осел неотвратимостью предстоящего на её губах. И его лицо... маска древнего огненного демона, на которой то и дело гнев сменялся брезгливостью, ненавистью, злостью и... желанием...

Холодный ужас пополам с отчаяньем пополз от щиколоток вверх по ногам, повторяя путь её шёлковых юбок, холодных, как змеиная кожа.

Крик о помощи застрял в горле, задушил малейшую надежду. Никто не придёт. И следует смириться с этим.

Нескончаемо долгие минуты...

Потолок, качающийся в такт его движениям.

Боль, с которой отмирало что-то важное в сердце Эрри. И пустота, которую уже ничто и никогда не сможет заполнить...

Хотелось рассыпаться пылью и раствориться в круговороте вечности, перестать существовать, сгореть, чтобы не видеть то ничтожество, что отныне будет смотреть на неё из зеркал.

— Я всё равно от тебя избавлюсь. Не питай надежд. От тебя и твоего ублюдка, — его дыхание обжигает гневом обнажённое плечо.

Волна ненависти поднялась оттуда, где несколько минут назад в агонии билась надежда.

О, нет! Это она избавится от него. Отныне её стержнем станет жажда мести...

Нужно было время и трезвый рассудок, чтобы уяснить, как

невыгодно для сен Фольи было жениться на высокородной и сказочно богатой вдове изменника. И, естественно, быть удалённым от королевского двора, дабы она не портила настроение королевской чете своим присутствием. Особенно злило графа то, что по закону он не имел даже мизерных прав наследовать её деньги и титул. В случае смерти Эрри всё состояние Байе перешло бы Дэнни как единственному наследнику Роневана де Байе. А если и единственный наследник скоропостижно скончается, тогда судьбу герцогства стал бы решать король. И, учитывая, сколь обнищала после переворота казна — отнюдь не в пользу графа сен Фольи.

Но и для него имелась лазейка. Чтобы богатства Байе мог подгрести под себя Тевор, Эрри должна была родить ему наследника. В таком случае за Дэнни наследовал бы младший брат, а Тевор как опекун смог бы распоряжаться состоянием на своё усмотрение.

Мог бы...

Но Эрвианна ни за что не стала бы подвергать своего сына подобной опасности. Потому Нэнси каждый вечер приносила ей отвар из девяти трав, что не давал ребёнку зародиться в её чреве, неизменно сетуя на то, что так герцогиня убьёт в себе самую способность рожать детей, в душе понимая, что все эти слова лишь пустое сотрясение воздуха.

И только несколько месяцев назад удалось найти более-менее приемлемый выход. Именно Нэнси подкупила одну из шлюх сен Фольи. Таким образом, отвар, сводящий на нет всю мужскую силу, стал неизменным составляющим его любимого вина.

Казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением. Но Тевор, будучи не в состоянии исполнять супружеский долг, срывал злость на Эрвианне иначе. Одно радовало, по лицу никогда не бил, опасаясь неожиданного визита гостей. Однако Эрри стала замечать, что даже продажные женщины, слоняющиеся по замку, поглядывают на неё с жалостью. А потому спешила надеть маску холодного безразличия. Увы, это приходилось делать столь часто, что она и сама не могла бы вспомнить, когда маска стала её настоящим лицом.

— Как же я рад вас видеть, сиятельная герцогиня де Саменти, — расплылся в абсолютно фальшивой улыбке сен Фольи.

Мать ответила ему столь же неискренней улыбкой.

— Я тоже безмерно рада, граф, — протянула она руку, которую

Тевор тут же облобызал. — Просто вопиющее упущение, что за это время нам так и не удалось узнать друг друга получше. Очень жаль, что вы с моей дорогой девочкой так редко появляетесь при дворе, — наигранно вздохнула она.

Шпилька достигла цели, задев самое больное — самолюбие. Эрри наградили таким взглядом, что другой кто уже подавился бы вином. Но за два года она познала гораздо худшее, чем полыхающие взгляды, и подобное впечатлить её не могло. Как и утаиться от Валении.

— Моей супруге нужно было время, чтобы оправиться от потрясения и свыкнуться со своим новым положением. Слишком тяжёлым ударом для неё стали перемены, — без тени улыбки сказал Риквел и тут же, словно спохватившись обратился к жене. — Кстати, Эрри, я искал тебя всё утро. Где ты пропадала? — едва удерживая дружелюбную маску, спросил Риквел.

— Правда? — привычно бесцветно спросила Эрри. — Мне ничего не передавали, — не моргнув и глазом, соврала она.

— Тебе письмо от... Дэнни, — сказал он гораздо холоднее, чем требовалось. Да и заминка перед именем мальчика, обозначила больше, чем он бы того хотел. Особенно для Валении, привыкшей всё улавливать налету.

Но Эрвианне было уже абсолютно всё равно.

Письмо от Дэнни. Её мальчика. Единственного, что ещё держало на этом свете и того, ради кого она терпела всё и готова была стерпеть гораздо больше. На уже привычно каменном лице впервые за долгое время проступили эмоции. Радость, надежда, страх. Они сменяли друг друга столь быстро, что даже Валения не смогла бы сказать, что именно сейчас чувствовала её дочь. Хоть как мать прекрасно её понимала. Не так давно ей пришлось самой бороться за жизнь сына.

— Милая, прочтёшь его в своих покоях, пока мы с твоим супругом посплетничаем здесь, — сказала она дочери, едва в чуть дрожащих руках Эрри появился смятый и, естественно, распечатанный конверт.

— Да, мама, — ответила ей благодарной улыбкой Эрвианна. — Я подожду тебя там.

На миг даже голос её изменился. Пропала скрипучая сухость, а ей на смену вернулась мелодичная нежность, которой некогда восхищались придворные короля Федерика Второго и сам покойный король.

Но это был всего лишь миг. Короткий момент слабости. И вот уже снова на террасе замка Байе стояла мраморная статуя с ничего не выражающим лицом. И герцогиня де Саменти невольно сравнила её с изваяниями Великих в Святых Храмах.

Короткий кивок мужу и матери, и Эрри едва не бегом зашагала в покои, минуя лестницу и ставшие неимоверно длинными коридоры. Привычно не обращая внимания на сгибавшихся слуг и жавшихся к стенам служанок. В груди закручивалась тугая пружина тоски и тревоги за Дэнни. И только развернув послание, она сможет увериться, что это всего лишь её личные страхи. Или наоборот.

В комнатах убирались горничные. Они тут же склонили головы, оставив работу.

— Все вон! — не повышая голоса, сказала Эрри, и девушки незамедлительно выскочили из покоев, словно там разверзся зев Бездны.

Но только когда на двери щёлкнул засов, а шторы были плотно задёрнуты и зажжена свеча, Эрри позволила себе немного расслабиться.

Она разложила на столике конверт и бережно расправила смятую бумагу. После снова взяла в руки и поднесла к лицу, вдыхая запах.

Бумага, чернила, запах конского и мужского пота. А ещё вонь притираний сен Фольи. И ни одной нотки, что могла бы принадлежать Дэнни. На её лице мелькнуло разочарование. И тут же исчезло.

Эрвианна извлекла письмо и стала вчитываться в строки.

Послание мало чем отличалось от многих предыдущих. Округлые буквы... Неровные строчки... Размазанные чернила... И короткое «Твой Дэнни» под перечислением всех «Всё хорошо!» Так же сухо, как и многие другие. Так же пусто, как Бескрайние пески.

Эрри разложила на столике лист и разровняла ладонями. Подошла к полочке со множеством книг и достала из тайничка в одной из них небольшой пузырёк из синего прозрачного стекла. В нём, словно снег под лучами солнца, чуть искрился серебряный песок. Этот песок был очень редким и баснословно дорогим. И Эрри, не зная, удастся ли ещё раздобыть его втайне от мужа, берегла его только для таких вот случаев.

С тихим глухим хлопком открылась крышка, и песок тонкой струйкой выскользнул на бумагу, искрясь и переливаясь, как россыпь драгоценностей.

Несколько мгновений ничего не происходило. А затем он ожил.

Зашевелился... Зашуршал, растекаясь по листу.... Стал обретать объём и форму... Расти... И вот уже за столом сидит малыш Дэнни и скребёт по бумаге заточенным пером. Хотя вряд ли его теперь можно было называть малышом.

Это тогда, два года назад, когда пятилетнего наследника Байе увозили неизвестно куда, он действительно был ребенком. Теперь же ему было семь. А сосредоточенное серьёзное лицо добавляло ещё пару лет.

Как же он был похож на отца... словно Великие слепили его, в точности повторяя черты Роневана. Те же глаза — тёмно-синие, почти чёрные. Те же упрямо поджатые губы. И эта прядь тёмных волос, упавшая на лицо...

Эрри даже, едва не забывшись, хотела коснуться их и поправить непослушную прядь. Но вовремя спохватилась и убрала руки, сложив их в замок перед собой. Она неотрывно смотрела, как сын выводит буквы. Как от усердия прикусывает губу. Как покусывает край пера, раздумывая над следующим предложением. И даже не сразу поняла, что лицо её мокро от слез, а тело сотрясают беззвучные рыдания. Как же она скучает! Как невыносимо тоскует по нему...

Она ловила и запоминала каждое его движение. Страшась, что следующее письмо получит не скоро.

Вдруг Дэнниел застыл, словно прислушивался к словам человека, который находился рядом с ним в тот момент. И через некоторое время кивнул. Со стола рядом с бумагой взял маленький мешочек с песком и, рассеяв его по листу, дописал в конце письма несколько строк.

Эрри поднялась с места и встала за его спиной, чтобы лучше рассмотреть написанное и скрытое от чужих глаз.

«Мама, береги себя. До меня доходят слухи, но я не хотел бы верить в их подлинность. Говорят, что ты больна. И возможно, очень серьёзно».

На этих словах Эрвианна отчётливо скрипнула зубами, но тут же вернулась к чтению.

«Но, повторяюсь, я не хочу верить в то, что могу лишиться единственного родного человека. Мне повезло с наставником. Он обучает меня бою на мечах и верховой езде. И я обещаю, что сделаю всё, чтобы больше никто не причинил тебе зла. К тому же у меня появился друг, который обещает помочь нам. Наберись терпения и будь



сильной. С любовью, Дэнни».

Дописав эти слова, мальчик рассеял на бумаге новую порцию песка, и последние строки исчезли.

Как и само видение осыпалось горкой песка... Только Эрри продолжала стоять, не в силах сдвинуться с места, и смотрела на лист с корявыми строчками, написанными детским почерком.

Не было сомнений, что дописанные слова написаны сыном по чужой воле. Пусть ему семь и он достаточно взрослый, чтобы писать самостоятельно. Но сами слова... Не хотелось даже думать о том, что они могли поселиться в голове её ребенка. К тому же песок... Откуда у Дэнни песок для тайной переписки? Кто этот друг, что сулил ему помощь? И каковы его цели? И что ему известно...

Столько вопросов, доводящих до отчаянья отсутствием ответов. Лишающих разума, сковывающих паническим страхом. До дрожи в руках. До горечи во рту. До паники. До безумия...

И только когда в дверь постучали, Эрвианна отмерла и, ссыпав с листа потускневший песок в камин, открыла, впуская в покои мать.

— Та ещё мразь этот твой муж. Теперь я понимаю, почему ты стала такой, — посетовала Валения, нервно вышагивая по комнате. — Но ничего... Не я буду Сиятельной герцогиней де Саменти, если к концу года мы не избавим тебя от него.

— Мама, скажи, ты была у Дэнни? — сдавленно спросила Эрвианна, едва справляясь с дрожью в голосе.

Валения резко остановилась. Краски слетели с её лица, а в глазах отчётливо проявилось беспокойство.

— Что с ним? — сдавленно спросила она.

Эрри какое-то время смотрела на мать, силясь понять, правдивы ли её чувства. Или же это очередная искусная игра. Но решила, что в этот раз Валения и правда беспокоилась за внука.

Лязгнул дверной засов. И очередная порция песка высыпалась на лист. И снова маленький Дэнни выводил буквы за столом в покоях герцогини де Байе. Но в этот раз мать и дочь следили за малейшими изменениями мимики, незначительными, казалось бы, заминками. В этот раз Эрри не просто наблюдала за сыном, а старалась понять, кем мог быть тот, кто продиктовал мальчику скрытые строки.

— Шарам... — выругалась Валения, помянув жителя Преисподней, когда песок снова осыпался горкой на лист бумаги.

— Есть предположения, кто бы это мог быть? — дрожащим от напряжения голосом спросила Эрри.

— Ни малейшего. Точнее столько, что можно сказать — ни одного, — задумчиво глядя на лист, ответила мать. — Одно могу сказать, это точно не Тевор.

— С чего такая уверенность?

Валения, наконец, посмотрела на дочь. И то, что она увидела, ей не понравилось.

— Возьми себя в руки сейчас же, — жёстко приказала она. — Ты выбрала не то время, чтобы раскисать и поддаваться панике.

Эрри сделала несколько глубоких вдохов и кивнула, давая понять, что готова слушать.

Герцогиня де Саменти вздохнула и укоризненно покачала головой.

— Твой муж привык действовать, полагаясь исключительно на силу, — сказала она. — Его легко вывести из себя, и тогда он не контролирует ни себя, ни ход событий. Да и к сему это сен Фольи? Он бы не стал скрывать своё присутствие, если бы просто хотел тебя в очередной раз запугать. Скорее наоборот. А этот человек скрыл свою личность. Он не прикасался к бумаге, да и к Дэнни тоже, дабы не оставить следов. Но обозначил своё присутствие.

— И что теперь? — спросила Эрри, уже взяв себя в руки и обретя способность хоть сколько-то трезво мыслить.

— Ничего, — и, предупреждая возмущение дочери, пояснила: — Судя по его посланию, он не желает зла ни тебе, ни Дэнни. Скорее предлагает помощь. Но это меня настораживает даже больше, чем угрозы. Что придётся отдать за эту помощь? В нашем мире ничего не дают бесплатно. Мы не знаем, кто он и каковы его цели. И всё же могу заложить свою жизнь, что это кто-то из придворных. А ещё меня пугает его осведомлённость. Я два года пыталась узнать, куда твой муженек спрятал Дэнни. И безрезультатно. К тому же, уверена, в твоём доме есть человек, что шпионит за тобой. А может, и не один. Он знал о том, что у тебя есть пески памяти... Кстати, откуда?

— Контрабанда из Таливии. — нехотя ответила Эрвианна.

Валения хмыкнула и улыбнулась.

— Ты не так безнадежна, как я думала.

— Если я не люблю эти твои игры, то это ещё не значит, что не могу в них играть. Хоть с радостью бы этого не делала.

— Увы, моя девочка, мы не можем отказаться от них. Уже сам факт нашего рождения подразумевал, что рано или поздно мы будем вовлечены во дворцовые интриги. Но только нам выбирать, на каких ролях.

— Ты так рассуждаешь, словно тебе плевать на всё, кроме своих дворцовых многоходовок! — вспыхнула Эрри. — На меня, на Дэнни, не удивлюсь, если на Гилвера и отца тебе тоже было наплевать.

Лицо Валении исказилось от гнева.

— Ты глупа, если так думаешь! — прошипела она сквозь зубы — быстро и зло, словно вспыхнула давно тлеющая щепка, упавшая на раскалённые угли. — Для меня никогда не было ничего важнее вас. И именно для вас я делала... всё.

— Похоже, не всё.

— Возможно. Но со смертью твоего отца многое стало сложнее. Я не справляюсь. И прекрасно это осознаю. Меня считают интриганкой, способной добиться любых поставленных целей. И мало кто знает, что на самом деле за моей спиной всегда стоял твой отец. Наш успех, влияние, положение... это всё было его заслугой. Ты ведь даже не подозревала, правда? Считая его подкаблучником и просто орудием в моих руках. На деле же орудиями были мы. Все мы, включая твоего покойного мужа. И даже блестящий успех, с которым ты меня поздравляла, всего лишь результат запущенного им плана, — Валения отвернулась, пряча набежавшие на глаза слёзы. — Я любила его. Восхищалась им. И всегда старалась быть достойной твоего отца. И даже верила, что так оно и есть. Но теперь понимаю, как самонадеянна была.

Эрвианна молчала. Слова матери, письмо Дэнни... всё это пошатнуло её хрупкое равновесие. Смешало чувства. Спутало мысли...

— Я не справилась, Эрри. И в результате ты и Дэнни оказались в таком положении, — тихо сказала Валения. — Но у меня ещё есть время всё исправить. Не волнуйся, милая.

Эрри, сама не понимая, зачем, осторожно коснулась её плеча...

— Я сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы тебе... нам помочь, — приняла она решение.

Но на этот раз Валения не радовалась победе. Она лишь криво улыбнулась. Прорвавшиеся эмоции, которые она тщательно скрывала столько лет, что уже и не думала, будто способна их выражать — это

роскошь, которая не доступна даже королям. А уж для таких, как она, и вовсе смертельны.

— Мы справимся вместе, моя Эрри. Я обещаю.

Лунный свет скользил по парку близ замка Байе. Придавал жутковатое величие двухсотлетним деревьям. Вырывал неясные пугающие тени. Исписывал мощёные дорожки светлыми письменами. Рассыпал жемчуг в круглом фонтане.

Он и заметил первым закутанную в серый плащ фигуру, что как тать выскользнула из чёрного хода, прошла через хозяйственный двор, шикнула на буркнувшего пса и миновала коровник. Она шла быстро, боясь быть замеченной. Время от времени оглядывалась по сторонам, страшась случайных свидетелей. И только впорхнув, подобно серой птице, в конюшню, она остановилась столь резко, что качнулись полы длинного плаща. Тусклый свет масляного светильника обнял фигуру, сиюсь заглянуть под широкий капюшон, узнать, кто под ним, но даже ему не удалось раскрыть эту тайну. Может, одна из служанок. Может, горничная. Может, одна из тех, кто грели постель сен Фольи. Она могла быть кем угодно. Кем-то, на кого не обращают внимания. О присутствии таких как она вспоминают только тогда, когда что-то понадобится господам. И всё же она не стала откидывать капюшон, что прятал лицо чуть не до самого подбородка. Сделала несколько шагов внутрь помещения.

— Кверт, — тихо позвала она.

Голос её был тонок, мягок и мелодичен, он чудесно лёг бы на ноты древней грустной баллады о несчастной любви.

Всхрапнула испуганно лошадь. Хлопнула дверь за спиной. Дрогнул огонь в светильнике, склонился и тут же выровнялся, словно устыдился собственной слабости.

Девушка переступила с ноги на ногу, то ли нервничая, то ли злясь.

— Не стоит меня пугать. Это может не понравиться человеку, который меня послал сюда.

— И откуда он узнает об этом, если с тобой вдруг что-то случится? — насмешливо спросил за её спиной голос, охрипший от таливийского табака.

Девушка резко повернулась к двери. Она казалась жуткой, словно демон, только вырвавшийся с самого дна Преисподней. Не хватало только горящих подземным пламенем глаз, глядящих на старого солдата

из глубины капюшона.

Но старика Кверта не так легко было пронять. Он видел смерть слишком часто, чтобы перестать её бояться, но настолько близко, чтобы ценить жизнь.

— У каждой стены есть глаза и уши, — сказала она. — И мы можем только надеяться, что они смотрят и слушают не для недруга, — эти слова диссонировали с её тонким красивым голоском настолько, что сложно было воспринимать их серьёзно. И всё же Кверт уже усвоил, как обманчиво может быть производимое ею впечатление. — Конюх?

— Спит беспробудным сном. Бедняга не знал, что таливийское пойло столь коварно. Особенно если в него случайно попал настой берилисы.

— Как надолго?

— До обеда.

Девушка хмыкнула.

— Приведёшь его в чувство, когда я уйду. Никто не должен заподозрить неладное.

Кверт поморщился, но кивнул.

— Теперь о деле... Слушаю, — сказала девушка, присаживаясь на тюк сена.

Старый вояка не стал тянуть и выложил всё, как привык делать за годы военной службы — коротко и по существу.

— Народ начинает роптать. В Байе, да и во многих других герцогствах, нищета и голод. Зерна не хватает даже на посевы, а домашний скот выкошен мором. Люди умирают и винят в этом...

— Власть, — закончила она и улыбнулась. — Прекрасно. Я передам твои слова. И продолжай в том же духе. Люди должны не просто роптать, а быть готовыми к решительным действиям. И ещё... стоит напомнить народу, что на трон Арнгвирии есть законный претендент, — и, вытащив из кармана мешочек, протянула Кверту. — Этого должно хватить надолго. Слезы Луйвы, чистые и огранённые. Если через два месяца я не смогу с тобой встретиться, ещё часть получишь от другого человека.

Кверт развязал завязки на мешке и высыпал на ладонь несколько камней размером с ноготь. Они были поистине прекрасны. Глубокого голубого цвета с едва заметным светом внутри. За этот мешочек можно было купить титул герцога и земли... и жить безбедно ещё трём, а то и

четырёх поколениям после его смерти.

— Что мне мешает сбежать с этим сокровищем? — трескуче спросил вояка.

Девушка пожала плечами.

— Никто не запретит тебе попробовать, Кварт. Но едва твою голову посетит эта глупая мысль, как все, кто тебе хоть немного дорог — встретятся с Великими лицом к лицу.

— И я должен в это поверить?

— Верить или нет — решать тебе. Но на твоём месте я не стала бы проверять, — сказала она.

Кварт нахмурился. Влезая в это дело, поначалу он и подумать не мог, что подработка обернётся таким серьёзным делом. Теперь же... сложно представить, какие цели преследовал тот, кто стоял за девушкой с голосом морской наяды и вечно спрятанным лицом. И для чего разжигать ненависть в сердцах простолюдинов. Но он не привык задавать вопросы. Его учили слепо исполнять приказы. И в этот раз он не стал делать исключения.

— Через два месяца здесь же, — сказал он, когда она проскользнула мимо и уже открыла жалобно скрипнувшую дверь.

— Не волнуйся, Кварт. Я всегда держу слово.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

Крытая пологом из плотной ткани повозка подпрыгивала на ухабах старого тракта, давно засыпанного песком и суевериями.

Поговаривали, что некогда разбойники убили здесь мага, прикопав труп у края дороги и не позволив его душе отправиться на суд Великих, и с тех пор этот дух не знал покоя, выпивая силы из самой земли. Только так крестьяне могли объяснить, почему когда-то цветущие сады засохли, а там где зеленели луга, теперь были Бескрайние пески. Будь они хоть, сколько сведущи в магии, знали бы, что причиной тому Живительные источники, что протекали глубоко под землей.

Никто не знал, когда точно появился первый источник, и что стало причиной его появления. Они просто прорвались в недрах действующих шахт. Став причиной смерти многих, кто добывал руду в шахтах. Нет, не потому, что их забрала вода, а потому, что прапрадед Федерика Второго слишком сильно боялся разглашения, едва понял какой силой обладают воды Живительных источников. А потому почти все, кто хоть что-то о них знал — отправились в на тот свет. И только во времена правления Федерика Первого, источники стала посещать высшая знать. Тогда это было довольно дорогое удовольствие. Хотя, справедливости ради стоит сказать, что со временем цена на красоту и молодость не стала меньше. Но, как оказалось, женщина, жаждущая прогнать старость и дряхлость, готова платить за это столько, сколько от нее потребуют. Да и мужчины часто этим грешат.

Герцогиня де Байе отодвинула плотный светлый полог и выглянула наружу. Сухой горячий ветер тут же бросил в узкую щель горсть сухого песка, и она снова поспешила спрятаться за занавеской.

Женщины за всю дорогу не проронили ни слова. Мать пребывала в задумчивости, барабаня пальцами по обивке сиденья, дочь — просто была немногословна.

Герцогиня де Саменти запретила ей впасть в отчаянье, и приказным тоном велела не думать о том, что Дэнни может что-то угрожать, уверив, будто тот, кто прислал ей послание, не желает им зла. Но легко сказать... Мысли Эрри мешались и вертелись вокруг согнутого над письмом сына. Не давали покоя всю ночь. Стоило

закрывать глаза и воображение рисовало наихудшие картины, что могла представить себе женщина, видевшая смерть в шаге от себя.

Повозка в который раз подпрыгнула и выехала на каменный мост. Затарахтели колеса о неровно положенные плиты и обе женщины изо всех сил вцепились в наручни по бокам сиденья.

— Шарам, — ругнулась Валения. — Столько денег зарабатывать на источниках и не привести в порядок единственный подъезд к ним.

— Ты прекрасно знаешь, что наемные рабочие сюда идти боятся, а каторжане просто умирают за день-два, — спокойно сказала Эрри.

Валения закатила глаза, но очередное колыхание, оборвало готовый сорваться с языка ответ, и она только звучно лязгнула зубами. И уже в который раз за время пути выругалась.

Наконец, неровный мост закончился, и повозка покатила по дороге без единого изъяна.

— Вот видишь, могут же, — поправляя растрепавшиеся волосы, сказала герцогиня де Саменти.

На что Эрвианна лишь безразлично пожала плечами и расправила на коленях подол тонкого бежевого платья с искусной вышивкой золотыми и серебряными нитями. В такую жару оно было самое то. Ни один этикет или мода не могли вытеснить подобное легкое одеяние, наиболее подходящее жаркому сухому климату Бескрайних песков. Широкие полоски ткани, от шеи скрещивались на груди и закрывали живот, притом спина оставалась открытой чуть ниже лопаток. Длинный подол в самый пол, что свободно спадал от пояса с огромной пряжкой в виде цветка рогделии, и очерчивал ноги при каждом шаге.

Эрвианна давно не надевала подобной одежды, отдавая предпочтение закрытым нарядам с длинным рукавом. Но Валения настояла именно на такой одежде. И учитывая жару Бескрайних песков, воспоминания которой уже успели поблекнуть в память Эрри, была права.

Возница что-то выкрикнул, от чего повозка замедлилась и постепенно остановилась.

— Прибыли, наконец, — улыбнулась Валения, накидывая на голову кружевное покрывало, призванное защитить волосы от песка, солнца и ветра. — Готова снова стать красавицей?

Эрвианна криво улыбнулась и привычно промолчала, так же накрывая голову.



У входа в подземные пещеры их ожидала пара слуг, долг которых был — проводить их к источникам. Хотя скорее для того, чтобы взять плату за их посещение. Не было в Арнгвирии ни одной знатной леди, которая не прошла бы по переходам подземелий с закрытыми глазами. Словно источники сами звали их, выкладывая светлые дорожки в кромешной тьме. Потому наличие провожатых было скорее данью правилам и соблюдением формальностей.

Валения вытащила два голубых камешка, размером с муху, и бросила на раскрытую для приветствия ладонь, согнутого в поклоне, слуги. Тот, кажется, даже был рад подобному пренебрежению и Слезы Луйвы, ценой с деревню в сорок дворов со скотом и урожаем, исчезли в широких карманах безразмерных шаровар, словно растаяли.

Эрри же разглядывала Бескрайние пески, что вихрями поднимались к небу. Они словно дышали и шевелились, жили своей жизнью. Шептали и сипели. Словно кто-то невидимый перемешивал и подбрасывал их в воздух. Бескрайние коричневые пески. Так их называли. На самом же деле, они заканчивались не так далеко, словно коричневое море, разбиваясь о северные скалы и спадали в разлом на юге. С запада и востока же их отделяли Реки-близнецы Дойнэ и Эйнэ. Одна из них несла воды к скалам на север, выпрыгивала вверх из трещины разлома и, изгибаясь змеей, неслась по краю песков и уходила в черные зевы скал на севере, другая на юг, спадая со склонов северных гор и обрисовывая край песков на западе — срывалась со склона в разлом. Что создавалось впечатление того, что одна река ходила по кругу. А может, так оно и было.

— Идем, — подхватила под руку Эрвианну Валения.

Слуга еще несколько раз поклонился и жестами показал, куда им следует идти.

За высокими воротами их так же безмолвно встретила девушка, что согнулась едва не коснувшись лбом пола и тут же выровнялась. На запястьях Эрри и Валении щелкнули широкие парные браслеты, что светились в темноте. И все в молчании.

Слуг у источников обучали с младенчества, отбирая детей из сиротских домов, борделей или выкупая у обнищавших крестьян. Никто не знает наверняка, в чем заключается суть этой науки. Как и то, каким образом отбирают тех, кто становился слугой источников. Единственное, что можно было сказать наверняка, это то, что девочек и

мальчиков с определенного возраста лишали языка, а уши заливали горячим воском. К тому же, мальчиков с некоторых пор, еще и скопили, дабы избежать ненужных пересудов. Так повелось еще со времен правления Федерика Первого, что опасался, как бы тайны, которые обсуждались в чреве северных гор, не вышли в свет. А последующие два поколения правителей Ангвирии, то ли не заостряли на этом особого внимания, то ли посчитали это вполне оправданной мерой предосторожности. Таким образом, стены туннелей старых шахт стали единственными хранителями тайн многих и многих благородных леди. Да и господ тоже.

Слуга, встретивший их у входа, показал жестами, чтобы женщины следовали за ним, и они не заставили себя упрашивать.

Небольшая дверь, рассчитанная на то, чтобы пропустить одного человека, хлопнула за спиной герцогини де Байе и погрузила женщин и их провожатого в крошечную тьму. Только шесть браслетов на запястьях мягко светились, чуть зеленоватым светом.

Эрри никогда не любила темноту и закрытые помещения. А уж и то и другое вместе, доводило ее до паники. Становилось сложно дышать и по спине скользили капли холодного пота. Но она не говорила никому о своем иррациональном страхе. Хотя стоило представить, что над головой тысячи тонн камня...

Тем не менее, уже скоро Эрвианна взяла себя в руки и последовала за слугой, с поднятыми над головой огоньками браслетов, размеренным шагом спускающегося в недра горы.

Под мягкими туфлями на низком каблуке недовольно скрипел песок. Ворчали его голосом стены пещеры и пищали летучие мыши, ругаясь на тех, кто посмел потревожить их дневной сон.

Казалось, что шли они невероятно долго, хоть, возможно, прошло всего десяток минут. И когда впереди показался мягкий серебристый свет, а слуга опустил руки, Эрвианна выдохнула с некоторой долей облегчения. Мужчина тут же склонился в очередном поклоне и скрылся в темноте другого туннеля, словно просто исчез.

Но никто на это уже не обратил внимания.

Кто хоть раз бывал у Живительного источника — никогда не сможет забыть этого. Казалось, кто-то расплавил жемчуг и залил в идеально круглый резервуар. Тысячи пузырьков поднимались с его дна и взлетали светлячками под своды пещеры или правильней сказать —

грота. Поговаривали, что браслеты на руках посетителей, делались из застывших на потолке капель воды. Хотя тот, кто может сказать наверняка, никогда не скажет и слова. Света от пузырьков и источника было достаточно для того, чтобы видеть, как в ночь полной луны.

Четыре высокие девушки, темноволосые и смуглые, словно жили не переходах пещер, а под палящим солнцем, тут же подошли к герцогиням, склонились в низких поклонах и сразу же выпрямились. И тут же принялись вытаскивать шпильки из волос высокородных леди, снимать драгоценности и одежду. Им было около пятнадцати с виду. Хоть он мог быть обманчив. Находясь у источников и ежедневно принимая в нем ванны, чтобы всегда выглядеть достаточно хорошо, для гостей, они могли сохранить красоту и молодость на долгие годы. И оставаться всегда желанными. Ведь не только женщины посещали пещеры.

Щелкнули застежки на шее, и верх платья повис длинными широкими полосками ткани в руках одной из служанок. Звякнула пряжка пояса, платье сползло, обнажая Эрвианну ниже пояса, и она переступила одежду, позволяя ловким служанкам забрать ее. Герцогиня де Байе вздохнула и сняла с шеи обручальное кольцо, что теперь носила на тонкой цепочке, и протянула его одной из служанок. В полном безмолвии и с не малой долей трепета, женщин подвели к краю резервуара. И тут же руки служанок исчезли, позволив прочувствовать силу каждым миллиметром кожи. Женщины ступили в жемчужную воду и тут же опустились по колено. Множество мелких пузырьков поднялось со дна и взлетело в воздух. Пробежали по ногам под водой и пока сухой коже выше, оставляя жалящие поцелуи на животе, спине, руках, запутываясь в волосах. Эрри казалось — она слышит, как они призывают сделать еще шаг. Окунуться с головой. Взять силу живительного источника. И она подчинилась, сев и погрузившись в воду по самый подбородок. А после, окунулась с головой и сразу же вынырнула.

Это было странное чувство. Сначала, казалось, ее обожгло кипятком, но в следующее мгновение по телу прошелся мягкий холодок. И тут же внутри, словно взорвалась звезда и мелким крошечком осыпалась перед глазами, вырывая сладостный стон. А на смену ему пришла ленивая нега.

— Потрясающе, — выдохнула Валения, и эхо повторило ее слова

несколько раз, разбежавшись по черным туннелям.

Эрри кивнула, чуть улыбнувшись, не решаясь открыть глаза. Мелкие пузырьки ползали по коже, чуть щекоча. Только сейчас она поняла, как ей не хватало этого. Более двух лет она была лишена удовольствия, сродни дару Великих, по милости своего мужа. И было страшно нарушить блаженство хоть словом, хоть неосторожным вздохом.

— Как ты могла обходиться без источников столь долго? — мурлыкнула разнеженная герцогиня де Саменти. — Я и двух месяцев не могу без них прожить.

— Как-то не до того было, — все же ответила Эрвианна.

— Он поднимает на тебя руку? — спросила мать.

— И не только руку, — хмыкнула Эрри. — Поверь, тебе лучше не знать, что он позволяет себе со мной делать.

Эрвианна не видела, как исказилось ненавистью лицо Валении. И вновь стало прежним, расслабленным и разнеженным.

— Завтра в Байе прибудет королевский гонец. Через два месяца принцессу Колливэ обручат с принцем Овилем.

Эрри чуть слышно рассмеялась.

— Хостийской принцессе уже почти девятнадцать, а нашему престолонаследнику едва пять. Ей еще долго придется ходить в невестах.

— Зато потом она станет королевой. К тому же это достаточно укрепит власть короля Вистера. Союз с Хостией позволит встать на равных с той же Таливией, что уже открыла рот на восточное герцогство Калэ. И никто не может сказать, как далеко готов зайти Тарвиль Третий в своей алчности и жажде власти, — сказала Валения. — Но сейчас не о том. На помолвку пригласят всю знать Арнгвирии, дабы представить будущую королеву. Подготовка к торжеству рассчитана на два месяца. Сами гуляния — около двадцати дней. Итого два с половиной месяца при дворе, для того, чтобы ты смогла сделать все, чтобы там и остаться. К тому же, твой муж труслив по натуре и побоится распускать руки, страшась попасться на глаза высшей знати. Его положение не так высоко, а любовь короля не такая надежная валюта, чтобы откупиться от гнева древних родов и ему сошло с рук подобное отношение к жене из высшего сословия.

Эрри задумчиво прикусила губу.

— Я правильно понимаю, что ты хочешь подложить меня под короля Вистера?

— Ни в коем случае, — возмутилась Валения. — Если ты по какому-то недоразумению попадешь в его постель, то лучшее на что ты можешь рассчитывать — немилость королевы. Подобная роскошь не для всех, дорогая. Королева стала невыносима. Рожать уже не может. Единственный наследник ребенок, и король уже даже не смотрит в сторону ее спальни. Остается надеяться, что однажды ему не захочется посадить на трон кого помоложе и Ивсталия не отравится несвежим обедом. На смерть, — Валения умолкла, обдумывая что-то свое, но словно спохватившись, заговорила снова. — К тому же ты для него старовата. Его нынешней фаворитке нет и восемнадцати. Но он все так же любит общество красивых и талантливых женщин. Ты еще не научилась играть на уффие?

— Мои пальцы давно не касались струн, — призналась Эрвианна. — И все же я хочу знать, к чему мне готовиться.

Валения задумчиво постучала по каменному бортику резервуара.

— При дворе многое изменилось. Теперь герцог де Гиуре и герцог де Кильн — единственные, кому доверяет король.

— Кильния... мы не брали с собой вино?

— Очень смешно.

— Они оба стары и дряхлы. И, насколько я помню, не очень-то решительны. Пока достигнут согласия, сорвут глотки, и от их решения уже ничего не будет зависеть.

— Ну хоть что-то ты еще помнишь. Правда, придется тебя разочаровать. Гиуре и правда рухлядь еще та. А вот Кильнию унаследовал сын того самого дряхлого старика, о котором ты говоришь.

— Видмар?

— Исгар.

Эрри вздрогнула и пожала губы, но тут же взяла себя в руки, словно это совершенно ничего для нее не значило. Больше ничего.

— А... Видмар погиб при Валье, — старательно изображая равнодушие, сказала Эрвианна, подавая руки подбежавшим сию же минуту служанкам и вылезая из резервуара. — И знаешь, мне ни капли его не жаль, — Эрри прикрыла глаза, подавив несвоевременно всколыхнувшиеся воспоминания. — Насколько я помню Исгар — был повеса, каких еще поискать. И кроме женщин, вина и развлечений его

ничего не интересовало. Мир должен был перевернуться с ног на голову, чтобы это изменилось.

— Не скажи, — выбравшись из воды и подняв руки так, чтобы служанкам проще было ее вытирать, сказала Валения. — Его вкусы, конечно, таковыми и остались. Но его советы и решительность весьма ценит король.

— Тем хуже для него.

— Не недооценивай противника, Эрри. Для таких как мы, это может закончиться плохо.

Эрвианна поджала губы и чуть приподняла подбородок, позволяя вытереть шею и декольте.

Противника...

Все же, как много изменилось за эти два года.

— А союзники при дворе у нас есть?

— Не так много, как раньше. И большинство из них в немилости.

Но — да, есть.

— Ты так и не сказала, каковы цели всего этого спектакля.

— Высокие, Эрри. Высокие.

На какое-то время в пещере повисла тишина, нарушаемая только шуршанием ткани, которой служанки растирали тело женщин после купания. Но после своды вздрогнули, от внезапного смеха младшей герцогини.

— Ты сама не знаешь — каковы цели, правда, мама? Ты слепо следуешь плану отца, не представляя каков будет конечный результат. О, Великие, я рискую головой ради целей человека, который более двух лет, как отправился, как гниет в земле.

— Не говори так, — взвилась Валения. — Пусть мы не знаем, чем это все закончится, но я уверена, что риск более чем оправдан.

— Мда, — отсмеявшись, сказала Эрвианна. — Более дурацкого объяснения сложно придумать.

— Не нравится — возвращайся к мужу и терпи побои дальше, даже не попробовав, что-то изменить.

По лицу Эрри прошла судорога и на щеках заходили желваки.

— Низко.

— Оправданно, — невозмутимо сказала Валения.

— Ты слепо веришь в то, что отец не мог ошибаться, — через какое-то время сказала Эрвианна. — И это меня пугает. Я вверяю жизнь

своего сына в руки покойника, мама.

— Ты обещала...

— Сделать все, что в моих силах, — оборвала ее Эрри, нагибая голову вперед, чтобы служанки защелкнули сложные застёжки платья. — Но рисковать жизнью сына, ради призрачных целей, выше моих сил.

Валения молча, надевала кольца и защелкивала светящиеся браслеты, грубо оттолкнув девушку, порывавшуюся ей помочь.

— В королевском дворце ты получишь все, что тебе потребуется, Эрри. В том числе и письма отца, адресованные тебе, — процедила она сквозь зубы. — Тогда решишь, готова ли рисковать.

На что получила обворожительную улыбку от дочери. И сама улыбнулась.

— Теперь я более чем уверена в успехе, — блеснула Валения ровными белыми зубами.

— Не стоит недооценивать противника, мама.

— И... Эрри... Ты знала о том, что Роневан...

— Не стоит поминать имя моего мужа, — резко оборвала Валению дочь. — Пусть покоится с миром.

Но даже эти слова не могли испортить настроения герцогини де Саменти, поднимающейся по узкому проходу вслед за двумя светящимися браслетами немого слуги Живительного источника. Тем более, когда она вышла на солнце и увидела свою дочь.

Сиятельная герцогиня де Байе, снова была прекрасной, как в лучшие времена. Ее кожа снова чуть потемнела, как от долгого пребывания под солнечными лучами, и отливала перламутром, а волосы цвета светлого меда, отбивали солнечные лучи, даже под тонким покрывалом. Даже ее худоба стала скорее притягательна, чем отталкивающая. И только янтарные глаза так и остались холодными, как у бездушной мраморной статуи.

— Теперь ты готова предстать перед королем Арнгвирии, — улыбнулась Валения.

На что Эрвианна едва заметно и несколько кривовато улыбнулась. И мысленно напомнила себе, ради кого впутывается в паутину дворцовых интриг.

Солнце едва оторвалось от горизонта, когда герцогиня де Байе с мужем, матерью, небольшим отрядом стражи и парой десятков слуг,

отправилась на север в сторону столицы.

Позади осталась челядь, уже сбившаяся с ног, носясь по замку Байе, собирая недостающие вещи и мысленно проклиная обеих герцогинь, графа и королевскую чету вместе с принцем и хостийкой принцессой. Но только мысленно. Везде есть глаза и уши.

Она еще раз окинула взглядом замок, машущий им вслед флагами на шпилях, и спряталась за шторками, прикрыв глаза и борясь с накатывающей паникой.

Где-то в душе звенела, на одной ноте тревога, отдаваясь покалыванием в кончиках пальцев.

Две недели.

Две недели целыми днями с утра до самых сумерек, мать заставляла ее вспомнить, кем она является по праву рождения. Больше Эрри не могла отсиживаться в покоях или прятаться в саду. С утра до вечера прогулки на свежем воздухе, швеи и ювелиры, бесконечная череда лиц, которые утомляли отвыкшую от всего этого Эрвианну.

Не получалось пропустить и трапезы. И обязательно в столовой.

— Держи лицо, моя дорогая. При дворе не станут щадить твоих чувств и, почуяв слабину, укусят побольнее.

Это не нужно было рассказывать герцогине де Байе.

Память и без того услужливо подбрасывала ей сцены из прошлого. Одну за одной, словно Эрри оказалась в центре беснующегося карнавала...

Карета подпрыгнула на очередной кочке и Эрвианну замутило.

Она постучала ладонью в стенку за спиной и возница, громко выкрикнув приказ лошадям, остановил карету.

Эрвианна вышла медленно, качнувшись, едва ступив на твердую почву. Но руку, предложенную Рейхаллем, отвергла. Еще не хватало ему попасть в немилость из-за своего рвения. И даже не соизволила сгладить неловкий момент вежливой улыбкой. Не стоит злить графа.

— С тобой прогуляться? — выглянула из кареты Валения.

— Нет, — махнула рукой, не оборачиваясь, Эрри. — Я немного пройду. Отвыкла от долгих поездок. Несколько минут...

За спиной Эрвианны закопошились слуги. Кто-то что-то выкрикивал. Кто-то отдавал приказы и распоряжения.

— Привал! — долетело до слуха Ее Сиятельства.

Вот и хорошо.



Всего в нескольких десятках шагов широкая тропа, врезающаяся в густой молодой лес, останавливалась у крутого обрыва, резко сворачивала влево и вихляла между камнями, спускаясь к рыбацкому поселку.

Эрвианна застыла на самом краю скалы.

Урчала раздраженным зверем сухая гроза над беспокойным морем. Тяжелые черные тучи сливались с белыми гребнями волн и раз за разом лопались лиловыми трещинами молний. Но так и не проронив ни капли дождя, ползли на юг.

Обезумевший ветер гнал гудящие волны к берегу. И словно играя в какую-то, только ему известную, игру швырялся ими о вылизанные до идеальной гладкости скалы.

И снова этот гром, закладывающий уши, пригибающий к земле. Невыносимый.

Сухие грозы — наказание Арнгвирии за пренебрежение магами.

Или мечь Ордена Многоликих. Кто теперь ответит?

Резкий порыв северного ветра ударил в грудь, словно оттолкнул от края. Послышалось в реве волн недовольство, даже злость. Или показалось.

Эрри закрыла глаза и раскинула руки, словно птица, готовящаяся взлететь. Прекрасна и счастлива в своем минутном безумии. Словно сама стихия поила ее силой столь же древней, как сам Т'анийский горный хребет. Как сам мир.

— Чтобы не подвело вас к этому решению, думаю, не стоит, — разорвал блаженство момента незнакомый мужской голос. — Жизнь слишком быстротечна, чтобы жаждать смерти.

Герцогиня Байе спохватилась, сжалась, словно была застигнута на чем-то очень личном и даже интимном. Ее лицо залил нездоровый лихорадочный румянец.

— Вы неправильно поняли... — и тут же осеклась.

К чему эти оправдания? С чего бы?

Но прежде чем обернуться она все же, прикрыв глаза, подавила в себе всколыхнувшиеся чувства. И только снова надев маску холодного безразличия, встретила лицом к лицу с человеком, так неосмотрительно решившем, что имеет право с ней разговаривать!

Он оказался странным.

Однозначно не простолюдин. Но и не высокородный. Низшая

знать? Скорее всего. Не очень высоким и не особо красивым. С виду ему было около сорока. Хотя... кто знает. Легкая проседь. Резкие морщины вокруг рта. Гладко выбритый подбородок и чуть прищуренные темно-серые, словно грозовая туча, такие нетипичны для жителей Арнгвирии, глаза.

И одежда... дорогая. Из добротного сукна и аккуратными швами. Серебряными застежками. Но все это было настолько просто и без малейших украшений, что дороговизну его одежд мог оценить лишь человек, знающий в этом толк.

Обычно такие люди незаметны. Но тем и опасны.

От его изучающего, почти пронизывающего взгляда Эрри становилось неудобно. словно он мог подглядеть ее мысли, узнать страхи и желания. Хотелось спрятаться и в то же время... Какое-то дерзкое, давно забытое чувство просто требовало не отводить взгляда, смотреть в глаза, словно приручая дикого зверя.

— Прощу прощения, за свою бестактность, — чуть улыбнулся, одними губами мужчина. — Граф Роберт сен Атори.

Атори...

Маленькое графство, до границ которого отсюда едва полчаса верхом. Славящееся многообразием дичи в своих лесах.

Бывший граф Атори был добрым стариком, который часто привозил в подарок герцогине Байе бесценные меха турсы, а герцогу — наливки из лесной ежевики. А еще множество баек и громогласный хохот, от которого дрожали оконные стекла, огонь на фитилях восковых свечей и молоденькие служанки, которых он не упускал возможности пощупать. Конечно, так чтобы не видела Эрвианна, которой претили подобные вольности.

Эрри моргнула и недовольно поджала губы.

Нет больше того графа. Нет его сыновей, вставших под знамена Федерика...

— Герцогиня Эрвианна де Байе. Похоже, мои поздравления немного запоздали, — холодно обронила она. — И все же... Правьте мудро. Чтобы почившие правители этих земель обрели покой в Чертогах вечности. Полагаю, титул и земли достались вам в награду за добрую службу? — и дождавшись едва заметного кивка, Эрри продолжила: — Атори богатые владения...

— Были... Но думаю, проблема неурожая и голода в королевстве

не лучшая тема для молодой красивой женщины, — насмешливо заметил он, подставив локоть. — Полагаю, вы держите путь во дворец на празднование помолвки престолонаследника и принцессы Хостийской.

— О! Вы просто невероятно догадливы, — в тон ему ответила Эрвианна, положив таки ладошку на сгиб локтя. — Думаю, сейчас вся знать стекается ко двору. Потому ошибиться просто невозможно. После... всего, что случилось, это первое событие, которое не будет омрачено смертью.

— Да, любая война рано или поздно заканчивается. А нам приходится жить, заглушая ее отголоски.

Эрри пождала губы. Да. В этих словах было больше правды, чем хотелось бы. Любая война заканчивается. Но вот вытравить ненависть, которая въедается в душу, как чернильное пятно в белую скатерть... Кому это удавалось? И зачем, если только благодаря ей, находишь силы встать с постели по утрам?

Именно потому Эрвианна предпочла промолчать.

И в полной тишине и собственных мыслях преодолеть путь до своей кареты.

— Эрри, милая... — вылетела из кареты Валения и тут же, словно скованная дыханием ледяного великана, остановилась. Застыла. Побелела. — Ваша Светлость, — медленно, но учтиво, кивнула она.

Вообще, могла бы и не снисходить до подобного. Низшая знать, даже будучи причисленной к числу благородных, все же останется низшей.

— Сиятельная Валения, — кивнул в ответ как равной граф. — Неожиданный, но приятный сюрприз.

Мать кивнула, удерживая неестественную приклеенную улыбку на лице.

Герцогиня Байе вопросительно выгнула бровь. Но решила внимания не заострять.

— Не стану вас задерживать, — все так же любезно обронил Роберт сен Атори. — У нас будет время для разговоров. Во дворце.

— Буду ждать с нетерпением, — буквально выдавила Валения и, поспешно раскланявшись и цапнув за руку Эрри, скрылась в карете. Даже не позволив дочери соблюсти приличия и проститься, как того требовал этикет.

Но даже когда дверца захлопнулась, а карета снова тронулась в путь, Валения не проронила ни слова.

Напряженно то сжимая, то разжимая кулаки она раздумывала о чем-то своем, доводя Эрри до безумия.

— Мама! Ты ничего не хочешь сказать? Этот человек... Он...

Валения подняла тяжелый взгляд на дочь.

— О чем ты с ним разговаривала? — сдавленно, даже хрипло спросила она.

Эрвианна даже немного растерялась от такого тона.

— Да вроде бы и ни о чем! — прокрутив в памяти короткий разговор, ответила Эрри.

— Это хорошо, если действительно так. Будь осторожна в общении с этим человеком, — и чуть помедлив, добавила. — Это самый верный волкодав нынешнего короля. Его карающая длань. И не думай, что его улыбки что-то значат. Всего один приказ Вистера и ты окажешься на дыбе.

Валения говорила зло, отрывисто. Словно уже имела подобный опыт. И яд ее слов проникал в кровь, растекался по телу, холодя страхом и обжигая разочарованием, природу которого Эрвианна понять не могла.

Да и зачем?

Таверна «Перекресток» гудела пьяными голосами посетителей. Обсуждения неурожая прошлого года, перемежались руганью и сетованьем на жизнь и жен. Взвизгивали разносчицы, уворачиваясь от рук сброда наемников, ищущего заработка. Но по мере того, как увеличивалось количество выпитого таливийского виски, речи становились смелее. А разговоры переходили на вполне конкретные личности. А именно, поминали Вистера Первого. И не самым добрым словом.

Три года назад, когда стычки на границе с Таливией грозились перейти в стадию войны, а земли на востоке становились частью Таливии, отодвигая постепенно, но непреклонно, границу к западу. Тогда еще полководец Вистер де Смиле едва не поплатился головой за неудачную военную кампанию. А подписанный мир с соседним королевством дался не малой ценой в золоте, серебре, слезах Луйвы, крови простых солдат и гордости высокородных господ.

Федерику Второму же нужен был тот, на кого можно было

повесить свои неудачи. И Вистер был наилучшим на то кандидатом. Увы, король Арнгвирии, не учел того, что любимый его же армией полководец, станет причиной гражданской войны длинной в год. Самый кровавый год в истории королевства.

Войска регулярной армии, смели то небольшое сопротивление, которое смогла собрать верная королю Федерику высшая знать. Они громили на своем пути все, словно захватчики, оставляя за собой выжженные поля и разрушенные селения.

Но последнюю точку в этой войне поставила битва под Валье. Там и были разбиты остатки сил, собранных со скрипом под знамена Федерика, а знать, что не сменила цвет или не положила голову на поле битвы, была взята в плен.

Коронация Вистера увенчалась казнью Федерика. А позже под топор палача попали и все пленники не пожелавшие присягнуть новому правителю Арнгвирии.

Казалось бы ничто не должно было омрачить правления Вистера Первого. Но вот со дня его коронации и началось неладное. Сначала сухие грозы и засухи. После наоборот дожди и наводнения. И как результат голодные мятежи. Народ не желал видеть на троне того, кого считали виновным в гневе Великих. И с каждым днем говорил об этом все громче и громче, даже несмотря на жестокость, с которой войска душили очаги едва зародившихся протестов и проповеди храмовых пэйре. Хотя последним больше не было веры. Отшельники и бродячие проповедники теперь имели больше влияния, чем разодетые в шелка и хвастающие сытым брюхом служители при Храмах Великих.

Добавляли масла в огонь и слухи, о весьма нескромном образе жизни Вистера Первого. Постоянные пиры и развлечения короля стали поводом для ненависти для простого оголодавшего народа. И пышущие жаром угли восстания, дожидались только щепки, чтобы вспыхнуть до самых небес.

— Великие наказывают нас за то, что остались в стороне, а не встали под знамена Его Величества Федерика, — пьяно бубнил Терк, сын ремесленника с Садовой улицы. — Это они гnevаются за то, что случилось... — он звучно икнул и клюнул носом о столешницу.

— Он пьян, — сказал чуть более трезвый Харт, мясник из лавки напротив «Перекрестка». — Но — прав.

— И что? Какая теперь разница? Король мертв. Законный

наследник пропал без вести и скорее всего тоже отправился в малый мир вслед за отцом. Что толку от того, что мы будем ворчать за стаканом виски, сетуя на свою жизнь? — подпер подбородок Арен, всю жизнь проработавший гробовщиком и только на старости лет перебравшийся ближе к людям. — Выпьем за покой, что обрела правящая династия в Вечном Чертоге, — поднял он стакан.

Но едва поднес ко рту, чья-то рука перехватила его запястье с такой силой, что стакан едва не выпал из пальцев, а таливийский виски чуть было не расплескался на рядом сидящего Харта.

— Шарам, — ругнулся Арен и пьяно прищурил один глаз, чтобы лучше рассмотреть раздваивающегося незнакомца. — Какого... ты творишь?

Пьяно шатающийся мужчина средних лет, хлопнулся на скамью напротив и махнул разносчице:

— Принеси еще бутылку, красавица, — на что та щербато улыбнулась и кивнула.

Настроение за столом тут же сменило полярность и те, кто еще мог говорить и соображал довольно трезво, заулыбались.

— Какого шарама ты не дал мне выпить? — не очень то поверил в доброту душевную пришлого, гробовщик Арен.

— Великие не любят, когда пьют за вечный покой живых людей, — ответил он и, шмыгнув носом, принялся разливать принесенное пойло. — Может лучше за здоровье и удачу?

Харт попробовал подняться, но пошатнувшись, снова хлопнулся на скамью.

— Я не стану пить за здоровье узурпатора, — сказал он, отодвигая стакан.

— А кто говорит об узурпаторе. Я предлагал выпить за здоровье законного наследника Арнгвирийского престола.

— Он мертв, — поднял голову со стола Терк. — Но я все равно за это выпью.

— Тебе лишь бы надраться задаром, — проворчал Арен. — А повод не так и важен, — и снова развернувшись к незнакомцу, спросил. — С чего ты так уверен, что наследник жив?

— И здоров... И даже готовиться к тому, чтобы вернуть то, что ему принадлежит по праву. Так что? За здоровье и удачу?

Арен какое-то время недоверчиво смотрел на мужчину, но после

улыбнулся и звучно чокнул своим стаканом об его.

— За удачу.

Спустя полчаса из таверны «Перекресток» вышел вдрызг пьяный седоволосый мужчина и, шатаясь, направился за угол справить малую нужду. Но едва его скрыла темнота, как из его походки тут же исчезли все последствия выпитого виски и он быстрым чеканным шагом военного направился в черный квартал, где нашли приют нищие, попрошайки и ворье.

А уже через день, Лора, жена горшечника из квартала Трех Тайви, и Сайвэ, ее старая подруга, выходя из лавки мясника, шепотом обсуждали предположения о том, где бы мог скрываться отпрыск рода Халедингов.

Торговый караван которой держал путь в Хостию спустя две недели, получил распоряжение быть на чеку, и рассылать дозорных, дабы не напороться на армию Наследника Арнгвирийского престола.

А спустя полгода...

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Герцогиня де Саменти прошла по отведённым дочери покоем. Окинула цепким взглядом обстановку и, кажется, осталась довольна увиденным.

Её дочери выделили комнаты, действительно соответствующие её статусу. Спальня и гостиная. Уборная с купальней. Гардеробная. Мебель из тасверского дерева, которое переправляли малыми партиями через Свилинское море из Дорха. Цена тёмной древесины была такова, что порой измерялась исключительно в слезах Луйвы. В первую очередь потому, что Свилинское море — беспокойно и непредсказуемо. А древесина уязвима перед коварностью солёной воды. И то, что всё, вплоть до прикроватных тумб, было выполнено именно из этой породы дерева, значило только одно — Её Величество, распорядившись размещением гостей, хотела почтить Эрвианну де Байе. Либо же усыпить её бдительность, либо же сделать союзником... Или же причиной было что-то, чего герцогиня де Саменти пока не знала. Время покажет.

Плотные портьеры цвета кайвэ и в тон мебели были раздвинуты. За окнами раскинулся фруктовый сад с фонтанами и мощёными дорожками, по которым сновали придворные леди, прикрыв головы белыми платками, дабы защититься от солнца.

Эрри на негнущихся ногах прошла по покоем и буквально осела на обитую бархатом кушетку.

— Тебе нехорошо? — нахмурилась Валения.

Эрвианна облизала пересохшие губы и прочистила горло, прежде чем ответить.

— Это те самые покои... в которых я ожидала казни Роневана и свадьбы.

Герцогиня де Саменти скрипнула зубами. Откуда ей было знать, что это были именно те покои? Сама Валения в то время была сослана в Саменти, без права покидать его до окончания свадебного торжества.

— Вот... — едва успела прикусить ругательство мать. — Я сию же минуту поговорю с распорядителем, чтобы тебе подыскали другие.

Эрри мотнула головой.



— Не нужно. Этим ты сделаешь только хуже. К тому же покажешь, насколько больно мне сделали, всколыхнув воспоминания. Я не дам им повода злорадствовать, — натянуто улыбнулась она, и тут же её голос стал вновь холодным и сухим. — Передай слугам, пусть переносят мои вещи. А распорядитель пусть передаст благодарность королеве за оказанную честь. Насколько я помню, это лучшие комнаты во дворце — после королевских. Столь роскошные покои полагалось бы выделить принцессе, а не герцогине де Байе.

— Думаешь, Колливэ воспримет это как личную обиду?

— Очень на это надеюсь. В любом случае, ей лучше было бы оценить степень пренебрежения, осмотрев всё лично. Ладно. Не будем о грустном, — отсекала Эрвианна. — Лучше расскажи мне, чем дышит двор? Какие пороки нынче в моде? Не хотелось бы показаться невеждой.

— Эрри, безделье, деньги и безнаказанность порождали и порождают самые жуткие извращения. Так было всегда. Но я бы не советовала тебе заниматься саморазрушением. Оставь это нашим недругам.

— Твоя забота умиляет!

— Я рада, что ты смогла взять себя в руки, дорогая! Боюсь, это не последнее испытание для тебя. И я вряд ли смогу помочь. Впрочем, ты справишься. При дворе для всех ты осталась белой овечкой — вот и не показывай зубы слишком явно. Волков боятся, но не любят. Будь внимательна. И... Особенно остерегайся двух людей — фаворитку Вистера Медвену и Роберта сен Атори. Эти люди опасны, даже если тебе будет казаться обратное.

Эрри кивнула.

— Граф показался мне не таким уж монстром, как ты его рисуешь, — неуверенно заметила она.

— О! Поверь, моей фантазии и опыта не хватит на то, чтобы придумать более ужасный образ.

Но как бы мать ни старалась нагнать страха на герцогиню Байе, её слова вызывали всего лишь любопытство.

Но — всё после... Пока не до того.

— Нэнси!

Тучная Нэнси, с большим трудом перенёсшая тяготы пути в столицу, едва волочила ноги до выделенных её госпоже покоев. Однако

стоило Эрри обратиться к ней, тут же подобралась.

— Да, госпожа.

Это наедине она могла позволить себе говорить с Эрвианной, как с маленькой девочкой, няней, а после и воспитательницей которой стала много лет тому назад. При леди Валении она строго соблюдала все правила и приличия, потому тут же согнула спину, как бы тяжело ей это ни далось.

— Позови моих служанок и можешь быть свободна на сегодня, — проявила снисхождение Эрвианна, поймав благодарную усталую улыбку Нэнси.

— Одну минуту, госпожа, — сказала она, поставив шкатулку с драгоценностями на столик у кушетки и, отвесив ещё один быстрый поклон, выскользнула в дверь.

— Оставь меня, мама. Я слишком устала, чтобы сейчас мыслить здраво. Но вечером с радостью выслушаю все твои наставления ещё раз.

— Вечером ты должна будешь преклонить колени перед королевской четой...

— Знаю. И для этого мне понадобится гораздо больше сил, чем ты себе можешь представить.

Валения поморщилась, но спорить дальше не стала.

— Отдыхай, дорогая, — сказала она, покидая покои дочери и направляясь в свои, что были её вторым домом уже несколько десятилетий.

Сиятельная герцогиня де Байе откинулась на спинку кушетки и прикрыла глаза. Но и это не помогло. Стало только хуже. Оградившись от реальности, она как наяву переживала события двухлетней давности.

...Вистер, сидящий в кресле напротив.

Чуть постаревший с последней их встречи, но такой же немногословный и жёсткий.

Таким ли должен быть правитель страны, разодранной внутриусобными распрями?

Он никогда не был красив. Крючковатый нос с заметной горбинкой, узкие чёрные глаза и проседь в тёмных волосах. Острый, как сталь, взгляд и упрямая линия губ. И даже едва заметная щетина и тёмные круги под глазами от частого недосыпа. Изрезанные шрамами руки, шелестящие по подлокотникам кресла жёсткими мозолями.

Хмурился и всё время вертел кольца, которые едва несколько дней

как стал носить. Создавалось впечатление, что они ему жмут, мешают, сковывают его свободу. Одёргивал манжеты тонкой рубашки, привыкнув носить форменную, с коротким рукавом и из грубой ткани.

— Ты смиришься, Эрвианна, — жёсткий тон, грубые слова. Непреклонность. Ещё вчера он так же отдавал приказы на поле боя. — Или взойдёшь на плаху вместе с мужем.

Не стоило сомневаться, что так оно и будет.

Вистер был превосходным воином и полководцем. Но красивых ядовитых речей выплетать не умел. Жёстко и холодно. И тот, кто посмел бы ослушаться, умирал.

Однако всё нутро Эрвианны бунтовало от мысли, что ей придётся разделить ложе и жизнь с кем-то, кроме Роневана. Как вообще жить — без него?! Надежда... Глупая и ничем не подкреплённая надежда на чудо...

— Ваше Величество, — прохрипела она в ответ, — я смиренно разделю участь моего мужа.

— Даже зная, что она постигнет и твоего сына? — прищурился король после минутной паузы.

Эрри сначала подумала, что ослышалась. Даже король не посмел бы казнить последнего представителя рода, принадлежащего к высшей знати. Последнего мужчину не лишают жизни даже враги, возвращая его в род за неимоверно большой выкуп. Но глядя в его глаза поняла — может. И сделает, чем бы ни обернулось для него такое святотатство.

Даже сейчас, спустя два года, пальцы Эрри мелко задрожали, а из-под опущенных век проступили слёзы.

— Позвольте мне хотя бы надеть полагающийся годовой траур... — слабым, словно не своим голосом попросила Эрвианна.

Король щёлкнул языком и криво улыбнулся.

— Нет, сиятельная герцогиня де Байе, дочь герцога де Саменти. Нет. Слишком много денег и влияния в таких маленьких ручках могут причинить слишком много беспокойства. Ты завтра же станешь женой графа сен Фольи.

— Но он мне не ровня, — привела последний довод Эрвианна.

Король резко поднялся и собирался уже выйти, оборвав разговор. Но остановился в полушаге от двери и, не оборачиваясь, бросил:

— Дочь и жена изменников... Кто кому не ровня, Эрри..?

...Тихий стук в дверь развеял слишком живо представшее перед

глазами воспоминание.

Герцогиня Байе быстро стёрла с лица мокрые солёные дорожки и разрешила войти.

Две служанки, которых Эрвианна видела впервые, согнулись в поклонах. Обе светловолосы, таллвийки, и примерно одного возраста. В синих платьях дворцовой прислуги....

— Я просила прислать моих служанок, — едва сдерживая злость, прошипела герцогиня.

— Нас приставила к этим покоям Её Величество, — улыбнулась та, что была чуть полнее.

Эрвианна улыбнулась в ответ. Наверное, улыбка вышла несколько... неискренней, потому как девушка, улыбавшаяся ровно до этого момента, испуганно попятилась и слегка побледнела.

— Увы, но Её Величество не знала, что у меня слишком нежная кожа, и только МОИ служанки знают, как с ней обращаться.

Какое-то время девушки растерянно смотрели на герцогиню де Байе, но после одновременно кивнули и, согнувшись в поклонах, попятились вон из покоев. Видимо, решив, что Сиятельная герцогиня немного не в себе.

Эрри же шумно выдохнула и прошла в спальню.

— Тварь, — процедила она сквозь зубы.

Здесь тоже ничего не изменилось. Широкое ложе под тонким балдахинном. Огромное зеркало в золочёной раме. Туалетный столик с женскими принадлежностями. Пушистый ковер. То же вино на столике и ваза с такими же фруктами горхи. Горьких и терпких, чтобы напомнить молодожёнам, что семейная жизнь это не только пьянящая винная сладость, но и горечь.

Даже постельное белье на широком ложе было того же цвета, что и в ту проклятую ночь, когда она стала женой графа сен Фольи. Потому Эрвианна сделала несколько шагов назад и, едва сдерживаясь, чтобы не грохнуть дверью, закрыла её.

Это было выше её сил. Нужно время привыкнуть. Взять себя в руки.

Эрри прикрыла глаза и привычно сделала несколько глубоких вдохов, успокаиваясь и подавляя раздражение.

Снова лёгкий стук, в ответ на утомлённое: «Да!» открылась входная дверь, и слуги, пыхтя и краснея, начали затаскивать сундуки и

тюки с вещами герцогини де Байе. И тут же на лице Эрри расцвела злорадная улыбка.

Графа сен Фольи не решилась поселить на этом этаже даже королева, опасаясь возмущения высшей знати. Это следовало из того, что сундуки принадлежали исключительно Эрри. А значит — хоть здесь она сможет вздохнуть спокойно. Тевор не посмеет возмутиться. Будь у них общий ребенок, супруг даже мог бы просить поселить его на этом этаже. Но... Конечно, он сможет приходить к ней на правах мужа. Но уж никак не оставаться на ночь. А Эрвианна уж точно не станет спускаться на нижний этаж. Ну и особую радость доставлял тот факт, что ему так точно указали его место. Низшая знать таковой и остаётся, даже несмотря на заключённый брак.

— Оси! Лува! Теперь вы будете прислуживать мне лично в моих покоях.

Девушки поставили тяжёлые тюки на пол и склонили головы.

— Никто, кроме вас, не должен прикасаться к моим вещам или еде. Никто, кроме вас, не будет прислуживать мне во время купаний и смены одежды. Только вы будете менять бельё на моей постели... Всё понятно?

— Госпожа, это честь, но... не лучше ли выбрать кого-то более знатного, — пропищала светловолосая, совсем юная Оси. — Ваше положение...

— Моё положение позволяет мне совершать некоторые глупости, — чуть улыбнулась Эрри. — К тому же слуги всегда знают больше, чем самые заядлые сплетницы. И не стесняются об этом говорить.

Лува кивнула, правильно растолковав слова Её Сиятельства.

— Оси, приготовь мне купальню. Лува, принеси что-нибудь лёгкое с кухни.

— Кильнское?

Эрри задумалась и отрицательно мотнула головой.

— Сегодня обойдёмся без него.

Обе девушки тут же бросились исполнять поручения, а Сиятельная герцогиня, сидя на кушетке и сложив ноги на маленький пуф, следила за слугами, что втаскивали новые и новые сундуки...

...Кажется, она даже успела задремать. Потому не сразу заметила, как в гостиной воцарилась тишина, подобная той, что царила в древнем

склепе. И, как ни удивительно, эта тишина её и разбудила.

Поначалу Эрри даже глазам своим не поверила.

Посреди гостиной стояла сама королева Ивсталия в окружении разноцветного птичника своих фрейлин.

Эрвианне хватило самообладания, чтобы спокойно подняться и склонить голову в полагающемся поклоне.

— Ах, моя дорогая Эрвианна, — тут же улыбнулась королева, беря её за руку и кивнув своим фрейлинам, чтобы те оставили их одних. И спустя несколько ударов сердца и торопливого шороха юбок так и стало. — Ты, наверное, слишком устала, чтобы соблюдать приличия. Я понимаю. И не виню тебя. Путь из Байе не близок и забирает слишком много сил.

Эрри выдавила из себя улыбку, поднимая голову.

— Вы правы, Ваше Величество. Но тяготы пути ничто, если в конце меня ожидала радость встречи с вами.

Во взгляде королевы мелькнуло недоверие и тут же утонуло в море придворного лицемерия. Ей было слегка за сорок. Как и все арнгвирийки, она была высока и пышнотела. Довольно внушительных размеров грудь уже утратила форму, а лицо избородили морщины, с которыми не в силах были справиться даже воды живительных источников. Волосы её поседели и поредели. Глаза утратили былую живость, а множество драгоценностей только подчёркивало её плачевный вид. Говорят, что последние роды подорвали здоровье королевы. Но кто его знает? Может, это кара Великих?

— Расскажешь мне о том, как добрались?

Эрвианна вздохнула.

— За эти годы я отвыкла от столь дальних поездок. И никакие удобства не могли смягчить это. К тому же — жара... она невыносима. Видят Великие, мне сложно было даже представить, сколь губительна она, Ваше Величество. Поля пусты и черны, а на деревьях облетели не только соцветья, но и листья. Семь дней нам приходилось экономить питьевую воду, которая драгоценна даже на постоянных дворах. И если на берегу моря ещё осталась весенняя свежая зелень, то чем дальше на север вдоль горного хребта, тем... Ах, это ужасно, Ваше Величество! Тяготы жизни толкают простых крестьян искать удачи на тракте. И я не помню, чтобы раньше нападали на обозы высокородных, страшась неминуемой смерти. В этот же раз... Дважды. Мы пережили два

яростных нападения разбойников! — Эрри притворно-грустно вздохнула. — Мне так жаль этих бедняжек...

— У тебя слишком мягкое сердце, дорогая, — едва сдерживая злость, сказала королева. — Подобное случается. Великие испытывают нашу веру и смирение, посылая тяготы и лишения.

Она прекрасно понимала, что герцогиня де Байе сейчас говорила о том, что ставили в вину королевской семье, занявшей трон не по праву. И эта маленькая дрянь посмела сказать об этом вслух, едва не высказав затем и обвинение!

— Но каждый выбирает свой путь сам.

Эрри едва прикусила язык, чтобы не сказать, что выбор между голодной смертью и смертью на острие меча несколько неравнозначен. Но улыбнувшись, ответила:

— Вы абсолютно правы.

Ивсталия отпустила, наконец, руки герцогини и прошла по комнате.

— Надеюсь, я угодила твоему вкусу, выбирая покой?

По лицу Эрри прошла судорога, но она тут же справилась с этой слабостью и снова надела лицемерную улыбку:

— Вы почтили меня, словно особу королевской крови, выделив столь роскошные комнаты, Ваше Величество. Разве я могла бы быть чем-то недовольна?

На лицо королевы набежала тень.

— Я счастлива, что смогла тебя порадовать, — и, словно спохватившись, добавила: — Но ты отказалась от служанок, что были приставлены к этим покоям.

— О! Я искренне благодарна за Вашу заботу, но мои служанки знают мои слабости и прихоти гораздо лучше, чем те, что прислуживают во дворце. К тому же я к ним привыкла. Поначалу меня возмутило то, что мой муж выбирал служанок в покои жены. Но со временем поняла, сколь ценный дар от него получила.

— Что ж. В таком случае, и правда — я поспешила, предлагая свою помощь, — холодно сказала королева. — Не буду тебя задерживать. Отдыхай и набирайся сил, дорогая Эрри. На вечернем приёме они тебе понадобятся.

Эрри едва успела склонить голову вслед удаляющейся королеве, прежде чем та скрылась за дверью.

Но после буквально упала на кушетку и сделала несколько глубоких вдохов. В теле была такая усталость, как если бы это был не разговор с королевой, а кулачный бой. И пусть победителя в нём не было, а состоялся он исключительно для оценки противника, всё же Эрвианна чувствовала некоторое удовлетворение от мысли, что Ивсталия ушла ни с чем. Это было неплохое начало. Но в том-то и дело, что только начало. Вечером придворный серпентарий не упустит случая ужалить её побольнее. И она должна быть готова к этому.

— Всё готово, — склонила голову Оси, показавшись из двери, что вела в купальню.

Эрвианна поднялась резко, как привыкла за последние годы, но тут же сама себя одёрнула и вместо быстрых рваных шагов постаралась ступать танцующе легко и мягко, как раньше. Получилось не сразу, но всё же...

Едва заметная улыбка коснулась губ Эрри, когда служанка принялась ловко расстегивать застёжки платья и распускать длинные волосы цвета светлого меда. Пора было снова стать Сиятельной герцогиней Эрвианной, а не безликой тенью опустевшего замка Байе. Не только ради сына, но и ради себя самой.

Тевор сен Фольи вошел в покои герцогини Байе, принеся с собой раздражение и резкий запах своего парфюма.

За окном сгущались сумерки, грохотал гром сухой грозы и шумел зеленеющими в королевском саду ветками деревьев ветер.

— Ты долго? — поинтересовался он, ввалившись в ее спальню, миновав возмущенную Нэнси и застыв в дверном проеме.

Эрвианна не стала отвечать. Молча продела в уши серьги с огромным камнем оки, прозрачным с черными прожилками внутри, словно в родниковую воду капнули чернила. Подобные ей дарил некогда отец. Но те затерялись, потому пришлось заказать себе новые. Как раз к годовщине ее свадьбы с Роневаном. Третью. Воспоминание немного выбило из колеи, но Эрри взяла себя в руки и в полном молчании, под пристальным взглядом сен Фольи надела туфли на высоком, даже слишком высоком, каблуке. Ее ноги отвыкли от такой обуви. Но куда деваться?

— Я готова! — отмахнувшись от поднявшегося в душе омерзения, Эрвианна положила ладошку на сгиб локтя своего супруга.

Мало что изменилось в королевском дворце за последние два года.



Светлые переходы, с темными провалами боковых ниш и настенными подсвечниками, так же кишели снующей туда-сюда прислугой. И все так же она расступалась, едва высокородная леди де Байе показалась в коридоре, в сопровождении своего мужа. Все так же склоняла головы и все так же жгли спину их взгляды. И только едва слышный шепот был новым. Раньше прислуга бы не позволила себе обсуждать ее, не особо заботясь о том, что может быть услышана. Но Эрри не позволила им заметить обжигающую злость от этой вольности. Хотя вряд ли сможет забыть подобное.

Сен Фольи шел быстро, нисколько не заботясь о том, что туфли Эрри на высоком каблуке, не рассчитаны на подобные забеги. Он едва мог сдерживать злость, а потому не стоило подливать масла в огонь. Как бы ни хотелось поддеть его хоть словом, Эрвианна молчала, подстраиваясь под его быстрый темп.

Сегодня он был особенно старателен при выборе наряда. Белая рубашка с узкими манжетами, темные штаны, что скрывались под полами синей безрукавки длиной почти до колена. Строгий узор серебряной нитью и серебряные же застежки, что соединялись тонкими цепочками. Что ж, супруг никогда не отставал от столичной моды. Может, Великие смилостивятся над герцогиней де Байе и сегодня его внимание привлечет кто-то из придворных леди. Тогда Эрри смогла бы вздохнуть с облегчением, хоть какое-то время, не заботясь о том, что Тевор может почтить ее вниманием.

И пусть мать уверила ее, что в стенах дворца даже столь импульсивный человек, как граф сен Фольи, не посмеет причинить вред Эрвиане, все же сама она опасалась подобного. За два года она свыклась с мыслью, что сен Фольи может позволить себе что угодно в отношении нее. И поверить в обратное было столь же сложно, как оставаться равнодушной к факту своего появлением перед королевской четой.

Почему-то вспомнился ее первый визит ко двору. Тогда ей едва исполнилось тринадцать. Она была так восторженна и счастлива. Отец днями учил ее танцевать сарву. Сейчас мода на него прошла, считая его слишком целомудренным. Но тогда... Эрвианна словно танцевала среди Великих. В бежевом платье, расшитом золотыми узорами. И именно в тот свой первый визит она познакомилась со своим будущим мужем.

Сейчас, казалось, это было вовсе не с ней. С кем-то другим, наивным и верящим в то, что мир может быть полным доброты и

красоты. Мда. Та маленькая девочка давно умерла, а нынешняя Эрвианна напоминала скорее статую над ее могилой.

Да. Для появления при дворе Эрри пришлось вспомнить не только о том, как носить туфли на высоком каблуке. И платье, открывающее декольте и облегающее тело до середины бедер настолько, что даже Эрри было стыдно опускать глаза. Одно радовало, что сия мода расползлась по дворцу, как нашествие саранчи по полям, а потому она не будет выглядеть белой вороной. И все же цвет она выбрала все тот же бежевый. С такой же золотой вышивкой, словно подчеркивая свою невинность и чистоту. Которой уже и в помине не было.

И все же Эрри пришлось вспоминать, как лицемерно улыбаться и смеяться, когда хочется отвесить пощечину и с грохотом хлопнуть за собой дверь. Как лживо вздыхать, сочувствуя горестям людей, которые не понимают даже самого значения слова «горе». Но вспомнить, практикуясь на матери, это одно. Другое дело сейчас выдержать все это, когда каждый будет стараться пустить в ее кровь побольше яда. Причинить как можно больше боли...

Но наиболее сложно, как оказалось, сохранять улыбку на лице прикасаясь к человеку, который тебе омерзителен. И приходилось чуть не на каждом шагу себя одергивать, дабы отвращение неожиданно не проступило, сквозь маску высокомерной леди, радующейся встрече с королем и королевой.

И как бы Эрвианна не убеждала себя в том, что готова снова вернуться в свет, по мере того, как приближался конец коридора, ноги становились тяжелее, а в голове нарастал гул.

Пара слуг согнулась в поклонах, едва чета из Байе приблизилась к двери из светлого дерева и мозаики цветного стекла, распахнула перед ними вход в зал.

Эрри вскинула подбородок и даже не позволила себе перевести дыхание. Остановилась, дожидаясь пока привратник выкрикнет ее имя.

— Сиятельная герцогиня Эрвианна де Байе с мужем, — громыхнул его голос и тут же десятки пар глаз нацелились на прибывших.

Губы Эрри тронула легкая, почти искренняя улыбка, когда она заметила на лицах придворных неверие, злость или даже ненависть. И к королевскому трону, она уже прошла уверенно и легко, будто по сцене театра, на которой тебе нужно просто отыграть свою роль.

Король изменился с их последней встречи. Стал тучнее, а лицо его

отекло от безмерных возлияний. В волосах добавилось седины, и только взгляд оставался все таким же острым и холодным.

Эрвианна, как и полагалось, опустилась на колени и склонила голову, не имея права подать голос первой. Рядом, то же проделал ее муж. И все это в такой густой тишине, что казалось, ее можно было разрезать ножом на части. Но сейчас это проделывали с Эрвианной цепкие взгляды придворных, стараясь отыскать хоть какой изъян. Зря. Валения не просто так просидела три часа в покоях дочери, до мелочи продумывая образ Эрри. Даже вызывающий покрой платья, был менее вульгарен, из-за светлого кружева, что оплетало тело герцогини под платьем скрывая шею, декольте и руки до самых пальцев.

— Поднимитесь, — разрешил король и коленопреклоненная чета тут же поднялась. — Рад видеть вас обоих в добром здравии. Я волновался о том, сможете ли вы... привыкнуть друг к другу.

— Мы безмерно благодарны Вам за заботу, — улыбнулась Эрри. — Но Вам не стоит переживать, граф относиться ко мне в точности с вашими указаниями.

Вистер постучал пальцем по подлокотнику, и Эрри кожей почувствовала, как напрягся рядом Тевор.

— В таком случае, я крайне рад, что все так сложилось, — хмыкнул король. — Развлекайтесь, герцогиня, — и чуть повернув голову в сторону сен Фольи, едва заметно кивнул.

Что это значило? Вряд ли имело в этот момент большое значение. И Эрри предпочла сделать вид, что не заметила, склонившись в поклоне и сделав несколько шагов спиной вперед, слилась с толпой придворных.

Как оказалось, крайне неудачно. Потому как леди, что стояла рядом, Эрвианна знала достаточно хорошо, чтобы понять — перевести дыхание ей не дадут.

— Сиятельная Эрвианна де Байе... — протянула графиня сен Торме, чуть улыбнувшись. — Рада встрече.

— Эделия, ты ни капли не изменилась, — улыбнулась в ответ Эрвианна. — Но я с радостью отправлюсь с тобой к живительным источникам, если ты забыла к ним дорогу.

Эделия чуть наклонила голову, чтобы скрыть проступившую злость. Она была поразительно некрасива. Чем-то похожа на рыбину с вытянутым вперед лицом и водянистыми глазами. И может, с этим можно было примириться, если бы не вечное желание задеть кого-то за

живое. Возможно, поэтому ее муж имел столько любовниц и детей на стороне, что можно было бы заселить ими целую деревню. А может потому, что граф сен Торме просто не умел хранить верность кому-либо. Ни жене, ни королю, как оказалось. Он был одним из первых, кто сменил сторону, почуяв перемену ветра не в пользу покойного Федерика. И было бы глупо думать, что не сделает то же, едва над непоколебимостью власти Вистера нависнет угроза.

— А ты все хорошеешь, — наконец, совладала с чувствами Эделия. — Видят Великие, Его Величество принял мудрое решение, не позволив тебе губить свою красоту под траурными одеждами.

Улыбка на лице Эрри даже не дрогнула. Все же именно к этому она готовилась последние три недели.

— Красоту невозможно загубить никакими одеждами, моя дорогая. Как и обрести, увы. А портные лгут, уверяя, что хороший наряд делает женщину неотразимой, просто желая заработать побольше, — заговорчески прошептала Эрри, склонившись к уху Эделии. — А сейчас прошу меня простить. Хочу разыскать мать. Но я не прощаюсь, Дель. Вечер ведь только начинается.

Вечер действительно только начинался.

Шипел потревоженный змеиный клубок, смакуя сплетни и обсасывая уже до блеска отполированные кости внешне совершенно невозмутимой герцогини де Байе. Испепеляли завистливыми взглядами молодую женщину первые придворные красавицы. Кого-то Эрвианна знала, кого-то впервые видела, но абсолютно всем открыто, почти невинно улыбалась, кивала и натурально изображала искреннюю радость от встречи, выискивая глазами её сиятельство герцогиню де Саменти, которая в очередной раз некстати куда-то запропастилась.

На деле Эрри уже едва могла скрывать дикое желание вцепиться ноготочками хоть кому-то в лицо. И только осознание и даже твёрдая уверенность, что в каждой придворной даме, ещё не собравшей из прожитых лет длинные бусы, кипела злость и зависть к ней самой, укрощали сей низменный порыв. А всё потому, что мужская часть придворного бурлящего котла провожала герцогиню де Байе вовсе недвусмысленными взглядами.

У неё всегда получалось вызывать в мужчинах желание. Даже неосознанно. Даже не желая того, Эрри привлекала внимания больше, чем венценосная чета. И пусть раньше она тушевалась под этими

блестящими, словно одурманенными, взглядами — сейчас ей было всё равно. Хотя нет — ей нравилось! Но не эти их взгляды, а искажённое яростью лицо сен Фольи, которого от свершения страшной воспитательной работы и мести за красоту своей жене удерживали приличия, обычаи и статус. А также внимательный взгляд короля, который Эравианна чувствовала лопатками, как рабское клеймо. И приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы не передёргивать плечами, сиюсь сбросить липкое ощущение, или просто не оглядываться, дабы ответить Вистеру не менее внимательным взглядом.

И дабы отвлечься от тяжелых мыслей об особах кровей королевских, Эрри старалась сосредоточиться на особах низших как по происхождению, так и по нраву, раздумывая на самую неприятную тему, которая всё же весила достаточно, чтобы занимать её мысли.

О, Великие! Что ни говори, а Эрри придётся туго по возвращению в Байе... Если графа случайно не постигнет страшная участь. К примеру, он мог бы перепить вина и выпасть из окна. Совершенно случайно. Или отравиться на пиру куропаткой... или его слишком изношенное за годы тяжёлой службы сердце не выдержало бы постельных утех с молоденькими и чересчур требовательными вдовами, так и не сыскавшими себе лучшей участи, нежели ходить хвостом за королевой...

Эрри так увлеклась, представляя, какой бы смерти желала супругу, что не заметила, как стала улыбаться слишком открыто. И лицо её выражало столько неприкрытой ненависти и злорадства, что придворные дамы вздрагивали, когда обращали на неё взор.

— Мне кажется или в данный момент вы планируете страшную месть? — вывел Эрри из раздумий уже знакомый низкий голос графа Атори.

И дамы и господа мгновенно и совершенно бесшумно отхлынули, оставив их в центре образовавшегося круга одних.

О! Это очень ярко подчёркивало слова матери о том, что Роберт сен Атори внушает страх всем и вся, и что, несомненно, он самый опасный человек в королевстве... Но Эрри совершенно открыто улыбнулась ему, словно старому другу, и так же невозмутимо положила руку на его локоть, увлекая подальше от уже опостылевшего серпентария в сторону балконов, нависших над королевским садом.

— Ох, вы как мужчина благородных кровей просто обязаны спасти

даму от этого кошмара. Иначе они меня сожрут глазами, а кости обгложут и будут полоскать в сплетнях ещё много дней к ряду, — чуть нарочито весело сказала она, заметив полный ярости взгляд сен Фольи.

— Вы слишком предвзяты, леди де Байе. Мне кажется, вас не так-то просто обидеть.

— А вот в этом вы несомненно правы, граф. Меня просто нереально обидеть...

Эрри чуть устало облокотилась о перила, вдохнув запах ночных цветов и затхлость стоялых вод Тезвы, прикрыла глаза, стараясь подавить все чувства и снова надеть излюбленную маску. Но... движение, шепот, человеческая масса и даже мужчина, что продолжал молча, чуть прищурившись, смотреть на неё — выбивали из привычного спокойствия. Из её личного равновесия.

Поднималась лежалым илом со дна памяти глухая злость. Всё те же лица, веселящиеся на похоронах её мужа, её сердца. Её гордости и чести. Подступала к горлу тошнотой... Нет. Восстановить былое равновесие не так просто.

Сен Атори протянул ей бокал с красным напитком и Эрри, благодарно кивнув, приняла его. Но пригубив, оказалась несколько разочарована: не вино. Гранатовый сок, который она, в принципе, не очень-то любила.

— Так вы всё же планировали страшную месть? — снова спросил серый человек, именующийся королевским волкодавом.

— Разве что нынешней моде, — устало улыбнулась Эрвианна. — Простите, но я не привыкла ходить почти голой на людях. Чувствую себя неуверенно и совершенно...

— Я прекрасно вас понимаю. Любовь женщин к открытым нарядам напрочь лишила мужчин малейшей возможности пофантазировать...

Эрвианна спрятала улыбку в стакане с соком.

— Да уж... Наверное, нам пора бы вернуться. Слухам при дворе даже повода не нужно, чтобы испепелить репутацию даже самой честной леди, не то что дамы с сомнительными заслугами, дочери и вдовы изменника... ведь именно это вас так притягивает ко мне, граф сен Атори. Именно потому вы не спускаете с меня глаз? — и, дождавшись в ответ лишь чуть поднявшейся брови, продолжила. — Не беспокойтесь, я не собираюсь бросаться на короля и выкалывать ему глаза шпильками для волос.

— Очень рад, герцогиня, — усмехнулся Роберт. — Мой сон станет крепче после ваших заверений.

— Эрри..! — вылетела на балкон мать и тут же остановилась, словно в присутствии этого человека её сковывал вечный лёд.

— Добрый вечер, ваше сиятельство, — совершенно спокойно поздоровался граф.

В ответ та лишь кивнула и снова повернулась к дочери:

— Сейчас королева спустится к ужину. Нам стоит поторопиться, дорогая.

Эрри кивнула с некоторой досадой. Королеву ей хотелось видеть точно так же, как короля и мужа. Но...

— Благодарю за компанию. Теперь я просто обязана вам жизнью, ваша светлость, — кивнула она графу, не заметив, как после этих слов вздрогнула Валения.

— Всегда рад стать отважным рыцарем, спасающим прекрасную даму от целого гнезда ядовитых змей.

— О чём ты вообще думаешь? — шипела Валения, увлекая дочь в толпу замерших придворных. — Я тебя предупреждала...

— Не затрудняй себя чтением нотаций, мама. Мне просто подвернулся случай хоть на время избавиться от всеобщего внимания. Оно всё же тяготит меня, — нехотя призналась Эрвианна.

Валения открыла было рот, чтобы сказать ещё что-то, но над головами пронеслось имя королевы и юного престолонаследника, а потому разговор их прервался на весьма напряжённой ноте, так и не разрешив суть проблемы.

Эрри тут же склонила голову, из-под ресниц наблюдая за нервно кусающей губы матерью. О! Как, оказывается, тяжело сдержать нравоучения, которые уже вот-вот грозились сорваться с уст. Потому это нехитрое движение казалось даже немного забавным.

Всё же любопытно было бы разведать, что такого не поделили граф сен Атори и герцогиня де Саменти, что даже само присутствие этого мужчины выбивает почву из-под ног Валении. Или это личное?

Но уже спустя несколько секунд Эрри полностью сосредоточилась на пафосном шествии королевы Ивсталии и принца Овила.

Сердце Эрвианны дрогнуло, стоило увидеть принца ангвирийского. Наследнику было сейчас ровно столько, сколько Дэнни, когда его у нее забрали. И невольно герцогиня сравнивала его со своим Дениэлом.

Принц Овил не выглядел на свой возраст. Внешне — возможно, но манера держаться могла бы посрамить и стариков, не первое десятилетие топтавших мрамор королевских пенат. Да, а похож он был всё же на отца. И жёстко сжатые, совершенно не по-детски, губы подчёркивали это сходство ещё больше. Это был не ребёнок, а престолонаследник.

На мгновение Эрри подумала, что её собственный сын тоже сейчас уже совсем не ребёнок. И это осознание глухой болью отдалось в груди.

Вистер поднялся с трона и даже сделал навстречу королеве пару шагов — но не более, величественно дожидаясь, пока королева приблизится. И только после того, как венценосная супруга, церемонно склонив голову и тут же выпрямившись, под руку с супругом направилась в малую столовую, вся придворная знать потянулась следом за ними.

Здесь тоже мало что изменилось.

Всё те же светлые тона в отделке, огромные окна и бежевые портьеры в пол. Серебряные канделябры и длинный стол с парой высоких, обитых светлым бархатом, кресел во главе.

Первыми свои места заняли венценосные супруги, по правую руку от Вистера — престолонаследник, а уж дальше советники, чиновники и прочие незаменимые в любом государстве особы. Они занимали свои места справа от короля, по левую руку от королевы — рассаживались женщины. И тоже в порядке своей значимости. Вот только Эрри усадили на самом стыке высшей и низшей знати. Вроде и среди высокородных, но всё же...

Но Эрвианна предпочла сделать вид, что ничего зазорного в этом не видит. Едва заметно улыбнулась, сделав глоток чистой воды из высокого бокала.

Валения же, случайно или нарочно, оказалась чуть не рядом с королевой. Ближе была только племянница короля Зервина де Смилле, дочь покойного брата короля. А ещё герцогиня Кильн, мать Исгара. Самого же герцога Кильна за столом не оказалось. Жаль. Именно его Эрри и правда хотела бы видеть. Но... не последний день же при дворе...

Зато на месте был старик де Гиуре, с виду всё такой же ветхий настолько, что казалось — вот-вот рассыплется. Но знавшие его лучше не обманулись бы показной дряхлостью. Герцог Гиуре был



опасен, хитёр и именно потому до сих пор жив. И что-то подсказывало, что ещё не один король сложит голову, а Гиуре так и будет просиживать кресло первого советника.

Чуть ниже и ближе к низшей знати сидел, отводя взгляд, Элвин де Хариме. Эрри скупно улыбнулась. Некогда герцог назывался лучшим другом отца. Был частым гостем в замке Саменти и именно он учил Эрвианну верховой езде. Сейчас же... что ж. События последних лет многих изменили, а некоторых и сломали.

И всё же в чём-то герцогу Хариме повезло. Даже монарх не смог его женить по своему усмотрению. Элвин де Хариме, похоронив жену, приведшую в мир мёртвого первенца, дал обет celibата. А клятвы Великим отменить не в силах даже короли.

Не так повезло виконтессе де Рив, так и не умудрившейся стать де Тормен. Всё потому, что юную дочь герцога Рив отдали замуж в возрасте тринадцати лет, и после консуляции брака она едва отошла. Поговаривали, что Тальвия была на грани того, чтобы отправиться к Великим. А потому ни о каких детях не могло идти речи. Как и о входе в род мужа и принятии его имени.

Зато пятое замужество пошло на пользу её свекрови, Адмерии де Тормен, действующей герцогине Тормен. Которой досталось место ещё ниже, чем Эрри. А всё потому, что Адмерия была, как и многие жители востока, несколько несдержанна в выражениях и часто говорила то, что думала. Порой это доводило представителей высшей знати до тихого бешенства.

— О! Малышка Эрри де Саменти, — хмыкнула Адмерия, вгрызаясь в сочный кусок мяса вори, едва все расселись, и король дал знак к началу ужина. — Вижу, вести о твоей болезни были чересчур преувеличены. Хорошо выглядишь!

— Спасибо, леди Тормен. Вы тоже. Годы щадят вас. Что до моей болезни... Мой муж склонен драматизировать. Это была обычная простуда, столь типичная для холодного климата Байе.

— Не скажи, милочка. Поверь женщине, которая вполне успешно сумела пережить четверых мужей и планирует пережить и пятого: если муж заговорил о болезни и неминуемой смерти жены — жди беды.

Эрри едва удержалась, чтобы не поморщиться и не бросить взгляд на супруга, которому досталось место гораздо ниже неё. Не дурак же Тевор, чтобы вот так, по глупости, лишиться всего, что приплыло ему в

руки совершенно даром. Нет, это предполагает нечто иное. Скорее, весть о неменяемости или недееспособности герцогини и полное право распоряжаться единолично всем её имуществом... Это да.

И без того не лучший аппетит испортился окончательно. Жёсткое мясо вори показалось схожим по вкусу с куском трухлого дерева. И Эрри едва смогла проглотить кусок, который даже ножом разрезать оказалось не так просто.

Ладно. На всё воля Великих. И им не угодно, чтобы герцогиня Байе гнила заживо в каком-то приюте при храме, раз привели её снова ко двору.

Но Эрвианна так и не смогла заставить себя съесть хоть что-то, только расковыривая да развозя по тарелке и мясо птицы с соусами, и пироги с разными начинками, скорее, делая вид, чем ужиная.

И лишь десерт — мягкие, чуть кисловатые ягоды пареси, залитые взбитыми сладкими сливками — пришёлся ей по вкусу. Он освежал и таял во рту.

— Попробуйте десерт, — предложила она Рив, сидящей по правую руку. — Он потрясающ.

Тальвия де Рив бросила на неё осторожный взгляд и подвинула к себе креманку. Девушка, как и Эрри, за вечер съела едва кусок пирога. И вообще она была чересчур бледна, даже измучена. А также молчалива. То ли из-за присутствия здесь её свекрови, то ли...

— Благодарю вас, — чуть заметно улыбнулась она. — И правда — очень вкусно.

Эрри удовлетворенно кивнула, сделав глоток вечернего кайве с молоком... И едва не подавилась, когда старик Гиуре подал голос.

Вот что-что, а голос его годы не меняли. Может, потому, что он всегда говорил тихо, словно шелестя.

— Сиятельная герцогиня де Саменти, безмерно рад, что вы снова нас почтили своим присутствием, — и, несмотря на тихий голос Бремора де Гиуре, слова его прозвучали громом. Так, что притихли шипящие и обсуждающие что-то королева и герцогиня де Кильн.

— Я тоже безмерно рада снова находиться здесь, — улыбнулась Эрри.

— Может быть, в честь такого события, вы снова порадуете нас игрой на уфие? Помнится, некогда вы заставляли смеяться и плакать даже самые чёрствые сердца, едва коснувшись струн.

Эрри смутилась. Или правильней сказать — растерялась. Вот до уфии они так и не дошли.

— Боюсь... — начала она.

— Не стоит, Эрри, — подал голос Вистер. — Не бойся. Сыграй нам.

Эрвианна снова натянуто улыбнулась. Королям так просто не откажешь.

— Да, ваше величество, — обронила она, поднимаясь с места, и ощутила лёгкое пожатие ледяной руки Талвии де Рив.

Поддержка оказалась столь же неожиданной, сколь своевременной. И Эрвианна, расправив плечи, уверенным шагом направилась к сидящим в углу музыкантам.

Казалось, она ступала по раскалённым углям. В полной тишине, неся на себе всеобщее внимание, надев его, как вызывающее платье. Хотелось закрыть глаза, а лучше провалиться под землю, но это было бы слишком просто.

Благо воспитание не позволяло ни упасть лицом в грязь, ни даже споткнуться.

Стоило приблизиться к оркестру, как один уз музыкантов тут же протянул ей уфию, и Эрри, чуть помедлив, приняла её как настоящее сокровище.

Музыкальные инструменты всегда вызывали у неё восторг и трепет. Ещё та, первая уфия, которую подарил ей отец. Гриф из белого мягкого дерева... подставка, к которой крепились серебряные струны, из камня оки... Как она звучала...

Никогда у Эрри больше не было подобного инструмента. Она пропала вместе со многими драгоценностями, пока Эрвианна пыталась оправиться после потери близких.

Тяжёлый вдох едва удалось подавить. Не выдать боли, которой отдавались в груди воспоминания. И даже удалось улыбнуться любезно подставившему небольшую табуреточку музыканту.

Но стоило сесть и устроить на коленях уфию, пусть не такую шикарную, как была у неё когда-то, а всё же кровь по венам побежала быстрее...

Стоило коснуться струн, почувствовать эту вибрацию, выбивающую мурашки на коже...

Эрри растворилась в музыке.

Сарва. Любимая и заученная с детства, мелодия лилась по замершему залу, поднималась вверх и падала вниз, касаясь глубин даже самых чёрствых душ.

Эрвианна вкладывала в неё себя, растворяла в тревожной, словно штормовой ветер, мелодии свою боль, отчаянье, злость... вплетала надежду, тоску и жажду мести...

И рваный ветер вторил ей, пригибая ветви деревьев к земле, соглашался гром, ворча и моргая молниями. И было уже совершенно наплевать на придворных, интриги, короля...

Это было выше и сильнее всего земного...

Эрри прикрыла глаза. Зря она сомневалась в том, сможет ли снова играть. Пальцы сами жили, касаясь струн, вспоминая, радуясь встрече со старым другом...

Вдруг в какой-то момент струна, жалобно бздынькнув, лопнула, чиркнув по пальцу, но Эрвианна даже не почувствовала боли. Только удивилась набухшей алой капле, сорвавшейся и упавшей на коричневый гриф. За ней ещё и ещё одна...

Но сообразила она, что к чему, только когда в полной тишине сам Вистер подошёл к ней вплотную и, убрав уфию, осторожно взял за раненую руку.

Эрвианна поднялась, не смея посмотреть в лицо королю. Не потому, что ей было стыдно, а потому, что она была зла на саму себя за то, что позволила чувствам оголиться...

— Это было великолепно, ваше сиятельство. Я уже давно не слышал ничего подобного, — и, не дождавшись от Эрри ни малейшей реакции, приказал: — Следуй к лекарям. Тебе нужна помощь, Эрвианна.

— Да, ваше величество! — склонила голову герцогиня Байе и быстрым шагом покинула зал, намереваясь сутки не выходить из своих покоев.

Пусть перемывают ей кости, не страшась быть услышанными.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Валения де Саменти качала головой, глядя, как дочь баюкает раненую руку.

Ни одно из снадобий, что приготовили придворные лекари, не могло унять боль, и Эрри то и дело морщилась, когда пыталась пошевелить пальцами левой кисти.

— Могла бы так не усердствовать, — наконец, нарушила тишину Валения.

Эрри блеснула ровными зубами, оскалившись в улыбке, от которой оторопь пробрала даже много повидавшую герцогиню Саменти.

— Нужно было привлечь внимание. А что может сделать это лучше, чем пролитая кровь?

— Сумасшедшая, — отмерла мать и покачала головой.

— Есть немного. Некоторые события моей жизни никак не способствуют душевному равновесию.

Валения поморщилась и сделала знак рукой служанкам, которые тут же испарились из покоев Эрвианны, словно их и не было. Сама налила вино в два кубка и один протянула дочери.

— Не ты ли говорила мне отказаться от хмельных напитков? — хмыкнула Эрри.

— Не люблю пить в одиночестве.

— Зря. Это помогает собраться с мыслями.

Герцогиня Саменти вздохнула и опустилась рядом с дочерью на мягкую кушетку.

— Мне кажется, или ты что-то задумала?

Эрри отпила из кубка и поставила его на столик.

— Кажется. И нет! — ответила она так же, как не так давно ответила ей мать, на вопрос о том, боится ли она за жизнь Гилвера.

— Обиделась?

— С чего бы? Все мы имеем право на маленькие тайны. Не так ли, мама?

Валения вспыхнула и тут же взяла себя в руки.

— Слишком многое зависит от твоего поведения. Слишком много поставили на карту те, кто ещё остался верен династии Халедингов.

Слишком много жизней оборвётся и судеб сломается, если ты позволишь себе необдуманные поступки.

Эрри широко улыбнулась и закусила губу.

— За-аговор... — протянула она. И резко развернулась к матери: — Я права, мама?! Вот зачем я здесь. Ты втянула меня в заговор против короны. Рискнула жизнями — моей и моего сына. Но своего держишь вдали от этого, чтобы в случае провала он мог сказать, что не был осведомлён. Или, в случае успеха, смог присягнуть новому королю, как сын и брат тех, что помогли ему взойти на трон.

В глазах Эрри полыхнула ярость такой силы, что Валения вскочила на ноги и сделала несколько шагов назад, увеличивая дистанцию.

— А как же я и Дэнни, мама? Тебя не волнует, что будет с нами, если переворот обернётся провалом? Ты думала, что станет со мной и моим сыном?! Вистер уже угрожал жизни Дэнни однажды, и я уверена в том, что он исполнит угрозу, едва я дам ему повод сделать это!

Валения поджала губы, не решаясь озвучить свои мысли. Вертела кольца на руках, не в силах бороться с волнением и кусала губы, подыскивая нужные слова. Но под полным ярости взглядом всё же вздохнула и сказала:

— Отец оставил тебе письмо, Эрри. Я не знаю, что в нём, но думаю, это поможет тебе взглянуть на всё по-другому, — и тут же из-за пояса вытащила сложенный во много раз лист бумаги.

Эрри, сдерживая дрожь в пальцах, приняла его. Бросила взгляд на мать:

— Оставь меня.

— Эрри...

— Я сказала, оставь меня, мама, пока я ещё способна найти в себе силы разговаривать с тобой.

И только когда за Валенией закрылась дверь, Эрвианна дала волю чувствам.

Вся боль, вся злость и ярость, что свили гнездо в её сердце, выплеснулись горячими слезами. Потекли по утратившей краски коже, сорвались солёными каплями с подбородка и разбились о тонкий шёлк платья. Чуть слышно скрипнула дверь, двинулись шторы от сквозняка, ворвавшегося в открытое окно. Светловолосая Оси прошмыгнула в гостиную — узнать, не нужно ли чего госпоже.

— Нет, — непривычно спокойно ответила Эрри. — Хотя... скажи,

что мне нехорошо сегодня, и что не желаю никого видеть. И до заката не заходи ко мне сама.

— Да, госпожа, — склонилась Оси, пряча за низким поклоном растерянность на лице.

И снова Эрвианна была одна. Воздуха, что порывался сорвать тяжёлые шторы с карнизов, не хватало, чтобы дышать полной грудью. Чтобы развеять душасщую злость. Вино, что она отпивала маленькими глотками, не могло смыть горечь с языка. И страх, что не давал развернуть письмо, пробегал по телу дрожью.

Письмо нашло место на столике и оттуда словно издевалось над Эрвианной, подсматривая за ней красным глазом герцогской печати.

Эрри же мерила шагами комнату. На белой ткани повязки проступили красные пятна крови. Но она не чувствовала боли. Не слышала ничего за грохотом и звоном в ушах.

Сиятельная Эрвианна понимала, что едва сломает печать и развернёт лист, обратного пути не будет ни для кого. Ни для неё, ни для матери, ни для тех, кто плёл пропитанные ядом измены сети за спиной короля. Всем сердцем она желала, чтобы Вистер запутался в них. Всем существом стремилась к этому. И в то же время боялась. Боялась, что не справится...

Она резко поставила кубок на стол — вино, что оставалось в нём, колыхнулось, выплеснулось, оставив кроваво-красные разводы на столе.

Эрри резко выдохнула и развернула письмо, даже не зная, что хотела бы в нём увидеть.

Поговори со мной наедине,  
В лучах заката и тенях безличья.  
Станцуй со мной на тонком острие,  
Склони колени перед истинным величием.

Лист тонкой бумаги с тиснением герцогской печати выпал из рук Эрри.

Песня.

Это была песня, которую отец пел ей, когда учил танцевать сарву. Четыре коротких строчки. Даже без подписи или слов приветствия.

Валения рискнула посетить дочь, когда уже сгустились за окном сумерки, а дворец зажил другой, ночной, тайной жизнью.

Эрвианна де Байе сидела на том же месте, где её оставила мать, и мурлыкала под нос мелодию сарвы. Глаза её опухли от слёз, а свет

единственной свечи отражался в застывшем взгляде, как отпечаток безумия.

Валения де Саменти едва слышно подошла к дочери и села рядом. Протянула руку, чтобы поправить выбившуюся прядь волос, но Эрри отпрянула, словно боялась заразиться от матери неизлечимой болезнью.

— Не прикасайся ко мне.

Валения безвольно опустила руку.

— Ты должна меня выслушать, Эрри...

— Я ничего тебе не должна.

Валения закрыла лицо руками, но тут же опустила их и наткнулась взглядом на письмо своего покойного мужа.

— Позволишь..?

Эрвианна сделала знак рукой, словно говоря: «Делай, что хочешь!», и герцогиня Саменти подняла лист бумаги, быстро пробегая по строчкам. Потом ещё раз. И ещё.

После резко встала и задвинула засов на двери. Достала песок времени из-за пояса и высыпала его на бумагу. Но даже глядя на мужа, быстро и ровно выводящего буквы на листе, не увидела ничего, что объяснило бы его послание дочери. Ни намёка. Ни одной лишней буквы. Только строчки из песни, что уже и забыта давно.

— Ничего не понимаю... — пробормотала растерянно Валения, стряхнув утративший цвет песок в пустой и холодный камин. — Я не понимаю...

— Объяснить? — вскочила Эрри. — Тебе объяснить, что ты затеяла игру, которая погубит нас всех?! Всех! И опиралась ты на бумаги, которые писал человек, погибший задолго до того, как нынешний король надел на голову венец.

Валения упрямо мотнула головой.

— Это должно что-то значить...

— Только то, что ты утратила разум, горя по отцу. Вот что это значит, мама.

Эрвианна резко выдернула лист из руки Валении и поднесла его край к пламени свечи. Огонь благодарно и жадно лизнул бумагу. Пополз вверх, сминая её и оставляя по себе чёрный пепел. А оплавленный остаток герцогской печати отправился вслед за истратившим силы песком.

— Это невозможно...



— Это более чем возможно. Оставь эту затею. И меня оставь, — устало сказала Эрри. — Сию минуту.

Словно неживая, Валения прошла к выходу и ослабевшими пальцами отодвинула засов.

— Доброй ночи, Эрри, — хрипло сказала мать.

— И тебе сладких снов, мама.

Ещё несколько мгновений Эрри стояла, молча глядя на закрывшуюся дверь. Она была зла, как никогда в своей жизни. Как никогда она хотела вцепиться в горло хоть кому-то. Но тут же улыбнулась.

— Я поговорю с тобой наедине, отец, — тихо прошептала она.

— Купальня готова, госпожа, — прошелестела Оси, показавшись в двери спальни.

— Хорошо, Оси. И расстели постель, мне нужно выспаться сегодня.

Но — легко сказать. На деле сон не шёл к герцогине долго. Она ворочалась с боку на бок, а мысли, что вертелись в голове, заставляли сердце то бешено колотиться, то замирать или и того хуже — останавливаться. И только когда рассвет окрасил небо розовым, её накрыло тёмным одеялом сна. Но даже оно не смогло спрятать её от тревоги. Темнота эта шепталась чёрными тенями, шипела гадами и рвала её на части, пока герцогиня не вскочила, отирая с лица холодный пот и липкий страх.

Чувствовала она себя так, словно всю ночь убегала от бешеных псов Великих, и если бы не проснулась, то они бы её настигли... Об этом сообщило зеркало, которое отразило и опухшие от слёз глаза, и синяки под ними. Показало растрескавшиеся губы, которые Эрри раздражённо поджала.

— Лува!! — выкрикнула она так, что у самой заложило уши.

Служанка тут же вбежала в спальню и торопливо согнулась, по инерции едва не упав на колени.

— Да, госпожа... — дрожащим голосом сказала она, не зная, чего и ожидать от взбешённой леди Байе.

— Мне нужны отвары, что снимают отеки, и гусиный жир с сухими ветками чемберы. И ещё найди мне настой адолии.

Последняя просьба заставила Луву побледнеть. Адолия была ядовита — порой чайной ложки хватало, чтобы убить человека, а запах

— сладок, как сироп из плодов тауни. Известны случаи, когда этим коварным ядом приправляли десерты и вина, отправляя на тот свет недругов. Истинно женское оружие.

Но Лува не посмела бы спросить у герцогини де Байе — зачем той понадобилось столь опасное зелье.

— Минуту, госпожа, — сказала она и, собравшись с силами, побежала по коридорам замка — собирать всё, чего требовала Эрвианна.

— Что ты задумала? — спросила Нэнси то, о чём не решилась спросить молоденькая Лува.

Эрри развернулась лицом к нянюшке, и та поцокала языком, оценивая увиденное.

— Оставила тебя всего на один день...

— Сегодня ко двору прибудет принцесса Колливэ. И я должна быть на пиршестве в её честь, — шипела Эрри.

— Тогда да. Без всего перечисленного не обойтись.

Спустя пять минут в спальне герцогини появилась Лува, а с ней и Оси.

— Оси, грей воду. Луви, неси лёд, — распорядилась Нэнси. — Ты у меня будешь краше, чем если бы только что вышла из источника.

Если бы ещё это было так же приятно...

Тело Эрвианны распарили, а после в воду высыпали два ведра льда со снадобьями, снимающими отёк. И едва она собиралась вскочить, как Нэнси с силой надавила на её голову, и герцогиня нырнула в ледяную воду. После тело Эрри растирали мягким полотенцем докрасна. На губы нанесли вонючий гусиный жир, чтобы залечить трещины. На лоб и щеки положили куски сырого мяса.

Эрвианна старалась не шевелиться и дышать через раз, чтобы не бороться с тошнотой, что вызывал ужасный запах гусиного жира.

Но уже к обеду зеркало стало милостивей. И герцогиня смотрела на чуть уставшую, но вполне привлекательную женщину, улыбающуюся ей по ту сторону зеркальной глади.

Лува принесла лёгкий салат с орехами, кислыми фруктами, сочными листьями и тонкими ломтиками сырого маринованного мяса. Горячий горький кайвэ и сладкие булочки, которые герцогиня тут же отдала Нэнси.

Эрри поела с аппетитом, что было редкостью, и даже не возникло

желания выпить вина. Или вчера она просто взяла лишку? Впрочем, не так это было и важно.

Ближе к обеду протрубили горны, оповещая придворных и всю столицу о прибытии принцессы хостийской Колливэ со свитой. Встречали её сам король и его приближённые. И, конечно же, пятилетний жених — на большом чёрном коне, которого, в силу возраста наследника, вели под уздцы приближённые придворные.

Эрри только выглянула в окно, провожая кавалькаду, покинувшую королевский двор. Лува и Оси помогли ей надеть платье из песочного шёлка, с квадратным неглубоким вырезом, какой уже давно был не в моде. Но, зная о том, что при дворе Хостии не поощрялись открытые наряды, а порой женщины покрывали и волосы, Эрри сочла его лучшим выбором на сегодня. Оно было без рукавов, длинное и прямое, с двумя разрезами по бокам подола и расшито мелкой крошкой янтаря. Более того, герцогиня достала тонкую кружевную шаль, которой покрывала голову для защиты волос от жалящего солнца бескрайних песков. Но пока просто накинула её на плечи.

— Запрокинь голову, — скомандовала Нэнси, и Эрри послушно исполнила приказ.

Капли настоя адолии упали на зрачки, и тут же мир вспыхнул яркими красками, которых Эрри не видела до этого дня, смазлся и стал ярче, резче. Даже голова закружилась.

— Проморгайся, — как через толщу воды услышала Эрвианна слова Нэнси и снова повиновалась.

Это и правда немного ослабило действие адолии. Но не убрало совсем. Нэнси протянула кубок с противно пахнущим отваром, и его Эрри выпила без лишних вопросов. Мир постепенно прояснился и стал почти таким, как был.

— Порой меня удивляют твои знания, Нэнси. Даже не верится, что родилась ты в семье простого оружейника, — разглядывала Эрвианна в зеркало, как расширились её зрачки — настолько, что глаза стали чёрными, как у кошки в тёмную пору суток. А кончики ресниц украсили серебряные капли.

— Только не говори никому. Иначе придётся отбиваться от придворных леди, что пожелают стать хоть чуточку похожими на тебя. Ты самая прекрасная женщина, которую я встречала за всю свою жизнь.

Эрри тепло улыбнулась. Она не решилась бы сказать, как дорога ей

на самом деле Нэнси. Хотя нянюшка и сама прекрасно понимала то, что, возможно, никогда не услышит.

— Давай, Эрри. С минуты на минуту Колливэ будет во дворце. Не стоит оскорблять венценосных особ опозданием.

Солнце жгло так, словно Великие хотели выжечь мир до самого его основания. Горячий ветер поднимал клубы пыли и облетевших соцветий, так и не зародившихся плодами, и бросался ими о стены королевского дворца. Ворчал гром сухой грозы где-то на севере, но гул его был таков, что казалось — небо падает на землю, и чёрные тучи висели практически над головой — протяни руку и дотянешься. И даже воздух был раскалён настолько, что расслаивался на пласты. Деревья в саду уныло свесили покрученные листья, обвисли и ветви. Цветы не источали аромата, а клонились к земле, невзирая на то, что слуги ежедневно их поливали.

Придворные леди обмахивались веерами из длинных перьев и прятались за ними от пыли. Мужчины не надевали приличествующих случаю безрукавок, оставаясь в одних тонких рубашках.

Эрри же дрожала от холода. По телу пробегали мурашки от порывов горячего ветра, что казался ей холоднее, чем в зимнюю стужу. Она то и дело куталась в тонкую кружевную шаль, будто та могла чем-то помочь.

— Тебе дурно? — спросил Тевор — скорее для приличия, чем действительно озаботившись самочувствием Эрвианны.

— Всё просто замечательно, — раздражённо соврала она в ответ. — Немного волнуюсь.

— С чего бы это?

— Мы, если ты не заметил, встречаем будущую королеву Арнгвирии. Разве это не достаточный повод для волнения?

Сен Фольи поморщился и даже открыл рот, чтобы что-то сказать, но захлопнул его, так как трижды проревел горн, возвещая о прибытии короля с его гостями. Молча ещё раз зыркнув на жену, Тевор встал, как и положено, среди ряда низшей знати, что встречала прибывших в самом низу дворцовых ступеней. Посредине выстроилась высшая знать, а на самом верху ожидала приезда будущей невестки королева Ивсталия. Весь её птичник, в том числе и приближённые герцогиня Кильн и племянница короля Зервина де Смиле, находились среди равных им по положению. То есть рядом с Эрвианной.

Эрри чуть встряхнулась и накинула на голову кружевную шаль.

Как из-под земли появилась герцогиня де Сamenti. Немного бледна, но в остальном вполне обычна, словно днём раньше ничего и не произошло, она кивнула дочери в знак приветствия и встала рядом. Эрри улыбнулась и ответила таким же скупым кивком. И едва огромные кованые ворота распахнулись, обе женщины, в соответствии с приличиями, склонили головы перед венценосными особами.

Эрвианна наблюдала из-под опущенных ресниц, как въезжает во двор король и ведут под уздцы коня принца. Овил верхом на огромном жеребце казался совсем крошечным, в глазах его читался испуг, но спину принц держал прямо, как и подобало наследнику. Странна судьба и воля Великих... У Вистера и Ивсталии было трое старших сыновей. И все они заплатили жизнью за восстание отца. Двое старших полегли в боях, а младший закончил жизнь в застенках, не выдержав пыток палача, когда попал в плен к Федерику. Остался только маленький Овил, на плечи которого легли ответственность и долг, что не каждому взрослому под силу вынести. Эрри было даже жаль его. Хоть в жилах принца и текла кровь того, кого она ненавидела всем сердцем, но разве виновны дети в поступках родителей?

Следующей во двор въехала карета, запряжённая четвёркой тонконогих хостийских скакунов. Эрри прежде не видела столь красивых животных, хотя слышала о них достаточно, чтобы заочно полюбить. Чёрные, с синим отливом, они не были могучи, как боевые жеребцы. Но сама стать их уже говорила о том, что скакунов быстрее них нет на всём свете.

Сама карета была выполнена из тасверского дерева и украшена причудливым плетением серебряной сетки.

После потянулась знать, удостоенная чести встречать будущую королеву. Кареты с фрейлинами принцессы, сопровождавшими её из Хостии. Среди ангвирийцев, встречавших невесту принца, был герцог Харимэ, с которым так и не удалось перекинуться и парой слов. И... Исгар Кильн.

Почти такой, каким Эрвианна его и помнила. Разве что чуть старше. Всё такие же короткие волосы цвета тёмного тасверского дерева. Всё такие же весёлые искры плясали в карих глазах, обрамлённых длинными пушистыми ресницами. Всё та же улыбка и ямочки на щеках. И дерзкая, ленивая, тягучая расслабленность в

движениях. Неудивительно, что ему ставили в вину не одно разбитое женское сердце. Эрри и себя поймала на том, что невольно им залюбовалась. И тут же сама себя одёрнула.

Она хорошо помнила, что именно предательство герцога Кильн и его сыновей сыграло решающую роль в битве под Валье. Никто не знает наверняка, как случилось, что в последние минуты перед боем отряды из Кильнии переметнулись на сторону Вистера. Отец Эрвианны всегда говорил, что род Кильн один из самых верных династии Халедингов... Но случилось как случилось. Увы, предательство не новость в дворцовых играх. И удивляться тут совершенно нечему.

Карета принцессы хостийской остановилась у самых ступеней. Король спешил, а принца Овила ссадили с коня, чтобы он смог ввести свою невесту в дом согласно обычаю. Слуги открыли дверцу кареты и подставили ступени. Маленький Овил стоял, заложив руки за спину, когда тонкая ножка ступила на подставку. А едва Колливэ выглянула из кареты, протянул ей руку, как и положено жениху. Колливэ улыбнулась и вложила свои пальцы в его маленькую ладошку.

— Рад приветствовать вас на землях Ангвирии, моя дорогая невеста, — раздался тонкий детский голос Овила, и Колливэ улыбнулась ещё шире.

— Надеюсь, что моё пребывание здесь всем нам принесёт радость, — ответила она.

Эрри же не могла отвести глаз от хостийской принцессы. Она казалась маленькой и хрупкой, как ребёнок, хотя ей уже почти сравнялось двадцать. Кожа её была гораздо темнее, чем у арнгвирийцев, а глаза абсолютно чёрные. Она была красива той необычной красотой, что присуща только хостийкам. Тонкие черты, чуть раскосые глаза, чёрные, как смола, волосы... Жаль было губить молодость принцессы в ожидании дня, когда Овил сможет исполнить свой долг супруга. Но... ни один человек благородной крови не властен над своей судьбой. Даже если эта кровь — королевская.

Как и думала Эрвианна, принцесса Колливэ была скромна в одеждах, выполненных на хостийский манер. Небесно-синего шёлка платье с неглубоким целомудренным вырезом и длинным рукавом, низ из широких, не сшитых между собой полосок ткани скрывал тонкие шаровары. Голову покрывал кружевной платок, схваченный тонким серебряным венцом с круглым чёрным, как и её глаза, камнем над

бровями.

Держа за руку своего будущего мужа, принцесса ступала легко и грациозно — подбородок высоко поднят, а плечи расправлены, и ни волнения, присущего женщинам, что входят в дом жениха, ни робости. Даже если ей и было страшно, никто этого не заметил.

— А она хороша, — восхищённо прошептала Валения, глядя, как принцесса поднимается по ступеням вслед за будущим свёкром.

Эрвианна только согласно кивнула, всё так же глядя на будущую правительницу Арнгвирии.

Из кареты показались две девушки примерно того же возраста, что и Колливэ, и поспешили за своей госпожой, держась на расстоянии трёх шагов.

Эрвианне показалось, что, проходя мимо неё, хостийская принцесса чуть замедлила шаг. И Эрри едва сдержалась, чтобы не поднять на неё глаза, кожей чувствуя взгляд её темных глаз, от которого по телу пробегали горячие змеи тревоги. Всего несколько мгновений. И вот Колливэ снова поднимается навстречу королеве Арнгвирии.

Ивсталия встретила будущую невестку так, как если бы это был любой из прибывших ко двору подданных. С надменной улыбкой и холодным цепким взглядом. Сказала приличествующие слова приветствия, и на этом всё. Но и столь холодная встреча не пошатнула равновесия Колливэ. И улыбка её не дрогнула, не превратилась в натянутую маску.

— Либо она не понимает, что ей предстоит... — прошептала едва слышно герцогиня Саменти.

— Либо она действительно уверена в своей силе, — добавила так же тихо Эрвианна, на время даже позабыв, что вообще-то злится на мать.

Как только особы королевских кровей скрылись в замке, придворные тут же расслабились, словно обмякли. Потянулись нестройной шеренгой под защиту дворцовых стен. Некоторые отправились в сад, к журчащим фонтанам. Кто-то тут же принялся шёпотом обсуждать хостиек и их наряды. Валения исчезла, как и появилась, оставив Эрри одну. В который раз. И герцогиня Байе едва не поморщилась, когда заметила, что к ней направляется её дражайший супруг.

— Сиятельная Эрвианна де Байе? — отвлэк её от раздумий

мужской голос. — Или Великие послали мне видение, на которое я не смог бы и надеяться?

Эрри узнала этот голос. Натянута улыбнулась.

— Почему же, я отнюдь не видение, а всего лишь женщина из плоти и крови... — развела руками Эрвианна, словно предлагая самому убедиться в её словах.

— Что меня несказанно радует, — улыбнулся Кильн. — Прискорбно было бы узнать, что моё сознание сыграло со мной столь злую шутку. Печальна участь блаженных...

— Паяц! — усмехнулась Эрри, не в силах противиться его обаянию.

— Как можно, ваше сиятельство? Не согласишься ли составить мне компанию в прогулке по саду?

Эрри бросила взгляд на перекошенное от злости лицо мужа и согласно кивнула, кладя руку на подставленный локоть Исгара де Кильна.

— Почему бы и нет? — улыбнулась она уже теплее. И шёпотом добавила: — Ты просто обязан рассказать мне последние новости. За два года я совершенно отстала от придворной жизни.

— О! Поверь, ты пропустила не так много, как может показаться.

Но на деле ей было плевать на придворные сплетни. Хотелось узнать, как он жил всё это время. Как удалось подняться до советника короля.

А ещё на языке вертелись вопросы, которые она так, наверное, и не решится задать Исгару. Например, как так случилось, что род Кильн запятнал себя предательством? Как погиб её отец? Как... Нет! Она не решится задать эти вопросы. Точно не сейчас. Может, потом...

Сад — единственное, что претерпело изменения в королевском дворце. И не в лучшую, нужно сказать, сторону.

Эрри с сожалением смотрела на чахнувшие деревья и кустарники. На истончившуюся до остроты иглы траву и обречённо сникшие венчики цветов.

— Я помню его другим, — грустно сказала она, окидывая взглядом умирающий сад.

Исгар пожал плечами. Вблизи он казался ещё старше. Даже показались морщины в уголках глаз. Герцогиня постаралась вспомнить, сколько ему лет. Двадцать восемь? Или двадцать девять? Но решила,



что это не столь уж и важно.

— Говорят, что это из-за того, что Бескрайние пески расползаются по Арнгвирии, — сказал он, задумчиво разглядывая покрученную листву на свесившейся над головой ветке.

— Но ты считаешь иначе?

— Я не задумывался над этим.

— Ну конечно, на это у тебя просто не хватает времени. Юбки придворных дам и вино — занятия, требующие полной сосредоточенности и внимания, — фыркнула Эрвианна, намереваясь задеть его.

— Всё порой не то, чем кажется.

— А порой кристально ясно.

Он внимательно посмотрел на Эрри и тут же отвел взгляд.

— Ты изменилась. Я помню робкое нежное создание с огромными глазами и поразительной способностью удивляться совершенно обыденным вещам, — сказал де Кильн, и Эрвианне послышалась грусть в его словах. — Создание, лёгкими прикосновениями тонких пальчиков к струнам уфии рождавшее удивительные по красоте мелодии... полные надежды и веры в счастливое завтра. Помню звонкий смех и глаза, полные радости...

— Жизнь это исправила. И не стоит жалеть. Есть вещи, которые не заслуживают этого. Все мы взрослеем. Рано или поздно.

Исгар поморщился.

— А жаль. Та Эрри мне нравилась больше. Я бы многое отдал, чтобы ты так и осталась ребёнком. Восхитительно невинным.

— У той Эрри было чему радоваться. Но хватит об этом. Как случилось, что такой повеса стал приближённым короля? Даже не думала, что ты способен мыслить о чём-то столь далёком от своих увлечений.

— Ой, Эрри! Ты просто невозможна. Тебе ли не знать, что мы совсем не те, кем кажемся.

Эрвианна поморщилась.

— Ты прав. И всё же?

— После битвы под Валье... — начал он и запнулся. Но Эрри не вздрогнула, не выказала ни одним движением или взглядом, что её тронули эти слова. Потому Исгар продолжил, — я, как и многие, удостоился чести склонить голову перед новым королем. Учитывая

заслуги отца и брата...

Эрри шумно выдохнула и пальцы её сами сжались, впиваясь ногтями в руку де Кильна.

— Впрочем, не столь важно, — сказал Исгар, чуть поморщившись, и накрыл ладонью пальцы Эрри, заставляя их немного разжаться. — Его величество увидел во мне то, чего не видели другие.

— И что же это?

— Потенциал, дорогая Эрвианна.

Эрри прыснула и, не сдержавшись, звонко рассмеялась.

— Вот. Делаешь успехи. Ещё немного и снова станешь прежней весёлой птичкой.

— Это вряд ли.

— Как супружеская жизнь? Как Дэнни?

По лицу Эрвианны прошла судорога, которую она так и не научилась скрывать.

— Вижу, что неплохо. Можешь не рассказывать, — зло сказал Исгар.

Злость в его голосе поставила герцогиню Байе в некоторое замешательство. И она даже не нашлась, что ответить.

— Ну а ты? Я не слышала даже о помолвке, а уж тем более о свадьбе. Разве не нашлось подходящей партии для столь завидного жениха?

— Даже король понимает, что из меня получится не самый лучший муж. К тому же может статься, что моё сердце давно занято, — склонился он к самому уху Эрвианны и коснувшись его горячим дыханием.

И по коже Эрри побежали мурашки. Неожиданно. Обескураживающе.

— Ну да! И не единожды, — снова фыркнула Эрри, отстранившись. — Но в чём-то его величество прав. Было бы жестоко лишать надежды тех, кто сейчас испепеляет меня взглядом, — указала она глазами на девушек, застывших у фонтана.

Среди них была и Зервина де Смиле. И даже Тальвия де Рив. Казалось, скрип зубов придворных леди был громче ворчания песка, растираемого подошвами о наполированные камни дорожек.

— Ты хочешь заставить кого-то из них ревновать? — чуть не коснувшись губами его шеи, шёпотом спросила Эрри.

Герцог шумно выдохнул. Но тут же снова улыбнулся своей неотразимой улыбкой.

— А ты, Эрри? Только не говори, будто не видела, что Тевор направлялся прямо к тебе. Думаю, он зол, как раненая ворь.

— Да? Видят Великие, даже не обратила внимания, — неискренне удивилась она, широко улыбнувшись, почти как в старые добрые времена, когда они были друзьями и шутили и дурачились в садах Байе или виноградниках Кильнии. Когда был жив Роневан. — Думаю, его это не очень-то и огорчит. Скорее даже — наоборот. Хотя... Может и разгневать.

Лицо герцога словно окаменело. А на шее запульсировала вена.

— Ты о чём?

— Совершенно ни о чём, — наигранно весело ответила Эрвианна. — Но скажу, что и не ожидала, что кого-либо озаботит судьба дочери и жены тех, кто остался верен клятве Федерику. Это весьма невыгодное положение. Особенно если ты всего лишь слабая женщина, — и, словно спохватившись, добавила: — Мне всё же следует вернуться к мужу, если не хочу вызвать его гнев. Семейная жизнь накладывает некоторые обязательства. И не стоит ими пренебрегать. Даже если они не совсем по душе.

Она кивнула озадаченно застывшему Исгару и поспешила по мощённой светлым камнем дорожке назад ко дворцу.

В душе её бушевала буря. А в ушах гремел гром сухой грозы. Да. Никто не смог бы ничего сделать. Но ведь никто и не пытался. Даже высшая знать не выказала своего возмущения неравным браком вслух. Все предпочли не заедаться с новым непредсказуемым королем. Все сделали вид, что ничего не произошло. Что представительницу древнего рода не унизили, отдав замуж за того, кто её не достоин. И уж тем более никто не озаботился узнать, чем для неё это обернулось. Никто не пожелал услышать о судьбе её сына. Слишком зыбкой была почва под их ногами. Слишком неустойчиво положение. И слишком дорога собственная жизнь.

Эрри остановилась и сделала несколько глубоких вдохов, стараясь унять колотившееся у горла сердце и раздирающую на куски злость.

Тихо заиграла флейта.

«Поговори со мной наедине...» — выводила она мелодией сарвы.

И в глазах Эрри зажёгся нехороший огонь.

## ГЛАВА ПЯТАЯ

Розовые разводы лучей заходящего солнца ложились неровными мазками на маленькую часовню в тени королевского сада. Касались мощеных дорожек и витражных окон. Проникали в распахнутые двери. Разбредались по безликим статуям Великих, отражаясь от их золотых масок, цеплялись за витые серебряные подсвечники солнечными котятками.

Часовня эта была стара, как сам королевский дворец. А может и его старше. Поговаривали, что некогда здесь собирался совет самых сильных магов Арнгвирии. Здесь решались судьбы людей и целых королевств.

Во времена правления первого короля из династии Халедингов, место встречи магов перенесли, а при потомке его Федерике Втором запретили саму магию. Остался только Орден Многоликих. Да и тот превратился скорее в легенду, о правдивости которой спорили часами.

Никто не помнит, как выглядело здание, в котором собирались те, кому дарована была Сила. Потому как, на месте его уже много веков стояла приземистая невзрачная серая часовня. И только витражные окна и золотые маски Великих, напоминали о том, что здесь пристанище беспокойных душ. Тех, кто просит прощения и милости за то, что сам себе простить не способен. Даже у самых жестоких богов проще вымолить милость, чем у своей совести. И пэйре твердят, что не потерял тот, кто придет к Великим.

Но не многие посещали Великих в этой их обители. Знать считала часовню слишком убогой. А слуги боялись связанных с этим местом рассказов, предпочитая ей городские часовни и храмы. И все же в ней не царил дух запустения. Ни один камень не дал трещин, ни один подсвечник не свалился с подставки перед безликими статуями, не разбилось ни одно, хрупкое по своей природе, витражное окно.

Эрвианна де Байе стояла в центре часовни, с низким полотком над головой и отлитым из золота солнцем под ногами, и оглядывалась по сторонам. Вглядывалась в маски на статуях. В потолок. В золотые лучи, расползающиеся по серому каменному полу.

Она сама не знала, что жаждет увидеть. Что должна увидеть,

заметить. Хоть одна подсказка. Хоть намек...

— Ох, папа, вечно ты со своими загадками... — раздраженно процедила она сквозь зубы.

Но несколько успокоившись, закрыла глаза, и мысленно повторила то, что написал ей отец.

«Поговори со мной наедине.

В лучах заката и тенях безличья.

Станцуй со мной на тонком острие.

Склони колени перед истинным величием...»

В том, что это именно то место она не сомневалась. Часовня в королевском саду была единственной в столице, а может и всей стране, двери которой выходили не на восток, а на запад.

Подобная странность была связана с тем, что изначально это место часовней и не было. Но на такую мелочь, как вход, предпочли закрыть глаза.

— «...Станцуй со мной на тонком острие...» — прошептала Эрвианна одними губами, и взгляд ее зацепился за солнце под ногами. — Ну конечно... Ну, папочка!

Лучи были разными, одни шире и длиннее, другие короткие. Эрри выбрала самый тонкий и закрыла глаза, воскрешая в памяти шаги сарвы. И глубоко вдохнув, собравшись с силами, двинулась от центра по лучу. Три шага по тонкому, один вправо, на самый широкий. Шаг назад. Шаг влево. В груди Эрри нарастало пение уфии. Тревожное и кипящее кровь. Оно выводило мелодию сарвы, и губы герцогини сами собой растягивались в улыбке. В глазах разгорался огонь азарта. А пальцы подрагивали от страха. И все же она продолжала мурлыкать сарву себе под нос и переступать делать шаги, давно забытые, но все так же любимые.

Еще шаг вправо и Эрри остановилась перед одной из безликих статуй.

«...Склони колени...» — пронеслось в голове, и она опустилась на холодный камень.

«Enim magnitudo dare sanguinem!»

«За величие отдай кровь!» — гласила надпись, вырезанная в камне под ногами. И заканчивалась неглубокой выемкой, точкой под восклицательным знаком.

Эрри медленно вытащила одну из длинных острых шпилек из

волос. Светлая непослушная прядь тут же упала на лицо, и она раздраженно заправила ее за ухо. Ей едва удавалось сдерживать дрожь, когда острое шпильки впилося в указательный палец, и тяжелая капля крови упала точно в выемку.

Несколько мгновений, которые Эрвианна даже не дышала, ничего не происходило. Настолько долгих мгновений, что она успела подумать о том, что сделала глупость, решив подтвердить свою догадку. И тронулась точно, как и мать. Разочарованно вздохнула и слизнула еще одну каплю крови, с и без того покалеченной руки. И уже собиралась плюнуть на все и вернуться в свои покои во дворце. Когда услышала резкий щелчок и статуя Великого в золотой маске сделала шаг вперед, открывая черный зев прохода.

— Шарам бы тебя побрал, папа! — ругнулась Эрвианна себе под нос, шикнув на, чуть не выскочившее от страха из груди, сердце.

Но привычно сделав несколько глубоких вдохов, шагнула вперед. Статуя тут же встала на место, а по стенам зажглись факелы, сами собой, освещая крутую лестницу вниз.

Эрвианна сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Но тут же расслабилась. Не ради этого ли она и пришла?

Шаг за шагом она спускалась навстречу неизвестности, что вздрагивала внизу лестницы ярким светом. Пальцы раненой руки скользили по шершавому камню стен узкого коридора с низким потолком, похожим на лаз огромного червя. В животе завязывался шелестящий клубок страха, сжимал внутренности до тошноты и подступал к горлу. Эрри то и дело слизывала, выступившую на прикушенной губе соль с привкусом метала. Заставляла себя дышать глубже, подавляя приступ паники, что настигал ее каждый раз в тесных помещениях. Разгоняла ладонью мелкие мурашки, ползущие по всему телу, от щиколоток до самой макушки. Но все же дела шаг за шагом, силясь понять, что хотел ей сказать отец. Что скрывал, даже от матери? Чего не мог написать в письме, имея доступ и разрешение покойного короля на использование магии? И боялась. Боялась, что каждый шаг, что она сейчас делала, словно пила черкающая по дереву, отрезал путь назад. Боялась того, что ждало ее впереди.

Последняя ступень и перед Эрри открылась ярко освещенная библиотека.

Множество книг на высоких стеллажах. Стол, забросанный

бумагами. Пара кресел и ниша с крепкими напитками. Вешалка с единственным серым плащом на ней. Огромное зеркало в человеческий рост, с рамой исписанной непонятными письменами и россыпью камней оки. Отдельный стеллаж с песками и зельями, о существовании которых Эрвианна де Байе даже не подозревала. Здесь пахло книгами и пылью. Она неуверенно переходила от одного стеллажа к другому, проводила пальцами по корешкам, вчитывалась в названия. Некоторые были просто по истории, но большинство... Большинство книг хранили в себе тайны магии, и само пребывание в этом месте, могло стоить жизни Эрри. Но почему-то это ее не пугало. Была какая-то детская уверенность в том, что здесь она смогла бы пересидеть даже падение мира. И никто кроме нее не войдет сюда. Страж в золотой маске не позволит этого. Или может она просто хотела, чтобы так было? Хотела, чтобы было хоть одно место на свете, где она бы чувствовала себя в безопасности.

Эрри медленно провела пальцами по стеклянным пузырькам разных цветов и форм, с надписями на незнакомом языке и улыбнулась. Пески времени и те, что использовали для тайной переписки, она узнала и так. Красный песок, был, кажется, для одурманивания, а белый — внушение страха. Больше того, ужаса безотчетного и всепоглощающего.

И только у стола нерешительно остановилась. Закусила и без того искусанную губу. Не позволила слезам навернуться на глаза.

Все, что она видела, было написано рукой отца. Его чуть нервный, но ровный и уверенный подчёрк, совсем не присущий тому человеку, которого помнила Эрвианна. Невысокий, щуплый, вечно прятывший глаза за толстыми стеклами круглых очков. Хоть Эрри прекрасно знала, что у отца никогда не было проблем со зрением. С неизменной улыбкой на лице, из-за которой лицо покрывалось мелкими морщинами. Он не был красив, но умел располагать к себе. Именно благодаря этой доброй участливой улыбке. Некогда Эрри даже жалела, что не похожа на него ни капли. Что ее черты достались исключительно от матери.

Неверное, дети не должны выбирать любимого родителя, но Эрвианна не умела и не хотела себе врать. Отца она действительно любила. Всей душой.

Эрри опустилась в кресло и подняла первый, попавший на глаза лист, исписанный его рукой. И тут же отложила, закрыла глаза, откинувшись на мягкую спинку.

— Что ты хотел мне сказать, отец? — спросила она тишину и пыль,

что царили в, давно не видевшей людей, библиотеке.

Она поднялась и прошла к нише с напитками, среди которых не было вина, зато было несколько разновидностей талливийского виски. Эрри выбрала один из стаканов, и дунула в него, чтобы избавиться от пыли. Поморщилась, проследив за тем, как она поднимается в воздух, и поставила стакан на место. Подхватила бутылку, откупорив ее зубами и выплюнув пробку, как пьяница в захудалой таверне. И тут же сделала несколько больших глотков, приложившись к горлышку. Закашлялась. Стерла слезы, выступившие на глазах.

— Ох, что же за дрянь ты пил, папа? — снова сказала она тишине и шмыгнувшей между стеллажами крысе.

Но ставить на место бутылку и не подумала, снова устроившись в кресле и взяв другую бумагу. После еще одну. И еще. И так несколько раз, пока не наткнулась на запечатанный герцогской печатью конверт.

«Моей маленькой Эрри!» — гласила надпись на нем.

Казалось бы, вот оно — то, ради чего Эрвианна пришла в это место. И все же, чтобы сломать печать Эрри снова отпила храбрости из бутылки с забористым виски.

«Мне безгранично жаль, моя дорогая Эрри, что не удалось уберечь тебя от жестокости этого мира, свидетельством чего является то, что ты сейчас читаешь эти строки...» — говорило, голосом отца и его же ровным, чуть нервным подчерком, письмо.

«Видят Великие, меня может оправдать только то, что я действительно старался это сделать. Именно потому, ты впервые в этих стенах, а меня, скорее всего уже нет среди живых. И я тешу себя надеждой, что жизнь твоя после моей смерти не настолько ужасна, как мне представлялось. А Валения отдала то послание только ради того, чтобы мы смогли еще раз встретиться с тобой, моя дорогая. Пусть даже вот так.

Но если мои самые ужасные подозрения оправдались... И Вистер уже занял трон...

Эрри, никто не станет перечить королю. Никто не скажет и слова, чтобы смягчить твою судьбу. Даже твоя мать. Валения, не станет рисковать, чтобы не вызвать монарший гнев. Ты будешь предоставлена самой себе. Скорее всего, Роневана казнят. Он слишком упрям и благороден, чтобы сменить сторону, даже проиграв войну. Честь и долг для него весят больше, чем даже жизнь. Глуп. Но именно эта глупость и



безграничная преданность меня в нем всегда восхищала.

Уверен, тебя отдадут замуж за какого-нибудь ублюдка. И единственное, на что я могу уповать, это на то, что твоя красота и чистота, найдут отклик в самом черством сердце...»

Эрри хмыкнула. Затуманенное талливийским виски сознание позволяло выплакать свою боль и тоску. Но она не плакала. Словно сухой ветер бескрайних песков закручивал смерчи в душе. Но это не мешало топить их в бутылке. Что она и сделала, прежде, чем вернуться к чтению.

«Но помни Эрри, если никто не решился выступить в твою защиту, это еще не значит, что ты осталась одна. В этой библиотеке ты сможешь найти все, что тебе потребуется. Или спрятать то, что не предназначено для чужих глаз. Это место принадлежит только тебе, моя девочка. Все здесь пропитано магией, которая сохранит все твои секреты и спрячет тебя саму, если придется. Ты можешь спрятаться здесь, Эрри. А можешь отвоевать свою жизнь и права. Но хочешь ли ты этого — решай сама.

Какое бы решение ты не приняла, и что бы ты не решила, что бы ни узнала потом... знай, я люблю тебя, моя маленькая сиятельная Эрвианна. Люблю настолько, что не жалею абсолютно ни о чем, что сделал. И уж тем более о том, что собираюсь сделать. Думаю, ты меня поймешь, как это было всегда.

Береги сына. Он ценнейшее, что осталось у всех нас.

Вверяю вас в руки Великих и уповаю на их милосердие в отношении тебя и Дэнни.

С любовью, твой отец. Бремор де Саменти»

Эрвианна отложила лист и расправила его ладонями. После снова перечитала его с самой первой буквы, до последней точки. Даже, невзирая на то, что от выпитого, буквы разбежались испуганными тараканами и расплывались на бегу. После резко выдохнула и перевела взгляд на серый плащ, одиноко висящий на вешалке. Ничем не примечательный. Такой плащ могла бы надеть прислуга или леди, сбжавшая от мужа на свидание к любовнику. Да кто угодно. Просто кусок тряпки, без вышивки или особых отличий.

Качаясь и спотыкаясь, как королевский флагман в шторм, Эрвианна подошла к нему и провела рукой, по холодной гладкой ткани. И сразу же отвернулась.

— Ох, папа, как же я по тебе скучаю. Как мне тебя не хватает. Тебя,

Роневана, Дэнни... — всхлипнула тихо сиятельная герцогиня де Байе и, так же качаясь и придерживая грозящие обрушиться на нее стены и стеллажи рукой, направилась к выходу. — Я вернусь, — пообещала она гаснувшим за спиной факелам, оказавшись на самом верху узкого лаза, когда страж снова сделал шаг вперед, в этот раз, выпуская ее из тайны ее отца. А теперь и ее тайны.

Ночная прохлада не пахла, как ей бы полагалось, свежестью и запахами рогделии. Скорее холодом. И едва уловимой вонью столицы. Днем она не ощущалась столь резко. Но ночь...

Сухой, как и все теперь в Ангвирии, холод ночи несколько отрезвил Эрвианну. Но не настолько, чтобы она решилась вернуться. Она присела на скамейку, сделала несколько глубоких вдохов, прогоняя туман талливийского виски. И только когда мир перестал качаться, продолжила свой путь.

Но стоило ей подняться, как земля снова качнулась, намереваясь все же сбить ее с ног, и совершенно неожиданно ее подхватила под локоть сильная рука:

— Осторожней. Даже не думал, что королевский сад столь коварен, по отношению к прекрасным женщинам.

Эрвианна вздрогнула и обмерла.

«Это конец!» — пронеслось в голове ураганом, выветрившим весь хмель.

Но уже спустя несколько мгновений, Эрри выпрямилась и, обернувшись, даже смогла улыбнуться.

— Вы меня преследуете, граф Атори? — спросила она, глядя в казавшиеся черными в свете единственного масляного фонаря глаза. — Мой супруг не оценит вашего слишком навязчивого внимания. Он ревнив, даже если вам могло показаться иначе.

— Даже не сомневаюсь, ваше сиятельство, — усмехнулся граф. — Таковую женщину просто невозможно не ревновать. Любой мужчина будет чувствовать себя неказистым и недостойным вас.

— Сегодня явно лесь витает в воздухе, — рассмеялась герцогиня, подавив страх и молясь Великим, чтобы Роберт сен Атори его заметил.

— О! Сиятельная герцогиня Байе, открою вам тайну — если несколько человек к ряду вам льстят, то либо вам прочат большой взлёт, либо просто говорят правду. И все же, прошу прощения за бестактность, но что вы здесь делали в столь поздний час?

Скорее ранний. Уже начинало сереть. Эрвианна сжала кулаки но это все что выдало ужас, сковывающий горло. Сказать правду так, чтобы она оказалась ложью?

— Проветривала голову. Или это теперь противозаконно? Я напилась, если уж быть предельно с вами откровенной. И мне стало дурно.

Лицо Роберта дрогнуло, но что он так старательно скрывал: брезгливость, гнев или жалость — понять было сложно. Возможно все сразу? И Эрри неизвестно почему спросила:

— Пьяная женщина — жалкое зрелище, не так ли?

— От части, — предельно честно ответил он. — Но мне кажется, подобное состояние человека определяет другое слово — «отвратное».

— Как вам будет угодно, — чуть расслабившись, пожала плечами Эрри. — Женщины и правда отличаются в дурных привычках от мужчин. Если мужчины ищут в бутылке храбрость и веселье, то женщина — лекарство от душевных ран.

— О! Тогда женщины не большого ума. Подобное лекарство убивает быстрее, чем может вылечить. И вообще, есть множество более приятных и действенных лекарств. Любовь, дружба, охота... вышивание, в конце концов.

— Вышивание? — рассмеялась Эрвианна. — Почему именно вышивание?

— А почему бы и нет?! Все же лучше, чем бродить по ночам, спотыкаясь о порывы ветра.

Эрри поморщилась, но тут же перевела дыхание и улыбнулась:

— Доброй... пока еще ночи, граф! Мне не стоит задерживаться. Дворец — это место, где везде есть глаза и уши.

И получив в ответ осторожный кивок и спокойную улыбку, направилась к своим покоям.

Никто больше не встретился Эрри. Никто не провожал ее взглядом, уже придумывая очередную сплетню. И это не могло не радовать ее.

Уже войдя в свои покои, Эрвианна де Байе перевела дыхание и чуть заметно улыбнулась самой себе, сбрасывая туфли на высоком каблуке.

В гостиной царил полумрак и тишина. Настораживающая, тягучая.

— Оси! — позвала Эрвианна служанку.

— Ее здесь нет! — ответила тень, выходящая из спальни, голосом

Тевора сен Фольи. — А мне интересно, где была ты, дорогая жена?

Эрри не смогла сдержать дрожь, что встряхнула ее тело, при виде того, как ее муж, с искаженным яростью лицом, надвигался на нее, подобно исчадью Преисподней. Не смогла скрыть ужас в глазах. И только голос остался ей верен, мгновенно став таким, каким его привык слышать супруг — холодным и бездушным, словно она была тем мраморным стражем, что охранял вход в библиотеку отца.

— Дышала свежим воздухом, — ответила Эрвианна, пытаясь обойти мужа.

Но ей этого не удалось. Словно стальной обруч сжал ее горло и с силой впечатал всем телом в стену. Она знала, что последует за тем. И оставалось только уповать на верность его постельной грелки, что должна подливать зелье ему в вино.

На миг, она зажмурилась, ожидая удара.

— С ним? Ты пятнала мою честь с Исгаром?

От удивления Эрри распахнула глаза. Казалось, она ослышалась. Но ярость в глазах мужа не давала усомниться в том, что он и правда сказал то, что сказал.

То ли нервные потрясения этого дня, то ли виски, а может и то и другое поднялись из груди Эрри истеричным хриплым смехом, обескуражив мужа так, что он даже отпустил ее горло от неожиданности.

— О какой чести ты можешь говорить? — спросила она, не сдерживая смеха. — Ты — тот, кто не гнушается поднимать руку на женщину и шантажировать ее жизнью ребенка. Ты — тот, кому само понятие чести не ведомо. Как и любви или сострадания. Ты — жалкое подобие мужчины...

Она запнулась, видя, как Тевор замахнулся для удара, но не сжалась, как это бывало прежде. Не закрыла глаза.

Нет! Она, сама удивляясь своему безумию, ухмыльнулась ему в лицо. Блеснула ровными белыми зубами.

— Давай, Тэв, — зло сказала она. — Дай мне возможность показать всем, каков мой муж на самом деле. Давай покажем всем, что себе позволяет низшая знать по отношению к высшей. Давай... И я с радостью посмотрю на то, как ты будешь расплачиваться за это. Поверь, ничто не доставит мне больше удовольствия, чем смотреть на то, как тебя до смерти забьет плетью палач короля, на защиту которого ты так

надеешься. Или ты думаешь, что тебе сойдет с рук и это? Королевский дворец не замок Байе.

Она смотрела, как гнев в его глазах сменяет холодная ненависть. Как уходят краски с лица, а на скулах перекатываются желваки. Она смотрела и ликовала. Впервые за два года.

— Ты забываешь, что мы здесь не навечно, Эрвианна. Но я не забуду этот вечер, — сказал Тевор. — Я напомню тебе о нем, когда вернемся в Байе.

Но только когда дверь за мужем закрылась, Эрри бессильно опустилась на пол. Дыхание вырывалось со свистом из горла, словно его еще сжимала рука сен Фольи. Но первая выигранная битва дала больше, чем она могла бы ожидать. Она дала надежду.

— Слизняк. Еще не факт, что ты туда вернешься, Тэв. — сказала она тихо. И тут же выкрикнула — Нэнси!

Тучная служанка выглянула из купальни, явно спрятавшись там по велению муженька.

Эрри улыбнулась и протянула к ней руку.

— Милая Нэнси, я пьяна, устала и впервые за последние два года, довольна собой.

Нэнси хмыкнула и помогла встать своей госпоже.

— И я горжусь тобой, — сказала она, помогая Эрвианне добраться до купальни. — И завтра советую подумать, как избежать мести мужа.

— Он меня не тронет...

— Пока, Эрри. Пока не тронет. Но в чем-то он прав, вы вернетесь в Байе. А значит, нужно сделать все, чтобы ОН туда не вернулся.

Серая тень скользила по темным улицам Авена, столицы Арнгвирии. Миновала мост через коварную Тезву. А еще грязную и вонючую. Полы серого плаща поднимал сухой холодный ветер. Но, даже вздергивая их не смог узнать о ней абсолютно ничего. Она могла быть кем угодно. И в то же время никем.

Только острый подбородок выглядывал из-под широкого капюшона. И больше ничего. Сколько бы ветер не старался заглянуть под него, сорвать с безумной головы той, что осмелилась пройти по опасным улицам Авена, когда на них опустилась темнота, ему это не удалось.

Она подобно кошке шмыгнула в узкий проулок, кишаций крысами и нищими. Скользнула мимо ярких окон гремящего криками и смехом

дорогого борделя.

Два не совсем трезвых мужика заступили ей дорогу. От них за версту несло перегаром, мочой и немытым телом. И единственное, чем они отличались ростом и телосложением: один — высокий и крепкий, второй — низенький и щуплый. А так...

Оборванные, грязные, вонючие и заросшие. Мрачное зрелище.

— Тей, посмотри-ка, какая птичка сегодня залетела к нам! — воскликнул тот, который поменьше, и второй громко расхохотался. — Не иначе наш вечер будет сегодня, кому скрасить.

— Видимо да, — гаркнул второй и ринулся ощупать улов.

Она молчала. Не двигалась. Казалось, все это не имело к ней никакого отношения и сухой лист, шуршащий о грязную столичную брусчатку, волновал ее больше, чем двое совершенно недружелюбного вида бродяг.

Но стоило им приблизиться достаточно, как взметнулись полы плаща, и на мужиков осела ярко алая сверкающая пыльца. Песок.

Она не стала наблюдать за тем, как они с криками и корчами упали на землю, раздирая кожу грязными ногтями. Как бьются в предсмертной агонии...

Спокойно, как ни в чем не бывало, отправилась дальше.

Перебежала через городской парк, спрятавший по кустам влюбленные парочки. И миновала площадь для казней. И только у ворот главного храма Великих остановилась. Прошла вдоль кирпичных стен, отыскивая маленькую калитку для слуг. Чуть скovyрнула щеколду, что закрывала ее с той стороны. И перебежала через сад, по мощеным черным камнем дорожкам к задней двери, что вела на кухню. Быстро миновала спящих слуг. И взбежала по ступеням к покоем Верховного пэyre — единственным жилым комнатам, в этой стороне Храма. Что было на руку той, что пряталась под плащом.

Визелий спал. Его громкий свистящий храп сотрясал стены и окна покоев.

Девушка прошла по комнате.

Не вооруженным взглядом было видно выгоды, что дались Храму за столь «малозначительный» жест, как возложение королевского венца на голову узурпатора.

Не пристало служителю Великих жить в подобной роскоши. Но не затем она пришла. Всему свое время.

— Визелий Авенийский, — позвала она, легко оборвав храп, мелодичным красивым голосом.

Как ни странно, пэйрэ тут же вскочил с кровати, сонно озираясь по сторонам. Ветер качнул длинное ночное одеяние на его тощем теле.

— Кто здесь? — хлопал он глазами в темноту.

— Твоя совесть, пэйрэ, — ступила она в лунный свет, что заглядывал в открытое окно. — Ты готов поговорить с совестью?

Даже в столь неверном освещении было видно, как побледнел Визелий. Как затряслась его губа. А в темных, как и у всех арнвирийцев, глазах мелькнул страх.

— Ты в храме Великих...

— И ты тоже, Визелий. Или забыл? Ты дал им клятву, хранить верность заветам их.

Кадык заходил на, похожей на индюшину, шее.

— Я не...

— Ты не предал своего короля? — тут же оборвала его серая тень. — Не предал династию? Не предал народ, ради денег? Чего тебе не хватало, пэйрэ? Золота? Зачем Великим столько золота? Или ты не хотел этого делать и тебя заставили? Чем ты оправдаешься перед богами? Как объяснишь им измену, которой запятнал себя?

— У меня не было другого выхода, — наконец нашелся пэйрэ.

— Или выход тебя не устраивал? Король не властен над Храмом. Не может угрожать жизни служителей Великих. Так что стало причиной того, что ты пожертвовал теплым местечком Дома вечного покоя и сменил его на огненные котлы Преисподней?

Визелий затрясся, как лист потревоженный ветром.

— Кто ты? — спросил он хрипло. — Зачем ты здесь? Отнять мою жизнь?

Девушка прошла по покоям, провела пальцами по тонкой резьбе шкатулки из тасверского дерева и откинула крышку, запуская руку в золото, что она хранила.

— Ты променял награду Великих на золото, — ответила она на свой же вопрос, абсолютно проигнорировав те, что задавал ей пэйрэ. — Великие не забудут этого, поверь. И знаешь, на кого обычно падает их гнев? — она выдержала паузу и сама ответила, в который раз: — На наших детей! Хотя, у служителей богов не может быть детей... потому тебе не стоит волноваться за миленькую пятнадцатилетнюю Хилву,

мать которой ты исповедовал в грехе прелюбодеяния шестнадцать лет тому. Она жена кузнеца, кажется? И исповедали вы ее вполне успешно, я так понимаю... раз у скопленного кузнеца родился ребенок.

— Откуда?

— Не важно, пэйре. Не привязывайтесь к земному. Оно быстротечно и не достойно вашего внимания. Как мне помнится, девица весьма хороша. А я могу помочь ей устроиться в жизни. У меня как раз есть на примете один богатый купец. Правда, у него долго не выдерживает ни одна женщина... своеобразные пристрастия в постельных утехах.

Она развернулась и сделала несколько шагов к двери, но дрожащим голосом пэйрэ была остановлена.

— Что ты хочешь?

Девушка не оборачивалась долго. Гораздо дольше, чем мог выдержать Визелий, оценив всю степень своего греха.

— Ну... — не выдержав, взвизгнул он.

— Покаяния и искупления, — ответила она, не оборачиваясь. — И верности династии.

— Не осталось ни одного Халединга, — возразил пэйрэ.

— Ты так уверен в этом? — мелькнула в темноте серая тень, оказавшись в шаге от него. — Или ты просто хочешь думать так? А может ты не слышал о том, что наследник династии Халединг жив? Или не хотел слышать? Своим предательством именно ты призвал на земли Арнгвирии засухи и наводнения. Именно ты виноват в том, что люди мрут с голоду. Как спишь ты с этим знанием, пэйрэ Визелий? Как можешь принимать пищу, зная, что стал виной смерти сотен детей?

— Что мне делать? — спросил Визелий упавшим голосом, и ему почудилось, что та, которая пряталась под капюшоном, улыбнулась.

- Делай то, что делал раньше, пэйрэ. Молись за здоровье королей Арнгвирии. Молись вместе с теми, кто ждет истинных правителей этих земель. Вместе с их народом.



## ГЛАВА ШЕСТАЯ

Занимался рассвет. Врывался в открытые окна спальни, приподнимая тонкий тюль, прогоняя из комнаты духоту и запах вожделения. Напоминал, что только ночь хранит тайну того, что здесь не так давно происходило. Боги спят по ночам. Не дремлют демоны, искушая человечество, поработая души.

Мужчина поднялся с широкого, гораздо шире, чем могло потребоваться двум людям, ложа со скомканными белыми простынями. Натянул штаны и прошёл к окну, прихватив по дороге трубку и коробочку с табаком. Устроился на прохладном подоконнике, следя за первыми лучами солнца, пробегающими по крышам домов за дворцовыми стенами. Медленно насыпал табак в трубку и спрессовал его.

У самого лица появилась длинная палочка с красноватым лепестком огня на кончике, и он благодарно улыбнулся, раскурил трубку и вдохнул горький ароматный дым.

— Прости, что разбудил, — сказал он, выдохнув серое облако в окно.

Женщина, не потрудившаяся спрятать свою наготу, тоже улыбнулась. Она была необычна. Не то чтобы очень красива... Темноволоса, как многие арнгвирийки, но глаза её зеленели, как молодая листва, черты были тонкими, тело — подтянутым, а кожа — смуглой с мягким перламутровым отливом.

Она склонилась к его уху и, чуть прикусив мочку, пробежалась по его обнажённой груди пальцами.

— Мне так редко удаётся увидеть, как ты уходишь утром, что я даже рада этому, — сказала она, чуть отстранившись.

— Прости, Зерви. Но ты сама знаешь, что так будет лучше.

Она склонила голову к плечу и лукаво улыбнулась.

— Кого ты обманываешь Исгар? Если меня — это обидно, а если себя — глупо.

— Совершенно тебя не понимаю, — улыбнулся Исгар, и на щеках его появились ямочки, что так нравились Зервине.

— Врёшь... Врёшь и даже не краснеешь, — улыбнулась она в ответ

и подняла с пола тонкий халат, спрятав под ним идеальное тело никогда не рожавшей женщины. — Но это твоё право. Демон совести всё равно приходит за нами. Он знает, кто мы на самом деле. Терзает нас, доводя до безумия, а мы глушим боль, как умеем. Ты — в вине и постели с женщинами, к которым равнодушен...

— А ты — радужной пылью... — не остался в долгу Исгар.

Чем ничуть не смутил герцогиню де Смиле.

— Как умеем, Ис. Как умеем, — сказала она, доставая из шкатулки с драгоценностями маленькую серебряную коробочку.

Исгар знал, что сейчас будет, потому вытряхнул пепел и остатки табака прямо за окно и вскочил, отыскивая рубашку и сапоги.

— Бежишь? — хмыкнула Зерви. — Беги, Ис. Но от себя-то не убежишь. Я вижу. Другие видят. И сколько бы ты ни прятался, не спрячешься от самого себя.

— Радужная пыль сведёт тебя с ума, — сказал Исгар, глядя, как она рассыпает два разноцветных коротких ручейка на столе.

— Я и так сойду с ума, — пожалала она плечами. — Превращусь в дряхлую, маразматичную, вечно всем недовольную старуху, у которой даже не будет, о ком заботиться. Или, думаешь, я не понимаю, что дядюшка мне уготовил? Жизнь одинокой и никому не нужной старой девы. Дабы не искусить мужа моего властью и не допустить и малейшей угрозы сыну и трону.

Исгар вздохнул, не решаясь солгать ей и в этот раз. Даже не пытаясь разубедить её. Зервина не глупа, чтобы поверить словам. И слишком горда, чтобы терпеть жалость.

— Но ладно я, Ис. Ты — почему терпишь всё это? Почему не боролся за неё тогда? Почему не просил короля отдать её тебе, а не этому... даже слова сложно подобрать. Пусть будет просто сен Фольи. У тебя не меньше заслуг перед троном, если не больше.

И что было ответить? То, что слишком много «но»?!..

— Совершенно тебя не понимаю, — повторил он, натянуто улыбнувшись.

— Ну и ладно, — не стала спорить герцогиня Смиле. — Тогда я могу строить догадки. Совершенно не имеющие ничего общего с реальностью, — уточнила она, взмахнув короткой тонкой трубочкой. — Ты испугался монаршего гнева? Не поверю, даже если ты сам это станешь утверждать. Ты решил, что так будет лучше для неё? Тоже

маловероятно. А может, ты испугался, что она не ответит на твои чувства? Что возненавидит тебя, возьми ты её, едва голова её дорогого Роневана отделилась от тела? — и улыбнулась, проследив за реакцией де Кильна. — А может быть, ещё что-то? Или всё вместе? Хотя — какая мне разница... Будь мы, как раньше, подругами, я бы советовала тебе сгрести её в охапку и увезти подальше. Лучше в Талливию или Хостию. Да я бы предпочла стать изгнанницей, отверженной, но быть любимой, Ис! Но... мне совершенно безразлично то, что она стала игрушкой в руках жестокого чудовища, которое унижало и избивало её до полусмерти два с лишним года.

Зервина ухмыльнулась, проследив за тем, как побелел Исгар. Как полыхнула ярость и жажда мести в его глазах. И, вдохнув разноцветный порошок через трубочку, прикрыла глаза.

— Но мне совершенно всё равно... Абсолютно безразлично, что от милой девочки с чистым сердцем и детской наивностью в глазах ничего не осталось. Наплевать, что та женщина, которая прибыла ко двору — такая же, как мы все. Как и тебе, полагаю, если ты не хочешь ничем ей помочь. Хотя ещё минуту назад ты мог соврать мне или себе, утверждая, что ничего не знал. И может, ты даже не соврал бы, действительно не подозревая, что творится в стенах Байе. Но что ты сделаешь сейчас? Узнав, что сиятельную герцогиню де Байе, прекрасное создание, к которому ты так и не решился подступить ни тогда, прикрывая свое малодушие дружбой с Роневаном, ни теперь, всё это время...

— Хватит! — рявкнул Исгар так, что Зерви поморщилась. — Это не может быть правдой! Он...

— Не посмел бы? Ты и правда так наивен? Он терпеть не мог Рона. Да и вся высшая знать вызывает в нём только глухую злость и чувство собственной малозначимости. И ты действительно веришь, что он не выместил бы всё это на своей жене? Из-за которой его к тому же отлучили от двора. Ты не так глуп, Ис.

Зрачки Зерви стремительно увеличивались, а речь становилась тягучей, словно время для неё текло всё медленней.

— Но ты можешь за всё ему отомстить. За ту, что так и не отпустила тебя. Даже несмотря на все жаркие и страстные объятия, которыми тебя встречает каждая девица, к которой ты соизволишь прийти... но не она... все они — не она... — пробормотала она на грани

между реальностью и видениями, посланными радужной пылью. — Я бы помогла тебе...

Исгар не стал слушать её бормотание и дальше. Поднял, наконец, рубашку и натянул сапоги, всё так же наблюдая за откинувшей голову на спинку кресла любовницей. Смотрел, как расширяются её зрачки, поглощая радужку, а после и белки. Как пробегают по ним цветные разводы, подобные тем, что бывают на мыльных пузырях. И с сожалением поджимал губы. Да, каждый глушил боль по-своему. И Зерви выбрала не лучший способ.

Он подхватил её на руки и уложил в постель, ещё хранившую запахи и следы того, что происходило здесь ночью. Накрыл одеялом и чмокнул в висок, словно прося прощения.

После отодвинул гобелен и потянул за настенный подсвечник, открывая тайный переход. И, даже не оглянувшись, скрылся в его темноте.

В груди Исгара де Кильна kloкотала ярость, с которой он не смог бы справиться сейчас.

Слова Зервины раз за разом прокручивались в голове. Эхом шагов били по ушам. Вырывали глухое рычание из горла. Он готов был разорвать сен Фольи голыми руками, попадись он ему сейчас. И сделал бы это, если бы...

Исгар вздохнул, остановился и сел прямо на холодный сырой камень. Прислонился к стене разгорячённой спиной.

Зерви всегда умела зацепить за живое. Но раньше она не позволяла себе подобного по отношению к нему.

«Правда — режет больнее и точнее самого острого клинка!» — смеялась она, выбирая себе очередную жертву из придворных.

Но Исгар даже не подозревал, сколько истины в этих словах... Зерви всегда была пронцательной. Всегда знала, куда нанести удар, и совершенно точно рассчитывала силу, сбивая с ног, оглушая, но не убивая. Вот теперь досталось и ему. Ревность. А всё потому, что три дня тому видела его и Эрвианну в саду.

Эрри. Если бы он только знал...

Но никто и словом не обмолвился. Никто ничего ему не рассказал, страшась, что он совершит необдуманый поступок. Нарушит клятву...

И сейчас он был как никогда близок к этому.

Пришлось обратиться мыслями к событиям двухлетней давности,

чтобы вернуть себе способность трезво мыслить.

Вспомнить битву под Валье и клятву, что связала ему руки.

Исгар резко и глубоко вдохнул сквозь зубы. После ещё... и ещё.

Снова он вызывал в памяти тот проклятый Великими день. Но вспомнилось почему-то совершенно другое...

Десятью годами ранее...

— Ты бы видел её, Ис. Прекрасней девушки я не встречал, — восхищённо говорил Роневан, пьяно опираясь на Исгара. — Честно, я даже не подумал бы, что из той милой девочки вырастет такая красавица.

Исгар рассмеялся, помогая другу не свалиться с ног.

Летняя ночь дышала сырой прохладой. Пахла рогделией и немного тиной Тезвы. Светила круглым блюдцем бледной луны и пела голосами цикад. Ворчала голосами пьяниц и бездомных в тёмных проулках. Взрывалась смехом дешёвых продажных женщин, что промышляли здесь только в это предрассветное время, когда сменившиеся стражи спешили снять напряжение. Прятали в своих объятьях городское ворьё.

Но это не очень беспокоило хорошо подвыпивших друзей, что праздновали возвращение с талливийской границы Исгара де Кильна. И праздновали с размахом. Начиная с таверны «Золотой рог», ну и, как обычно бывало, заканчивая в борделе «Поющие птички». И уже порядком набравшись и устав, они, поддерживая друг друга, возвращались в королевский дворец. Чтобы завтра — или уже сегодня — снова превратиться в примерных отпрысков семей, принадлежащих к высшей знати.

— Хотел бы я посмотреть, что за дивное создание пленило твой разум. Не иначе это сама наяда, вышедшая из морских глубин, — насмешливо хмыкнул Исгар. — А ещё узнать, что с ней не так.

— К чему ты клонишь? — закрыв один глаз, спросил Роневан.

— Тебе не показалось странным, что герцог Саменти так спешит сбить её с рук? Может... Ну, ты понимаешь...

— Не будь ты моим лучшим другом, уже получил бы по физиономии. Но уверяю тебя, даже если в твоих словах есть хоть крупица истины... Мне плевать.

— Даже так?! О! Я просто жду-не дождусь встречи с маленькой колдуньей, что поймала тебя в свои сети и держит столь крепко.

Роневан широко улыбнулся и хлопнул друга по плечу, но сам

покачнулся.

— Так не будем ждать, мой друг.

— Ты рехнулся? Собираешься ввалиться к невесте среди ночи, с пьяным другом, и источая запахи всех борделей Авена?

Роневан задумался... и согласно кивнул.

— Я в этом не участвую, — отрезал Ис, снова подхватив едва держащегося на ногах виконта Байе.

Некоторое время они шли молча. Миновали давно подкупленных дворцовых стражей у калитки для слуг. Качаясь и придерживая друг друга, прошли по саду.

И только проходя под погасшими окнами, Роневан резко остановился.

— Что? — тихо, чтобы не потревожить сон придворных, спросил Ис.

— Вон её окно, — указал он на тёмный провал на третьем этаже и хитро улыбнулся.

— Ты хочешь влезть к ней в окно в таком вот состоянии? Рон, не глупи, пойдём спать.

— Не я. Ты.

— Ты точно сбрендил, — поморщился Ис.

— Я верю тебе больше, чем себе. А ты, наконец, сможешь увидеть то сокровище, что достанется мне в жёны.

Исгар закатил глаза и вздохнул.

— Только чтобы ты, наконец, угомонился и отправился спать, — ткнул он пальцем в грудь Роневана.

На самом деле — кто знает, что стало причиной того, что Исгар, будучи чуть трезвее друга, таки согласился на этот безумный поступок. Любопытство? Юношеский авантюризм? Или огонь, что горел в глазах Роневана, когда он говорил о будущей жене? Может быть, демоны, выжидающие своего часа в чёрных живых тенях. А может, всё вместе. Но, и сам до конца всего того не понимая, он подскочил, хватаясь за балкон. После пробрался на второй. За ним на третий. Прошёл по карнизу и влез на подоконник.

Одно точно: будь он трезв, вряд ли бы решился на это.

В покоях было темно и тихо. Пахло цветами медового тауни и свежестью женских благовоний.

Стараясь ступать тихо, Исгар подошёл к кровати. И едва лунный

свет, выскользнув из-за его спины, снова угнездился на кровати, свернувшись на подушке, забравшись в светлые волосы цвета мёда... лизнув лицо и проскользнув в вырез ночной рубашки... Ис застыл.

Теперь он понимал безумие друга, причиной которого стала эта... её даже девушкой назвать казалось кощунством. Видением? Наваждением? Как угодно, но не человеком.

Она казалась хрупкой, маленькой. А свет, что ровно ложился на её лицо — казалось, источала она сама.

До той ночи Исгар даже не подозревал, что женщина может вызвать не только желание. А и нечто, чему он после так и не смог найти объяснения. Нежность. Трепет... Любовь?

Кажется, он даже забыл дышать, глядя, как во сне хмурятся её идеальные, чуть изогнутые, брови. Как морщится нос, уловивший запах дешёвых духов, которыми пользовались девушки в борделе «Поющие птички». Или, может, тяжёлый резкий запах перегара.

Как удар под дых пришла мысль о том, что ему здесь не место. Что он не должен здесь находиться. Что девушка, лежащая на кровати — невеста его лучшего друга... И так же тихо, страшась потревожить её сон, он снова выбрался в окно.

Хмель развеялся в его голове.

— Видел её? — нетерпеливо спросил Роневан.

Исгар кивнул.

— И как?

— Она просто прекрасна, — ответил Ис, чувствуя неоправданную горечь на языке.

— Я же говорил тебе, — совершенно не заметив смятения друга, улыбнулся Роневан, и Ис выдавил из себя такую же улыбку.

— Ты обещал, что теперь пойдёшь спать, — напомнил Исгар.

И Роневан обнял его за шею.

— Обещал и иду, — уверил он, увлекаемый другом по мощёным дорожкам дворцового сада.

Исгар вздохнул и поднялся с каменного пола.

Сырость, темнота и слишком много выходов. И только один вёл туда, где он хотел бы оказаться. Но не мог. Пока не мог.

Хватило нескольких минут, чтобы отыскать вход в собственные покои. С тихим шорохом отъехал угол каминной кладки, и Исгар боком протиснулся в собственные покои, запачкав рукав рубашки чёрной

сажей.

— Я ждала тебя, Ис, — услышал он красивый женский голос.

Оглянулся в поисках его источника. Обвёл взглядом гостиную с парой кресел и столиком, единственным окном, книжным шкафом и дверью в спальню. Нахмурился, не найдя девушки в сером плаще.

— Я здесь, Исгар, — заговорило её голосом большое напольное зеркало, и герцог Кильн вздрогнул, увидев в нём вместо своего отражения фигуру женщины, закутанной в серый плащ. — Уверена, ты хотел со мной поговорить.

Она могла быть кем угодно. От служанки до высокородной леди. Её возраст, лицо и цели скрывал широкий серый капюшон, из-под которого выглядывал только острый подбородок.

И снова нахлынули воспоминания, что преследовали его, напоминая, ради чего он в этом проклятом Великими дворце.

«Серая тень застыла у окна кабинета, в котором расположился герцог Саменти. Не двигалась и даже не дышала. Казалось, что она и не живая вовсе.

Бремор разбирал бумаги. Его глаза, искажённые толстыми стёклами очков, бегали из стороны в сторону, едва цепляя смысл написанного. Некоторые бумаги он тут же сжигал, некоторые — отбрасывал в сторону, некоторые — прятал в большую деревянную шкатулку

— Она Безликая из Ордена Многоликих, — кивком указал на девушку Бремор де Саменти. — Именно она станет твоими руками, глазами и ушами. Верь её слову, как верил бы моему. И знай, что всё, что она делает, делает ради Арнгвирии. Как и ты.

Исгар кивнул и герцог Саменти улыбнулся, положив руку на его плечо.

— Я доверяю тебе, Ис. Как и Рон, Федерик, Ластриан... У тебя нет права на ошибку, — Бремор помедлил несколько мгновений, но продолжил. — Тебе, может быть, не по душе всё это, но ты должен поклясться мне...»

— Неужели я ошиблась? — грубо вырвал его из оцепенения всё тот же тонкий голос. — Ты хочешь говорить со мной или нет?

— Более чем, — процедил сквозь зубы Ис, вернувшись к реальности. — То... что сказала Зервина, правда?

— Большею частью, — не стала лукавить она.



Он отчётливо скрипнул зубами, но тут же подавил приступ поднявшегося к вискам гнева. Сжал кулаки, словно так пытался взять себя в руки.

— Ты всё это время мне лгала! — едва сдерживая крик, отрывисто сказал Исгар. — Говорила, что с ней всё в полном порядке. Что она в безопасности и ничто не угрожает её жизни.

— Её жизни и правда ничто не угрожало. Сен Фольи не стал бы рисковать богатствами Байе, лишая её жизни, — пожала плечами девушка в сером.

— И ты посчитала, что... мне не стоит знать правду, — сделал вывод герцог.

— Правду тебе и не нужно было знать. Что бы ты делал с ней, с этой правдой, Ис? Как бы помог ей? Ты и так достаточно сказал, когда не дал ей увидеть казнь мужа. Или думаешь, король не заметил твоего порыва?

Она говорила быстро. Словно боялась, что герцог собьёт её с мысли, и она не успеет её до него донести.

— Ты дал клятву. Не пятнай себя её нарушением. К тому же она знала, ради чего всё это терпела.

— Да? И ради чего?

— Маленький Дэнни.

Исгар позволил себе оскалиться, уже не веря ни одному слову той, что была по ту сторону зеркала.

— Он последний в роду. Ему и так ничто не могло угрожать. Никто не решился бы причинить ему вред.

— Может, так, а может и — нет. Мы не склонны рисковать, — твёрдо сказала девочка в сером.

— Чем рисковать? Ничего не осталось, Безликая. Кроме сломанных жизней и угрызений совести — не осталось ровным счётом ничего!

Она вздохнула.

— Слишком много было пройдено, Ис. Слишком многим пожертвовано. Ты даже представить себе не можешь, как велика раскинувшаяся паутина... Можешь спросить у неё сам, но если бы всё началось сначала, она бы выбрала точно такой же путь. Из-за сына. И страха его потерять.

Её голос стал немного печальным, задумчивым, но тут же она, словно спохватилась, сказала ровно и жёстко:

— Так нужно. Уже осталось недолго. Совсем скоро всё закончится.

— Если мы все доживём до этого дня.

Зеркало подёрнулось дымкой. И вот уже оно, как и полагается, отражает гостиную и его, сидящего в кресле.

На Исгара теперь смотрел уставший, разбитый и отчаявшийся мужчина.

Жалкий, как ему показалось.

Он схватил со столика первую попавшуюся бутылку и, откупорив её, приложился к горлышку, прежде отсалютовав тому, кто смотрел на него из зеркала.

Казалось, что тот насмехается над бессилием герцога Кильна.

В этот раз Ис не стал подавлять приступ гнева. Бутылка, едва опустевшая на пару глотков, полетела прямо в зеркало. Разлетелась на сотни осколков, окрашивая светлый ковёр и стены в густой красный. Стекла разводами по раме и... даже не треснувшей зеркальной глади.

Главный храм Авена. Величественное строение, подпирающее шпилями облака. Его серые стены, стрельчатые окна и песнь молитвы, которую выводил хор, вызывали трепет и раболепие. И напоминали, сколь малозначим человек. Как коротка и в то же время длинна его жизнь. Столь длинна, что он успевает сотворить невероятное количество грехов, но столь коротка, что покаяться в большинстве — времени не хватает.

Три сотни лет тому назад был заложен первый камень, пять десятков лет рос Храм, тянулся к небу — и по сей день украшает себя золотом, серебром, витражами из цветного стекла и напыщенными слугами Великих в дорогих сутанах.

Центральная площадь Авена у самого Храма была полна народа. Несмотря на жару, духоту и порывы сухого ветра, сияющего протолкнуться между людьми, жители и гости столицы стекались сюда со всех сторон города.

Герцогиня Байе, замерев вместе с большинством придворных на лестнице, поднимающейся ко входу с распахнутыми настежь резными створками дверей, разглядывала возбуждённую толпу. Взгляд цеплялся то за богатых мещан, то за пришлых из дальних земель торговцев, то за нищету, мечты и желания которой и в этот день были далеки от набожности. Большинство людей, пришедших на площадь на венчание престолонаследника и хостийской принцессы, здесь были только для

того, чтобы поглазеть на будущих правителей. И, если вдруг повезёт, разжиться парой лишних монет.

Эрвианна ненавидела толпу. Часто она сравнивала её с неразумным стадом, которое делает то, что ему велят пастухи. Потому, глядя сейчас на эту массу народа, она то и дело давила в себе вырывающиеся из глубин памяти воспоминания.

— Великолепно выглядишь!

Красивый женский голос. Эрри узнала его, пусть даже слышала в последний раз пару лет тому.

— Ты тоже, Зерви, прекрасна, как всегда, — ответила Эрвианна на любезность.

Зервина всегда в одеждах предпочитала зелёный, а в украшениях — изумруды в оправе из белого золота. И сейчас себе не изменила. Но ни роскошное платье, ни драгоценности, которым позавидовала бы любая придворная дама, не могли спрятать усталость и болезненный вид племянницы короля. Серые белки глаз, синяки под глазами и морщины, видные только вблизи. Эрри не могла даже придумать достаточную причину для подобного состояния. Впрочем, герцогиня Байе, злоупотребляя вином и пренебрегая собой — выглядела не лучше.

— Как же я не люблю ложь! — вздохнула Зервина. — Тем более, если от неё совершенно никакой пользы. Ты знаешь меня не первый год, могла бы не стараться.

— Хм. Я знала скандальную девчонку из рода Смиле, а не племянницу Вистера Первого.

— Поверь, это до сих пор одна и та же я.

— Извини, но верить на слово я разучилась.

Зервина чуть заметно поморщилась и перевела взгляд на площадь, взрепевшую сотнями человеческих голосов навстречу виновникам праздника.

Они шли пешком в сопровождении фрейлин Колливэ и приближённых Вистера, среди которых были герцоги Харимэ и Кильн. Среди сопровождающих не было арнгвирийских леди. Как и хостийских вельмож, которые прибудут только к свадьбе.

К богам всегда идут ногами, даже если ты король. От дворца до Главного храма было не так чтобы далеко. Если, конечно, ты взрослый мужчина или полная сил женщина. Но для ребенка, пусть и наследного принца, этот путь сложен. А если учесть невыносимую жару... Потому

шли они достаточно медленно, но зато хостийские женщины щедро сыпали по сторонам деньги, бросая их в беснующуюся толпу.

Разлетающиеся в стороны монеты отзеркаливали солнечных котят. Тянулись сотни рук к дармовому золоту...

— Безвольное стадо, — процедила виконтесса Смиле сквозь зубы. — Если бы деньги раздавал сам Повелитель Преисподней, они бы срывали глотки, восхваляя его.

В этом Эрри была полностью согласна с бывшей подругой и даже не удивилась, что мысли их сходятся. Большинство представителей высшей знати считали так же. Только никто не уточнял, что немалая заслуга в том безволии и стадности народа — самих высокородных, запугивающих, обдирающих и растаптывающих простолюдинов.

Это была весьма неприятная и щекотливая тема, которую женщинам, дело которых — пьльцы и игла, обсуждать не стоило. Да ещё в присутствии такого количества придворных, вынюхивающих свежую сплетню.

— Он хорош! Кильн. Ты не считаешь?

Эрри присмотрелась, только сейчас разглядев среди сопровождения принца и принцессы старого друга, и невольно улыбнулась.

— Он был бы лучшей парой тебе, — снова заговорила Зерви, в который раз ставя в тупик Эрвианну. — Чем сен Фольи. Ты бы хотела стать герцогиней Кильнии?

Сказать, что леди Байе удивилась этому вопросу — не сказать ничего. Положа руку на сердце, Эрри считала, что даже рассыпающийся на ходу Гиуре был бы лучшей парой, чем её нынешний супруг, одно упоминание о котором у герцогини вызывало отвращение и боль в желудке. Но сказала она другое:

— Зерви, я абсолютно довольна своим замужеством. Ведь мужа мне выбирал сам его величество. Как я могу быть недовольна?

«Недовольные — долго не живут», — повисло в воздухе недосказанностью и было подхвачено горячим ветром, унёсшим это подальше от чужих ушей.

— А вот ты могла бы задуматься. Исгар действительно завидная партия.

Зерви грустно улыбнулась, склонилась к её уху и прошептала:

— Его сердце отдано другой, а я не хочу всю жизнь прожить с бессердечным мужчиной, — и уже громче добавила. — И я всё ещё

жду, когда король подыщет мне партию, достойную племянницы короля.

Дураку было понятно, что это было сказано для притихших придворных, предвкушающих новую сплетню. Но Эрри услышала и увидела в уставшем лице несчастной женщины больше, чем та сказала вслух. Все они подневольны. Близки или далеки от трона, в милости или в опале — все они дорогие фигурки, которыми двигают по карте Арнгвирии, а порой и мира, великие стратеги. Или те, кто себя таковыми мнит. И остаётся только иллюзия собственной жизни.

— Улыбайся Эрри, наследники престола Арнгвирии смотрят на нас.

И Эрвианна, словно спохватившись, улыбнулась.

Придворные дамы зашуршали юбками и зацокали каблучками, выстраиваясь вдоль лестницы. Затихли мужчины, обсуждавшие преимущества хостийских жеребцов. Даже толпа притихла.

Сегодня первыми на ступеньки храма встали виновники торжества.

Колливэ прятала лицо за тонкой кружевной вуалью цвета сухого песка. А Овил выглядел не очень хорошо — жара, палящее солнце... но держался. Что не могло не восхищать.

За ним следовали король с королевой, которых жара тоже щадить не желала, и приближённые, растянувшиеся в хвост на добрый десяток метров.

Эрвианна бросила взгляд из-под ресниц на Исгара и тут же поймала его взгляд. Задумчивый, без тени улыбки или лёгкости, в которую герцог Кильн обычно был облачён, как в доспех из талливийской стали. И Эрри стало не по себе от этого взгляда. Дурное предчувствие поползло мурашками по ногам, скользнуло под тонкое летнее платье, слизало солёные капельки пота с оголённой спины и пробрало до дрожи.

Но уже спустя несколько мгновений ей было не до Исгара, потому как вся знать потянулась под своды Главного храма Авена.

Он был невероятно красив в своём величии.

Шесть пар огромных колон, подпирающих потолочные балки, оплетённые золотой лозой с серебряной листвой и капельками росы из горного хрусталя. Шесть пар витражных окон в форме золотого солнца — справа и серебряной луны — слева, впускающих полуденное солнце так, что хрустальная роса сверкала, преломляя на гранях свет.

Мраморные изваяния Великих — тринадцать статуй, прячущих лица за золотыми масками, надменно следили за мелкими людьми, встав позади алтаря полукругом.

Пахло жжёным ладаном. Этот запах вызывал у Эрри головокружение и тошноту, а вместе с высокими голосами мальчиков-хористов — пронзающую виски боль. И своевременному появлению Валении, поддержавшей её под локоток, она была даже рада.

Визелий Авенский, пэйре главного храма столицы, в сутане из белого шёлка наблюдал за прибывающей знатью, венценосными особами и престолонаследниками, преклонившими колени у алтаря. Впервые за столько лет он не знал, как ему быть.

Два года назад он поступил так, как велели ему долг и здравый смысл. Не стоило рвать страну, и без того обессиленную после войны, между духовенством и законной властью. Даже если она была не совсем законной. Но ведь другой не предвиделось. Откуда ему было знать...

— Пэйре, — вывел его из раздумий мальчик-послушник, протянув чашу с красным вином для причастия.

Визелий бросил затравленный взгляд на принца и принцессу, на красную ленту, символизирующую кровную связь, на чашу для причастия. Холодный пот выступил на лбу, затряслись руки от страха и сомнений и гулом показалась повисшая тишина, опустившаяся на присутствующих. А вино, по которому шла мелкая рябь из-за дрожащей от волнения руки послушника — кровью. Невинной кровью, пролитой для укрепления трона под новым королем.

Пэйре бросил затравленный взгляд в толпу, и на миг ему показалось, что он снова видит ту девушку, что приходила к нему в покои. Она пряталась в тени колоны у самого входа. Или показалось?

Визелий Авенский сглотнул и сделал шаг назад.

— Я не могу! — выкрикнул он онемевшему Храму. — Не могу!

Верховный пэйре сделал несколько шагов спиной вперёд и, резко развернувшись, с неожиданной для его тщедушного тела скоростью скрылся в проходе у ног Великих. Возмущённый гул сотен голосов накрыл его, словно штормовая волна накрывает рыбацкую шлюпку. И пэйре осел на холодные ступени, ведущие вверх к его покоям.

— О, Великие! Что теперь будет? — спросил он у холодной кладки стен и сквозняка, сорвавшего с его головы тряпичную шапочку.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кабинет короля Вистера Арнгвирийского оглушала тишина. Молчал король. Молчали его приближённые. Молчали отчёты, которые Вистер испепелял взглядом. Затихли пауки, плетущие сети по углам. Даже вечно скребущийся в витражные окна песок застыл. Никто не решался подать голос, страшась обратить монарший гнев на себя.

Казалось, слышно было, как робкая пыль деликатно ложится на стол из тасаверского дерева... на книжные полки и документы, которые они приютили, на настенные подсвечники и пепельницу, дышащую горьким дымом таливийского табака... на застывших мужчин в глубоких креслах и самого короля, хмуро сдвинувшего брови.

Никто не решался заговорить о случившемся. Ждали, когда король сам заведёт разговор.

— Так и будете молчать? — не выдержал гнетущей тишины король.

Но и это не стало поводом отмереть для тех двоих, что сидели напротив. Вистер внимательно следил за выражениями их лиц, силясь разгадать их мысли и намеренья. Двое приближённых. Одному король доверял ровно настолько, чтобы считать его советником. Второму — ровно настолько же не верил. Не доверял настолько, что предпочитал держать его ближе других, надеясь суметь первым увидеть всё, что скрывалось за весёлой беззаботной улыбкой Исгара де Кильна. Но нет. Ни тени не мелькнуло на этом красивом лице.

— Ну?! — рявкнул король, и тихо оседавшая на мебель пыль испуганно метнулась в разные стороны, подальше от взбешённого монарха.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы Берим де Гиуре прочистил горло и, выровняв дыхание, заговорил.

— Я даже не могу представить, что можно на это сказать.

Король поморщился. Не такого он ждал. Он хотел услышать совет, а не признание бессилия старика Гиуре. Шумно выдохнув, король обратил взгляд на молодого Кильна.

— Исгар? Ты что скажешь?

Герцог Кильн задумчиво постучал пальцем по подлокотнику

кресла.

— Мне кажется, пэйре немного не в себе. Лучше было бы узнать у него и его приближённых, что стало тому причиной...

— Я не об этом!! — взревел король, бросив в Исгара листом бумаги, который мягко спланировал тому на колени. — Я хочу знать, что вы оба думаете вот об этом?

Исгар быстро пробежал глазами по строчкам доноса, нахмурился и отдал лист Бериму де Гиуре.

— Прошло всего два года с тех пор, как вы взошли на трон, ваше величество, — медленно начал де Кильн. — Мятежи — закономерность...

— Голодные бунты!!! — выкрикнул король, вскочив с места. — Это не обычное недовольство, а отчаянье.

— Вам нечего опасаться, — встрял Гиуре, аккуратно положив листок на стол. — Нет никого, кто мог бы угрожать вашему положению. Род Халедингов прервался...

— Да? — оскалился Вистер, и Берим едва удержался, чтобы не втянуть голову. — А мой народ об этом знает?

— Но это сущий бред! — воскликнул он. — Я лично видел, как принц Ластиан погиб под Валье. Больше не было представителей династии!

— Бастарды? — коротко спросил Вистер. — Бастарды бастардов? Видят Великие, эти катаклизмы вынудят мой народ принять дворового кота и посадить его на трон, если он скажет, что в нём есть хоть капля крови Халедингов.

— Подавите бунт, как обычно, — предложил Гиуре.

Король вздохнул и снова опустился в кресло. Прикрыл глаза ладонью, стараясь спрятать своё бессилие под видом усталости.

— Распорядись, — коротко сказал он, подавая знак Исгару пальцами, сплошь унизианными перстнями.

Герцог Кильн тут же встал, склонив голову, вышел из королевского кабинета и поспешил исполнить монарший приказ.

— Вам не кажется странным, что бунты вспыхивают именно в Байе? — решил подать голос старый герцог Гиуре.

Король молчал. Нет! Он доверял своему верному подданному сен Фольи. Не больше чем другим, конечно. Но и не меньше. Он не мог предать своего монарха. Не мог перевернуться... хотя... разве не это он



сделал два года назад?

— Мне не хотелось бы верить в то, что Тевор предал меня, — глухо сказал король, не открывая глаз.

«Но не исключаю такой возможности!» — добавил про себя Гиуре.

— Я искренне надеюсь, что мои подозрения лишь приступ паранойи, Ваше Величество, — осмелился рассуждать вслух первый советник. — Но вам хорошо известно, что даже верность подданных, связанных клятвой, весьма шаткое понятие.

— Кому как не мне это знать? — съязвил Вистер и советник умолк, покрываясь капельками холодного пота. — Но ты прав. Верить никому нельзя. Тевор мог превратно истолковать мою просьбу о браке с леди Байе... — говорил король, глядя, как пауки заплетают угол тонкой серой паутиной. — При дворе Арнгвирии предавали и за меньшее.

Гиуре задумчиво жевал губы, разглядывая собственные руки. Были ли это камень и в его сторону? Не исключено. Ведь и он в своё время нарушил клятву верности Федерику Второму. Но он был и одним из первых, кто это сделал. Разве станет Вистер Первый сомневаться в его верности? Станет. И будет сомневаться во всех и каждом, выискивая скрытый смысл каждого слова или жеста. При дворе уже начинали шептаться о том, что король слишком подозрителен. И его подозрительность стала отдавать безумием.

— Думаю, стоит сначала увериться в факте измены, — наконец нашёл с ответом советник. — Я, как и вы, не готов поверить просто догадкам.

— И выясни, откуда берутся эти нелепые слухи о наследном принце, — кивнул король, соглашаясь со словами своего приближённого. — Или подтверди их правдивость.

Советник поднялся и, склонив голову, покинул кабинет.

— Никому нельзя верить, — заключил король, когда его могли слышать только пауки по углам.

Но насекомые не разделили терзаний короля Ангвирии, продолжая свой нелёгкий труд плетения паутины. Почти как и все, кто его окружал, трудились, создавая сети, в которые попадали те, кто не смог разглядеть их вовремя. И казалось, Вистер упускает что-то. Не видит, как всё больше и больше нитей натягивают вокруг него его же придворные пауки.

На миг Вистеру показалось, что весь его кабинет опутывает серая,

покрытая пылью паутина. То тут, то там на тонких нитках висели кровавые бусины. Они то скользили, собираясь в ровные ряды ожерелья, то снова растекались в разные стороны... То срывались и падали на пол, образуя кровавые лужи.

Монарх застыл, чувствуя, как к горлу подступает ужас. Как в ушах звенит, а пальцы дрожат, цокая перстнями о деревянные подлокотники.

— Хватит, — прохрипел король не в силах совладать с голосом. — Довольно.

Но как обычно, это не возымело никакого действия. За всех углов на него надвигались пауки, сверкая кроваво-красными глазами.

— Шарам бы вас побрал! — выкрикнул король, запуская подвернувшейся под руку пепельницей в ближайшего паука.

И всё исчезло под жалобный звон битого стекла.

Осталась только дрожь в холодных, как лёд, пальцах да дырка в витражном окне.

А ещё понимание — так больше продолжаться не может. Однажды они настигнут его, короля Арнгвирии, что не по праву сидит на троне. И тогда... тогда его никто не сможет вытащить из проклятой паутины. Да и вопрос: захочет ли кто?

Но он не должен позволить им приблизиться! Не доверять. Никому!

— Атори. Роберт! — позвал король, не сдерживая хриплой дрожи в голосе.

Дверь отворилась неслышно. И так же неслышно вошёл невысокий невзрачный и щуплый мужчина неопределённого возраста с лицом, которое забывалось, стоило ему пропасть из поля зрения, и тихим бесцветным голосом.

— Ваше Величество, — абсолютно не обращая внимания на разбитое окно и состояние короля, склонился мужчина в низком поклоне.

— Говори, — приказал король, вытирая о штаны потные ладони.

Роберт разогнулся и с каменным выражением лица отчитался:

— Доказательств тому, что принц жив, мной не обнаружено. По одним слухам, юношу, похожего на него, видели на территории Талливии, по другим — на территории Хости. Есть и вовсе неправдоподобные — о том, что принц всё это время находился в Арнгвирии...

Король кисло улыбнулся, чем заставил графа Атори замолчать. Но тут же подал знак продолжать.

— Я повторяю, всё это только слухи. Хоть простонародье и верит в это. Его возвращения ждут как благословения Великих. Я лично слышал, как в Главном Храме проводили мессу за здоровье престолонаследника из династии Халедингов...

— Что-о?! — взревел король. — Когда?!

— Три дня тому, — невозмутимо ответил сен Атори, то ли не страшась монаршего гнева вовсе, то ли виртуозно владея эмоциями.

— Я убью этого индюка своими руками! — вскочил король, перевернув чернильницу.

Уродливое чёрное пятно растеклось по дороговому дереву, тонкой струйкой сползло со стола на светлый ковёр из шерсти нагви, что ткали исключительно в Хостийском городе Нагервэ. Роберт с сожалением посмотрел, как умирает чудеснейшее творение нагервийских мастеров-ткачей. Но заставил себя снова вернуться к словам его величества.

— Боюсь, ваше желание не может быть исполнено. Пэйре объявил вашу коронацию незаконной и неугодной Великим. И, признав часть вины в бедах, обрушившихся на королевство, за собой, велел замуровать себя в его покоях. Оставили только небольшое окошко, дабы он мог получать еду и воду...

— И когда успевают-то? — зло стукнул кулаком по столу король.

Чернила под его рукой всхлипнули и разлетелись в разные стороны, запачкав безрукавку короля и белоснежные манжеты рубашки. Роберт едва успел отскочить. И стоило некоторых усилий не поморщиться и не показать, что ему, эстету с рождения, весьма неприятна данная ситуация.

— Работы начались ещё ночью, ваше величество. Пэйре Визелий удалился в свои покои сразу после службы и сорвавшейся помолвки...

— Понял, — снова оборвал его король, устало упускаясь в кресло и наливая в кубок вино, не удосужившись при этом даже стереть капающие с руки чернила, что таки заставило сен Атори поморщиться.

Но Вистер был слишком зол, чтобы обращать внимание на чувства главы тайной канцелярии.

— Продолжай в том же духе, — сказал он, чуть успокоившись после первого осушённого кубка. — От Визелия нужно избавиться. Он приносит слишком много неудобств. Узнай, кто из верных короне пэйре

мог бы занять место верховного. Нам нужен человек, который не побоится действовать.

Глава тайной канцелярии низко поклонился и тут же, разогнувшись, буквально исчез из королевского кабинета, оставив короля с его тяжёлыми мыслями и полным отсутствием любви к прекрасному.

Шурша традиционными хостийскими одеждами, принцесса Колливэ, не спеша, прогуливалась по вечернему саду. В трёх шагах позади, как им и положено, неслышно ступали её служанки, а вместе с ними и фрейлины королевы. Сама же Ивсталия с дежурной улыбкой на лице рассказывала историю королевского дворца и создания сада, словно это могло заинтересовать Колливэ, выросшую там, где не было законов, по которым любой, владеющий магией, обречён на смерть. И разве может сравниться этот дворец с тем, где она жила все свои девятнадцать лет?

О нет! Там, в Хостии, даже жилища простолюдинов походили на ажурную вязь, а прочны были настолько, что ни бури, ни землетрясения оказывались им не страшны. Да и стоило ли страшиться прихотей своевольной и непостоянной природы, если у тебя под рукой те, кто даже истинно женский нрав стихий способны укротить? А какие сады создавали маги, владеющие знаниями, умениями и силами, позволяющими создавать новое и совершенствовать старое... Каких расцветок и ароматов цветы... какие сочные сладкие фрукты...

И чем её могла удивить Ивсталия? Упадком, который виден даже в сердце Арнгвирийского королевства? Или песками, которые всё дальше пробираются в глубь страны? Оголодавшим и отчаявшимся народом, готовым целовать руку, подающую им крошки со своего стола?

Вечные! Если бы её отец так же заботился о своём народе, то уже бы расплатился с ним собственной головой. Хостийцы верны правителю. Они готовы проливать кровь и полечь на поле боя, защищая границы. Но того же народ требует и от своего монарха. Голодный и оборванный хостиец? Разве что он сам выберет себе такую судьбу. Как и судьбу стать пьяницей или зависимым от веселящего зелья, но тогда он должен быть готов к тому, что его же мать, жена и сын отрекутся от него, и даже если он будет умирать под окном их дома, никто не подаст ему и стакан воды.

Потому её страна, оставшаяся по ту сторону Бескрайних песков,

процветала.

В отличие от умирающей Арнгвирии.

И всё это хостийская принцесса должна полюбить. Просто потому, что совсем скоро станет королевой Ангвирии. И должна стать хорошей королевой и доброй супругой королю.

Колливэ поморщилась, вспомнив, чем обернулась их помолвка. Скандал, крик, заверения, что всё это просто недоразумение. Что пэйре повредился умом от старости, и всё уладится в самые короткие сроки. Хостийская принцесса чувствовала их смятение и страх... Да. Именно страх ощущался ярче всего. То чуть солоноватое чувство на кончике языка. Отец говорил, что если человек чего-то боится, то он уязвим, и чем больше его страх, тем легче управлять им.

Колливэ улыбалась и заверяла, что всё прекрасно понимает. Что её отец не станет разрывать связей между их королевствами из-за такого жуткого, глупого и оскорбительного, но всё же недоразумения.

Её время ещё не настало. И придётся потерпеть. Немного...

Об этом думала Колливе, задумчиво разглядывая странные остролистые цветы. И только улыбалась и кивала в такт словам королевы, не проявляя к ним, впрочем, ни должного интереса, ни даже особого внимания.

— Эрвианна? — воскликнула королева, заметив таки полное отсутствие интереса к своим речам со стороны будущей невестки. — Мне передавали, что тебе нездоровится...

Колливэ тут же вынырнула из своих раздумий и нашла взглядом ту, к кому обращалась её будущая свекровь. Герцогиня Байе. Принцесса слышала о ней ещё в Хостии, от доносчиков отца, и даже видела в зеркалах её образ...

Но наяву она оказалась ещё красивей. Нежнее и в то же время... что-то было в этой, на первый взгляд, хрупкой женщине, что не давало отвести этот взгляд. Даже сейчас, когда она быстро поднялась, чуть одёрнув скромное, почти полностью скрывающее тело, платье глубокого синего цвета, и склонила голову в знак приветствия монаршей особы, спина её осталась пряма, а голос звучал ровно.

— Вам не стоит беспокоиться, ваше величество. Всего лишь женское недомогание, — мелодичным глубоким голосом ответила герцогиня Байе.

— В таком случае у тебя нет оправданий тому, что вчера я не

заметила тебя на пиру в честь её высочества, — холодно припечатала королева. А сама принцесса поморщилась, припомнив, что праздник должен был состояться в честь помолвки, а не приезда. — Этим ты нанесла оскорбление не только моей будущей невестке...

— О! — встряла, улыбнувшись, Колливэ. — Не вижу причин для подобных обвинений. Все мы женщины, и вам ли не знать, как бывает тяжело бороться с природой. Надеюсь, герцогиня Байе чувствует уже себя достаточно хорошо?

— Я в полном порядке, — заверила Эрри.

— В таком случае я хотела бы, чтобы леди Эрвианна составила мне компанию на завтрашней прогулке по столице. В Хостии я часто позволяла себе подобные прогулки, и хотелось бы поддерживать эту традицию и здесь. Хороший правитель должен интересоваться тем, как живёт его народ. К тому же мне доводилось много слышать о красоте Авена, и теперь хотелось бы всё увидеть воочию.

Королева едва сдержала злость, грозившую исказить лицо, но зубами всё же скрипнула.

— Боюсь, герцогиня Байе достаточно долго не посещала столицу. Вашему высочеству лучше будет подобрать спутницу, которая живёт в Авене постоянно, — настоятельно посоветовала королева. — Любая из моих фрейлин будет счастлива служить своей принцессе.

— И это безумно радует. Но слуг у меня достаточно, — взмахнула она рукой в сторону застывших в трёх шагах хостиек, и королева опять едва удержала лицо. — К тому же мне хотелось бы, чтобы леди Байе получила возможность загладить свою провинность. Раз вы ещё гневаетесь на свою верноподданную.

В этот раз королева не смогла удержать лицо, и потребовалось время, чтобы она взяла себя в руки.

«Ну же, дорогая будущая свекровь. Либо признавай, что была резка в суждениях по отношению к герцогине Байе. Либо давай своё монаршее дозволение на эту прогулку. В любом случае я выиграла этот маленький бой и получила возможность обрести первого союзника при арнгвирийском дворе», — подумала Колливэ, всё так же мило улыбаясь и с открытой чистотой во взоре глядя на Ивсталию.

— В таком случае не пренебрегайте нашей охраной. Боюсь, что в такой компании вам грозит заблудиться в путаных улочках Авена. А мне бы не хотелось, чтобы с вами или сиятельной герцогиней Байе

случилось нечто неприятное.

— О. Я уверяю, что обязательно учту все ваши пожелания, — чуть склонила голову Колливэ, провожая взглядом резко развернувшуюся и поспешившую удалиться королеву Арнгвирии в окружении ее пёстрого птичника, что вызывал у хостийской принцессы острое желание сделать себе новый головной убор из их разноцветных перьев.

И только сейчас Колливэ позволила себе злорадную, насмешливую ухмылку. На мгновение. Короткое и от того более сладкое и дурманящее.

— Вам и правда не стоило выбирать меня спутницей, — решила заговорить с принцессой Эрри. — Её величество не очень любит, когда ей перечат.

— Именно поэтому сиятельная герцогиня Байе выставила служанок, любезно предоставленных моей будущей свекровью? — улыбнулась Колливэ, приблизившись вплотную, и Эрри удивленно изогнула бровь. — Да, Эрвианна, даже в арнгвирийском дворце есть хостийские уши, — прошептала она, чуть поднявшись на цыпочки, к уху Эрри.

— И вы так легко мне об этом говорите? Не боитесь, что тут же побегу выслуживаться перед королевской четой?

— Мне говорили, что ты достаточно умна, чтобы понимать, за кем будущее Арнгвирии, — улыбнулась Колливэ, чуть сжав холодные тонкие пальцы Эрвианны.

— И кто же дал столь лестные рекомендации? Если не секрет... — насторожённо спросила герцогиня Байе.

На что получила самую обворожительную улыбку, на которую была способна принцесса хостийская, и короткое «Всему свое время».

— И да, Эрвианна, я пришлю свою служанку с отменной заживляющей мазью, привезённой из Хостии, — указала она взглядом на всё так же окрашивающиеся красным и даже бурым бинты на руке Эрри.

— Буду очень признательна.

— Надеюсь... — в который раз улыбнулась Колливэ. — До завтра, сиятельная герцогиня Эрвианна де Байе.

Эрри склонила голову, провожая принцессу Хостийскую, оставившую её в смятении и недоумении.

— Ты лишилась не только ума, но инстинкта самосохранения? —

мерила шагами покои герцогини Байе Валения. — Не явиться на пир в честь будущей королевы... да ты даже будучи на смертном одре не должна была такого себе позволять! Король весь вечер справлялся о тебе. Королева в ярости... — и тут же запнулась и резко повернулась к дочери лицом.

— Ну-ну! Не прерывайся. Может, не одна умная мысль осенит тебя, — посоветовала ей Эрри. — Король спрашивал... королева зла... кто ещё вспоминал о моём возмутительном отсутствии?

Валения широко улыбнулась и прошла по покоям, подцепив по пути бокал с вином.

— Дочь своего отца, — торжественно заключила она, опустившись в кресло и пригубив терпкое кильнское. — Даже не ожидала от тебя такой дерзкой выходки. Теперь королю его же придворные не дадут забыть о твоём существовании, — и тут же нахмурилась. — Вот только в каком свете предстанешь ты?

— Никого не удивит подобное, — отмахнулась Эрвианна. — Мой муж постарался, представив меня за эти два года слабым болезненным созданием, что одной ногой стоит в могиле. Так что... тяжёлые женские дни — не худшее, что со мной могло бы случиться после столь разительных перемен.

Валения хмыкнула.

— А я недооценивала тебя, Эрри. Может, ты и правда изменилась, как шепчутся по углам королевского дворца. Но мне казалось, ты беспокоишься за жизнь своего сына. Не думаешь, что сен Фольи усмотрит в подобных действиях некоторую... угрозу его и без того шаткому положению?

Эрвианна вмиг стала серьёзной, и в её глазах появился холодный блеск.

— Мы с ним как две крысы в одной клетке. И сжиться не можем, и загрызть друг друга права не имеем. Жаль только, что за своими душевными терзаниями я этого не понимала раньше. Сен Фольи не сможет сделать Дэнни ничего, чтобы вдруг не случилось чего со мной. А я не могу навредить ему, опасаясь, что тем самым его подручные... — голос её охрип и сел, но Эрри тут же прочистила горло и подвела итог: — В общем, этот замкнутый круг в силах разорвать исключительно король.

— Хм. А как же его письма о твоём нездоровье?



— Просто застраховался от неожиданного визита кого-то из высшей знати. Мало ли как... я могла выглядеть в этот момент, — выпалила Эрри, поморщившись.

— И что ты собираешься делать теперь?

— Пока не знаю. Слишком мало времени я при дворе, и это самое время бежит слишком быстро. Пока выясню причину столь пристального внимания Колливэ. Что-то не верится, что принцесса Хостийская вдруг вспылала добрыми чувствами исключительно ко мне. К тому же, — ухмыльнулась Эрри. — неужели ты думаешь, что я вот так стала бы делиться своими планами с той, кому не доверяю?

— Эрвианна! — возмутилась Валения, отставив кубок.

— Нет, мама. Я всё ещё зла на тебя. И тебе придётся постараться, чтобы я тебя простила.

Валения де Саменти фыркнула и покачала головой.

— Со временем ты поймёшь, почему мы все поступали именно так.

— Кто все? — подняла бровь Эрвианна.

Но Валения и так посчитала, что сказала слишком многое. Потому, кивнув дочери, удалилась, оставив по себе зудящую недосказанность и сладкий запах благовоний.

— Ты не собираешься рассказывать ей о библиотеке отца? — тихо спросила неслышно подошедшая Нэнси.

— Я вообще ей ничего не собираюсь говорить до тех пор, пока не пойму, что ею двигает. К тому же этой самой библиотеки не существует, Нэнси. И мне неприятно слышать, что ты так неосмотрительно об этом забыла.

Пожилая женщина тут же приложила пухлые пальцы к губам, показывая, что будет молчать впредь.

— Ты подготовила Оси?

— Да. Порой слёзы Луйвы творят чудеса, недоступные даже святым, мученикам и Великим, — усмехнулась она в ответ.

— Вот и прекрасно. Но в случае чего... Я не хотела бы рисковать больше, чем того требует ситуация. Слишком дорого придётся платить за малейшую ошибку.

— Надеюсь, до этого не дойдёт... — серьёзно обеспокоилась Нэнси.

— Я тоже на это надеюсь, — вздохнула Эрри. — Но нужно быть готовыми ко всему.

Служанка понятоливо кивнула и тут же позвала Оси.

Девушка была бледна, но больше ничем не выказывала своего волнения или страха. Она не дрожала, когда приблизилась к Эрвианне и стояла ровно, когда холодные пальцы герцогини коснулись её лица, шеи, ключиц, и Эрри прикрыла глаза, впитывая саму суть своей служанки, перенимая её образ, манеру поведения, способ мышления...

Это было сложно. Слишком привыкла Эрвианна к тому, что свой дар следует скрывать, к тому, что именно он может стать её смертным приговором. И в то же время волнующе — словно она стояла на перилах террасы над Бездной в Байе... И чуть болезненно — словно она сама себя заталкивала в жёсткий костюм не по размеру... Казалось, вот-вот — и треснет по швам, и расползётся ошмётками... Но нет. Получилось.

Оси терпеливо ждала. И только когда встретилась глазами с самой собой, чуть заметно вздрогнула.

— Ты останешься здесь, — приказала лже-Оси, которой стала герцогиня Байе. — Будешь прислуживать мне во время купания.

Служанка понятоливо кивнула, тут же отправившись в купальню.

— Думаешь, в этом есть необходимость? — спросила Нэнси, проследив за тем, как Оси плотно прикрывает за собой дверь.

— Никого не удивит, что простолюдинка, оказавшись так далеко от дома, в незнакомом месте, посещает часовню, прося защиты у Великих. А вот герцогиню Байе ничто не должно связывать с тем местом, — сказала Эрри голосом своей молоденькой служанки. — Я постараюсь не задерживаться, Нэнси, — бросила она на прощанье.

— Пусть берегут тебя Великие, — прошептала Нэнси, осеняя хлопнувшую дверь защитным знаком.

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Авен. Именно столица — лицо и сердце любого государства. Потому она всегда опрятна и полна пыли, которую пускают в глаза приезжим, послам и важным гостям. Именно столица — место, где при любых обстоятельствах должен царить идеальный порядок и величественная красота.

Но это ещё и то место, куда стекается разномастный сброд не только со всего королевства, но из-за его пределов.

Авен не был исключением.

Городской люд, всё это пёстрое, разноликое, галдящее множество народу, которого ещё не коснулся упадок, царящий во всей стране, разгуливал, привычно суетясь и наполняя узкие улочки столицы постоянным движением. Кто-то спешил в Главный Храм на воскресную мессу. Кто-то на главную площадь, глазеть на еженедельную казнь преступников. Кто-то в гости к родственникам. А кто-то на базарную площадь. Мелькали, как серые крысы, то тут, то там оборванные мальчишки-карманники, срезая кошельки у зазевавшихся прохожих. Разрывали толпу яркие одежды заезжих хостийских танцовщиц, и, едва касаясь жонглёрских рук, взлетали и населяли воздух огни факелов. Собирались в кучки талливийские наёмники. Срывали голоса торговцы, что привозили из Талливии, Хостии и даже Дорхи диковинные товары: драгоценные экзотические специи, придающие вкус не только еде, а и, по мнению ценителей — самой жизни; ткани — лёгкие, как ветер, и нежнейшие радужные шелка, от одного взгляда на которые мысли уносились на берег Свилинского моря. Переливались на прилавках неогранённые камни родом из Хостии.

Толпа гудела разными акцентами, наречиями и языками всего мира... Столица...

Колливэ, верхом на чёрном тонконогом жеребце, ехала по улицам Авена, окидывая цепким взглядом всё вокруг. Она любила базары и площади, на которых собирались толпы народа. Здесь всегда кипела жизнь.

Хостийка спешила у одного из прилавков, придерживав за узду своего чёрного, как самая тёмная ночь, жеребца. Она была отменной

наездницей, словно родилась в седле.

— Любая хостийская женщина найдёт общий язык даже с самой норовистой лошадью, — сказала Колливэ ещё возле дворца, когда Эрри подвели такого же чёрного жеребца, и один из дворцовых слуг помог ей взобраться в седло. — Когда нашим девочкам исполняется два года, отец просто обязан подарить ей лошадь. Иначе его заплюют и назовут курот. В вашем языке нет похожих слов. Оно означает «тот, кто не способен обеспечить семью необходимым имуществом». Курот презирают. Но я не о том. Когда мне было два, отец подарил мне Тал-Саам — Снежную бурю, белую, как первый снег. Она учила меня держаться в седле, а когда я подросла достаточно, то она выказала истинно женский нрав. Оказалось, моя кобыла любила только детей, и даже то, что я практически выросла у неё на спине, не умаляло её нелюбви ко мне. Мне едва удалось укротить её, — Эрри с сомнением посмотрела на коня, которого подвели для неё. — Но для тебя я выбрала самого спокойного. Его зовут Тахул, что на ваш язык переводится как Змей. Он послушный и тихий. Но пусть тебя не обманывает его покорность. Он быстр, как ветер, и его шаг ровен, как полёт сокола.

— Я давно не садилась в седло, — засомневалась Эрвианна в своих силах.

— И он это знает, — улыбнулась Колливэ, поглаживая жеребца по носу. — Но ты ему нравишься, и Тахул будет осторожен. Хостийские кони не простые животные. Они берегут тех, кто им по нраву. Но и ты должна будешь заботиться о нём лично. Иначе он обидится и не станет служить тебе.

На это Эрвианна не нашла даже, что сказать. Просто чуть неуверенно погладила шею жеребца, которой в свою очередь всхрапнул и тряхнул головой.

Вот и сейчас, когда Колливэ спрыгнула на землю, её конь тут же отгородил её маленькую фигурку от толпы. Отрезал от стражников и даже от её же служанок, что тоже передвигались верхом. Ткнулся носом в её плечо, заглядывая на прилавок, так заинтересовавший хозяйку.

— Эрвианна, подойди, — позвала Колливэ герцогиню Байе.

Эрри неуверенно перебросила ногу через луку, теперь понимая, почему принцесса хостийская настояла, чтобы она надела именно хостийский наряд, который утром принесли личные служанки Колливэ. Для верховой езды он оказался непередаваемо удобным. И, похоже, это

и было основной причиной того, что уже много столетий оставался традиционной женской одеждой Хостии. Даже активная внешняя политика не смогла этого изменить.

Эрри обошла застывшего подобно статуе жеребца принцессы и чуть не подскочила, ощутив на своей спине горячее дыхание Тахула.

— Не бойся его, — звонко рассмеялась Колливэ. — Он не обидит тебя и не позволит это сделать кому-то другому. Смотри лучше сюда, — указала она на украшения, разложенные на прилавке, и тут же быстро заговорила на хостийском диалекте, из которого Эрри почти ничего не могла понять.

Седой темнокожий торговец расплылся в широкой улыбке, видимо признав в юной девушке свою принцессу. Он то согласно кивал, то хмурился, то и вовсе спорил с Колливэ, перебирая товар и предлагая ей то одно, то другое украшение.

Эрвианна едва сдерживала улыбку, глядя, как покраснелась в споре принцесса хостийская, как возмущённо вскрикивает и хватается за сердце старый торговец... Но уже спустя десять минут оба широко улыбнулись, и Колливэ бросила мешочек с золотом на прилавок, забирая несколько колец, серьги и парные браслеты.

— Спасибо, моя госпожа, — сказал довольный торговец уже на чистом арнгвирийском, без малейшего акцента. — В этой стране совершенно не умеют торговаться, и я уже успел подзабыть, на что горазды наши земляки.

— Ты давно не бывал в Хостии? — тут же спросила принцесса.

— Более двенадцати лет, — признался старик. — С тех самых пор, как открыл в герцогстве Рив мастерскую.

— И как же идут твои дела?

— До войны моя семья ни в чём не знала нужды, — тут же помрачнел торговец. — Сейчас же... Людям не до украшений, если в животе пусто.

Колливэ кивнула.

— И ты приходишь с товаром в столицу?

— Нет! Этот путь я проделал, когда прошёл слух, что король Арнгвирии заключил союз с Хостией. И я надеялся хоть краем глаза увидеть свою госпожу. А так... дороги Арнгвирии слишком опасны, а мой товар слишком лакомая добыча, чтобы рисковать. К тому же,

гораздо безопасней и ближе торговать с Талливией.

— Даже несмотря на пошлину?

— Даже несмотря на некоторые растраты. Кроме того, оттуда мы везём продукты и зерно, что в разы дешевле, чем в Арнгвирии.

Колливэ кивнула, приняв к сведению всё, что услышала, и простилась с торговцем. А Эрри чуть заметно улыбнулась. Вот так просто принцесса хостийская узнала или подтвердила то, что уже и без того знала об основных бедах королевства, которым когда-то ей придётся править.

— Мой отец говорит, что никто не расскажет тебе о бедах страны лучше, чем торговец, изъездивший мир вдоль и поперёк, — сказала принцесса, когда они отошли от прилавка, ведя лошадей под уздцы.

— Он очень мудрый правитель.

— И я хочу стать достойной дочерью своего отца, — улыбнулась Колливэ.

— Пойдите! — выкрикнул позади давешний торговец, и женщины остановились.

Принцесса сделала знак стражам, которые уже попытались оттеснить старика. И торговец быстрым шагом приблизился.

— Меня расстроило, что прекрасной спутнице моей госпожи не пришёлся по вкусу мой скромный товар...

— О! Отнюдь. Я просто и не собиралась ничего покупать. Но ваши изделия совершенно удивительной красоты.

— В таком случае я хотел бы вам подарить одну безделушку...

И не успела Эрри и рта открыть, как на её тонком запястье щёлкнул выполненный на хостийский манер браслет шириной в два пальца. Но едва Эрвианна потянулась за кошелём, как торговец тут же замахал руками:

— Это подарок! Не обижайте меня деньгами, — и, низко поклонившись, скрылся в толпе, будто его и не было, оставив Эрри в недоумении вертеть подарок на руке.

— Не удивляйся Эрвианна, — сказала Колливэ, увлекая её дальше по улочкам базарной площади. — Мой народ любит приносить радость тем, кто им по душе. Хостийцы, как наши лошади, любят и защищают тех, кто им дорог. Но и не терпят предательства и легки на расправу над обидчиками. Даже если ранее считали их друзьями. Более того, с другом, который предал, у нас принято расправлять особо жестоко.

Колливэ замолчала, позволяя Эрри осмыслить сказанное. Хотя этого и не требовалось. Герцогиня Байе и так прекрасно понимала, сколь опасна дружба с любыми венценосными особами. И никогда не известно, в какой момент она может стать приговором...

— Я хочу предложить тебе свою дружбу, Эрвианна. Готова ли ты принять её, зная, что она сулит и чем опасна?

Эрвианна поджала губы, но уже спустя мгновение кивнула. Не стоит пренебрегать милостью, особенно если до конца не понимаешь, чего от тебя хотят.

— Это большая честь для меня, ваше высочество.

«И большой риск, учитывая, в какой ярости будет Ивсталия, едва узнает об этом», — добавила она про себя.

— В таком случае нам лучше вернуться во дворец и отпраздновать этот союз, — улыбнулась Колливэ, вскакивая в седло.

И Эрвианна последовала её примеру, в этот раз не прибегая к помощи слуг и стражников. Всё же Тахула, как и любого хостийца, не стоило дразнить.

В собственные покои герцогиня Байе возвращалась в глубокой задумчивости и смешанных чувствах. Покровительство будущей королевы — весьма ценный дар судьбы. Но в том-то и дело, что будущей. И пока настоящая жива и здравствует, это покровительство скорее грозит бедами, чем сулит выгоды. А с другой стороны, Колливэ создавала впечатление женщины целеустремлённой. Да и слова её заставляли задуматься, через что и через кого она готова переступить, дабы добиться своих целей. И пусть желания и стремления её были просты, сомнения терзали Эрвианну, когда она шла по коридорам королевского дворца.

Она даже не окликнула Нэнси, войдя в покои. Сбросила плащ и расстегнула широкий пояс.

— Наконец ты вернулась, — раздался красивый мужской голос, заставивший Эрри подскочить на месте от неожиданности. — Не хотел тебя пугать.

— Если так, то тебе это не удалось, Исгар, — резко выдохнув, ответила на его слова Эрвианна, силясь прийти в себя после неожиданной встряски. — Ты невыносим, как и прежде. Чем обязана?

Исгар поднялся с кушетки и прошёл по гостиной, приблизившись к Эрри. Да, всё такой же... Разве что появились неглубокие морщины

вокруг рта, чуть добавляя строгости его весёлому образу. А так... те же ямочки на щеках. Те же весёлые искры в глазах. Даже рубашка — неизменно белая, и всё так же расстегнуты две верхние пуговицы... Словно эти два года прошли мимо него.

— Тебе уже лучше? — спросил он, осторожно убрав светлую прядь с её лица.

Эрвианна нахмурилась и тут же выдохнула, чувствуя некую неловкость в его присутствии. И странное смятение, объяснить которое было сложно самой герцогине. Может, это было из-за слов сен Фольи, неожиданно приревновавшего Эрри к другу покойного мужа. А может, виной тому намёки Зерви, но теперь Эрвианна смотрела на Иса, с которым некогда могла часами болтать в садах Байе, иначе.

— Всё хорошо. Спасибо, но не стоило беспокоиться, — привычным нервным движением заправила она непослушную прядь за ухо.

— Что не может не радовать. Даже не хочется тебя расстраивать...

Герцогиня Байе тут же собралась и нахмурилась, приготовившись к чему угодно.

— Что-то случилось?

Исгар обнял её за плечи, увлёк вглубь комнаты, где усадил на кушетку и подал бокал с вином. Сам же присел рядом, просто сцепив пальцы в замок.

— Исгар, не томи, я прошу тебя.

— В Байе восстание, — обрушилось на Эрвианну, словно гром сухой грозы. — Не думаю, что это нечто грандиозное, но всё же. Вистер поручил подавление бунта мне.

Эрри прочистила горло, а после сделала большой глоток вина:

— Я так понимаю, мне это грозит...

— Пока король подозревает твоего супруга, но всё же подготовься к возможному визиту сен Атори. И будь осторожна в высказываниях в его присутствии. Не самый хороший человек, даже если может показаться обратное.

Что же, когда тебе несколько человек говорят одно и то же, не стоит пропускать это мимо ушей. Потому Эрри кивнула и, отставив бокал в сторону, взяла руку Исгара в свои ладони. Слова застревали в горле, рассыпались иголками по языку. Она не знала с чего начать и смеет ли просить.

— Зачем тебе всё это? — спросила она вместо заготовленной



просьбы. — Мой отец, Роневан, Федерик — они верили тебе. Какова цена предательства?

Исгар вздрогнул, поморщился, словно слова её прозвучали звонкой пощёчиной. И попытался освободить руку, но Эрри не позволила, с неожиданной силой сжав его ладонь.

— Скажи мне. Позволь мне оправдать тебя. Хотя бы для самой себя.

Показалось важным, чтобы он сказал. Услышать, что всему есть объяснение.

Но он молчал. Настолько тяжёлого молчания не слышали эти стены.

— Эрри... — начал он, но снова замолчал, высвободив, наконец, ладонь.

Нескончаемо долго Исгар боролся с желанием оправдаться перед женщиной, которая занимала его мысли, которую не удалось забыть ни с дорогими проститутками, ни с высокородными леди. Она была так близко, хотелось коснуться её, обнять, вдохнуть её особый свежий запах. Теперь, когда это могло бы быть...

— Шарам! — ругнулся он, сквозь зубы. — Прости, есть вещи, которые я не могу тебе сказать.

Лицо Эрвианны окаменело, снова превратившись в мраморную маску. Бесцветную и холодную. Повеяло морозом.

— Прости в таком случае. Мне не стояло заводить этот разговор. Я последую твоему совету и буду осторожна. Это всё?

Исгар поморщился от её тона, похожего на иней, осыпавшийся с голых веток, но всё же спросил:

— У тебя будут пожелания относительно твоих владений?

Эрри закрыла глаза, не в силах бороться с нахлынувшими эмоциями.

— Королевский поверенный лучше знает, как справиться с людьми, поднявшими бунт, — обронила она. И тем самым намекая, что пора бы оставить её в покое.

Исгар снова положил руки ей на плечи, чуть сжав, и склонился к её уху:

— Я всё тебе объясню, просто не сейчас. Позже. Я не изменял королю. И никогда не менял сторону. Твой отец...

Исгар запнулся, страшась переступить ту грань, которую

переступить нельзя, и резко выдохнул.

Горячее дыхание обожгло шею и лицо Эрвианны.

И тело, давно не знавшее мужской ласки, а лишь привыкшее терпеть грубые соития, неожиданно откликнулось на это тепло, обескуражив тем самым саму герцогиню и сбив её дыхание.

Именно поэтому она отстранилась, отвела взгляд.

— Ис, если это всё... Я устала сегодня.

Эрвианна не видела, с каким сожалением Кильн опустил руки, как досадливо поморщился.

В покоях герцогини Байе повисла тишина. Только ворвавшийся в открытое окно сквозняк укоризненно прогудел, вылетая в каминный дымоход.

— Чуть не забыл, — спохватился Исгар, уже поднявшись, дабы покинуть гостиную. — Меня просили передать.

И, вытащив из-за пазухи чуть смятый конверт, положил его на стол возле Эрри.

Она бросила рассеянный взгляд на бумагу и краски схлынули с её лица.

Корявые буквы, неровные строчки и привычное «твой Дэнни»...

Эрри резко встала, и комната закружилась сломанной каруселью. Смешались в безумный хоровод краски и оттенки, затягивая в темноту... но что-то удержало её на грани. Или кто-то.

— Что? Что с моим сыном? — сипя от спазма, сжавшего горло, и борясь с захлестнувшей паникой, спросила Эрвианна, снова присев на кушетку. — Как...

— С ним теперь всё будет хорошо. Он в Кильнии, под опекой верных мне людей. Никто его не тронет, Эрри. Теперь никто.

Герцогиня громко всхлипнула. Слишком резко втянув воздух и не в силах поверить, что всё это правда. Одинокая слеза скользнула по левой щеке, и Исгар, не удержавшись, смахнул её, едва коснувшись нежной кожи. И тут же отдернул руку, словно сам испугался своей смелости.

— Мы долго его искали, — сказал он, лишь бы разбавить эту тяжёлую тишину. — Но теперь с ним всё будет хорошо. Зато... Я так понимаю, теперь стоит беспокоиться о твоей судьбе.

— Ты знаешь о Дэнни? — спросила она, проигнорировав всё, что он говорил, глядя прямо в его глаза. Ответом ей был утвердительный кивок. — Кто ещё..?

— Не так много людей, как ты представляешь. Всего трое. И языки их связаны кровными печатями, снять которые может только человек с кровью Бремора де Саменти в жилах. То есть ты, Гилвер и Дэнни. Но твой брат не станет освобождать нас от этой клятвы.

— Моя мать?

— Точно не знаю, но мне кажется, что она не знает.

Эрри вздёрнула бровь, ещё не совсем осознавая произошедшее, не в силах принять его после двух лет панического страха и всё ещё выискивая подвох всюду.

— Там, под Валье... — начал Исгар и побледнел.

Мелкий бисер пота выступил на лбу, а белая рубашка окрасилась кроваво-красным.

Исгар хотел сказать что-то ещё, но Эрвианна тут же зажала ему рот ладошкой.

Она знала, что это.

Можно ли это назвать судьбой или случайностью, но именно этой ночью Эрвианна наткнулась на схемы и обряды относительно кровавых клятв и печатей. Тогда ей показалось странным, что Федерик не прибег к подобным методам. Весьма удобно.

Хотя как борец с магией, он не мог сам преступить свой же закон. И Эрри как наяву увидела отца, разворачивающего схему и уговаривающего короля на этот шаг.

— Не стоит, Ис. Я поняла. Этот героизм лишний. И всё же мне нужно подумать. Всё это несколько неожиданно.

Исгар кивнул, и она убрала руку от его губ, коснувшись ворота рубашки... и, отогнув его в сторону, открыла ужасную, словно только что вырезанную острым ножом, пульсирующую в такт сердцебиению, рану. Рана кровоточила, и потому разглядеть рунное плетение было практически невозможно. А значит, и выяснить, как снять его. Эрри провела кончиком пальца, очертив границы печати, и тут же убрала руку, стоило ему зашипеть сквозь зубы.

— Ты хладнокровна, как королевский лекарь, — хмыкнул Исгар, осторожно отводя её руку. — Но я смогу о себе позаботиться.

Эрвианна подозрительно сузила глаза.

— Уже приходилось?

За что была награждена хмурым тяжёлым взглядом.

— Конечно, я ведь был на войне. И мне приходилось получать

пусть не тяжёлые, но всё же ранения.

Эрри устыдилась своего вопроса и подозрительности, но спустя несколько мгновений снова взяла себя в руки.

— У меня осталось немного целебной хостийской мази. Яд тот ещё, но почти мгновенно залечивает любые раны, — она встала и, предварительно смыв кровь с рук в купальне, нашла на прикроватной тумбе баночку из мутного толстого стекла. — Только... тебе не стоит здесь оставаться. Сен Фольи и так вынюхивает и ищет повод устроить мне скандал. Кстати, он уже знает?

— Пока нет. Но это дело времени. Я попрошу короля отпустить его со мной как человека, имеющего прямое отношение к сложившейся ситуации. А там... всякое может случиться...

— Жаль будет, если случится, — скрипнула зубами Эрри. — Я бы хотела видеть, как он корчится в муках и бьётся в агонии.

Исгар ничего на это не сказал, просто потому, что он хотел ровно того же.

— Мне пора.

— Шарам... Как ты в таком виде пойдёшь по коридорам дворца?!

— Дорогая Птичка садов Саменти, — назвал он её старым прозвищем, которое долго преследовало её ещё тогда, когда она была тринадцатилетней девицей, только прибывшей ко двору, — я слишком долго живу под этой крышей, чтобы бродить у всех на глазах.

С этими словами Исгар де Кильн подошёл к камину и, найдя нужный камень, вдавил его внутрь кладки. Камин, шурша и сыпля пылью, отъехал в сторону, образовав узкий тёмный проход, от одного взгляда на который Эрвианну прошил озноб.

— Всего доброго, — бросила она ему вслед.

— И ты береги себя, — улыбнулся он, махнув левой рукой и тут же поморщившись.

Но только после того, как камин встал на место, Эрри обмякла, тряпичной куклой оседая на кушетку.

В голове, спотыкаясь о выбивающие зубную дробь страхи, металась десятки разных мыслей, и всё это доводило до безумия. Эрри потянулась за бокалом, но в дверь постучались и она, словно испугавшись, отёрнула руку.

— Да! Войдите, — разозлившись на саму себя, громко сказала Эрвианна.

В комнату вошла девушка из свиты принцессы, и Эрри, спохватившись и вспомнив, что её ждут, вскочила с места.

— Одну минуту, — сказала она, влетая в комнату, кое-как стащила хостийский наряд, переодеваясь в простое, но привычное платье.

Пришлось это проделывать самой, потому как служанок, к добру или худу, не наблюдалось. Но это не доставило лишних неудобств.

Единственное, что обеспокоило Эрвианну — это отсутствие в её покоях Нэнси.

Но скоро и это забылось. Затерялось в эхе шагов, отмеряемых постуком каблуков.

— Ты говорил, что просто передашь письмо. Ты обещал мне, что не станешь путать карты... Ты... — неистовствовала Безликая в сером плаще, разрезая застоявшийся воздух покоев, что числились за Исгаром де Кильном. — Ты едва не нарушил клятву, лишь бы забраться в её постель.

— Я и не думал забираться в её постель. К тому же... я действительно собирался просто отдать письмо, — возразил Ис, тонким слоем нанося на рану хостийскую заживляющую мазь.

Казалось, вязкая дрянь состояла из расплавленного железа, столь невыносимой была боль от её действия. И приходилось закусывать сложенное в несколько раз полотенце, дабы, потеряв самообладание, не прокусить от жгучей боли язык.

— Дай сюда, — вырвала Безликая у него баночку, стоившую не меньше, чем пара хостийских жеребцов, и стала осторожно наносить мазь, ровняя её быстрыми частыми прикосновениями.

Но уже через несколько мгновений боль постепенно стала отступать. И Исгар, выплюнув импровизированный кляп, тут же приложился к открытой бутылке виски.

— Её не в Хостии изготовили, а в самой Преисподней шарамы варили, — прошипел он, всё ещё жмурясь от пульсирующей боли и слабости.

— А ты продолжай в том же духе. Может, подохнешь, мне проблем меньше, — посоветовала Безликая.

На что Ис неоднозначно пожал плечами и тут же поморщился.

— Ты не потрудился спросить, как она поступит с сен Фольи?

— Нет. Но если Эрвианна ничего не предпримет, дабы избавиться от мужа, это сделаю я.

— Ничего ты не сделаешь, — жёстко сказала Безлика. — Ты сейчас же приведёшь себя в порядок и пойдёшь восхищённо вздыхать вокруг Зервины, чтобы король и на минуту не усомнился, что ты целиком и полностью в его власти. С какой стороны ни поверни, он должен думать, что сможет влиять на твои поступки. Но... если он и правда сможет влиять на тебя, Ис... как думаешь, что будет с твоей ненаглядной Эрри, если король будет не просто подозревать о твоих чувствах, а уверится в них?

На лице Исгара заходили желваки.

— Вот то-то же. Зерви, и никого пока больше. Она достаточно умна, чтобы использовать тебя, а ты достаточно к ней равнодушен, чтобы через неё на твои поступки никто не смог повлиять. Взаимовыгодное сотрудничество в удовольствие обеим сторонам.

— Это всё так мерзко...

— Зато действительно.

— Зерви... она уже и так едва не шипит на меня.

— Больше пускай слюни вокруг герцогини Байе... — но тут же она вздохнула и сказала уже спокойней. — Зервина будет молчать и принимать всё как должное, иначе один мой хороший знакомый однажды может потеряться и не донести ей радужную пыль.

Герцог Кильн закрыл глаза, устало откинувшись на спинку кресла.

— Порой я жалею, что согласился на всё это. Даже смерть на поле боя или топор палача теперь кажутся предпочтительней, — сказал он, снова делая глоток обжигающего талливийского пойла. — Мне кажется, что когда всё закончится, я никогда не смогу отмыться от этой грязи.

— Никто не сможет. Или думаешь, я испытываю безграничное удовольствие... — и тут же сама себя оборвала, едва не сболтнув лишнего. — Мне пора, — коротко закончила она и, резко развернувшись, провела рукой по зеркальной глади.

Зеркало пошло рябью и, не говоря больше ни слова, она ступила сквозь него, оставив Исгара наедине с его душевными терзаниями, болезненной безысходностью и бутылкой талливийского виски.

— Эрвиа-анна..! — пьяно улыбнулся король, когда чуть бледная, но оттого не менее прекрасная герцогиня Байе, уже привычно содрогаясь в омерзении от прикосновения к своему мужу, вошла в большую столовую. — Я безумно рад, что ты, наконец, к нам присоединилась.

Эрри широко и вполне искренне улыбнулась. Впервые за столь

долгое время у неё было хорошее настроение. Наконец Дэнни выскользнул из их лап, и теперь она была свободна в своих действиях. Случись это ещё год назад, Эрвианна бы не придумала ничего лучше, как убить своего мужа и самой броситься в пропасть Бездны. Но нынешняя герцогиня Байе была уже совершенно другим человеком. Она хотела мести. Хотела видеть, как корчатся от боли и мечутся от безысходности все эти придворные шавки. Она хотела стоять над ревушей толпой и смотреть, как королю Вистеру и её ненаглядному мужу Тевору сен Фольи палач сносит голову. Она хотела видеть отчаянье и боль в глазах королевы, когда её сына увезут неизвестно куда... И представляя всё это, она улыбалась. Искренне улыбалась, чувствуя на губах сладость кильнского и своего ликования.

И даже выволочка от верной Нэнси сегодня не могла испортить настроения.

Дэнни... Маленький, слишком рано повзрослевший мальчик, которому ещё так много предназначено...

— Мне безумно жаль, что столь слабое здоровье в который раз напомнило мне о том, что мы всего лишь смертные творения Великих, — сказала Эрвианна, притворно горестно вздохнув.

«Мелкие, лживые, подлые и двуличные. Алчные, жестокие и беспринципные. Похотливые и порочные...» — перечисляла Эрри про себя, улыбаясь и глядя прямо в глаза королю.

— Что ж. В таком случае я безмерно рад, что твоё самочувствие улучшилось. Смею надеяться, теперь мы услышим твою восхитительную игру на уфие? — спросил король, нахмурившись.

— Боюсь, пока я не готова снова касаться струн, — подняла она руку, перевязанную белыми бинтами.

И пусть Колливэ исполнила обещание, и молчаливая расторопная служанка нанесла вязкую жгучую мазь, что само по себе оказалось чуть ли не пыткой... Пусть спустя час после того, как девушка покинула покои герцогини Байе, на руке Эрри не осталось и следа от давешней раны — она не собиралась сейчас веселить придворных. Да и было бы подозрительно, если бы раны от струн затянулись столь быстро...

— Очень жаль, — вздохнул король, поднимая кубок с вином. — Тогда занимай своё место, Эрвианна. И позволяю всем присутствующим начать ужин.

Эрри привычно склонила голову и собиралась занять то место,

которое ей было выделено в первый ужин за королевским столом, но одна из служанок-хостиек ловко перехватила её и знаком велела следовать за ней. И каково же было удивление Эрвианны, когда девушка остановилась и отодвинула третий по счёту стул слева от королевы. Чьих это рук дело, несложно было догадаться. Как и зачем это было сделано... Стоило только взглянуть на королеву с перекошенным от злости лицом. Или на прячущую в кубке с соком улыбку Колливэ.

Эрри опустила на стул, чувствуя на себе такое количество взглядов, что воздух вокруг неё, казалось, загустел и накалился. Но это не могло смутить её. Улыбка на лице Эрвианны оставалась такой же естественной, как если бы всё происходило не с ней.

Фыркнула и тут же запила вином своё веселье Зервина, оказавшаяся по правую руку Эрри. Заскрипела зубами герцогиня Кильн, уступившая уже второй раз за несколько дней свое почётное место сначала Зерви, а теперь и ранее опальной, а ныне лелеемой королём и принцессой Хостийской, герцогине Байе. Едва сдерживала любопытство Валения де Саменти...

Загадочно улыбнулся Исгар де Кильн, едва заставив себя оторвать взгляд от Эрвианны, сидящей напротив. Задумчиво щурился герцог Берим де Гиуре. Запивал гнев вином почти в самом конце стола Тевор сен Фольи. И казалось — только три человека за столом оставались равнодушны к происходящему. Пьяный король, малолетний принц и невозмутимая герцогиня Адмерия де Тормен, методично чиркающая по куску мяса ножом.

Как бы то ни было, назад у Эрри дороги нет. В этом спектакле у неё пусть и не главная, но вполне видная роль. И она отыграет её, как и положено.

Зазвенели столовые приборы. Замельтешили слуги, сменяя блюда и разливая вино.

Эрри украдкой бросила короткий взгляд на сидящего напротив Исгара и едва заметно улыбнулась. Что бы он ни задумал, а Эрвианна была уверена: кто-кто, а герцог Кильн уж точно не причинит вреда Дэнни. И пусть эта мысль пришла позже — когда схлынула паника и мысли перестали напоминать потревоженный пчелиный рой. И пусть она понимала, что не одному Исгару ей нужно быть благодарной за развязанные руки и то ощущение лёгкости, что словно крылья



развернулось у неё за спиной. Эрвианна совершенно по-другому смотрела на герцога Кильна. А ещё... она твёрдо решила, что сегодня обязательно посетит часовню. Правда, совершенно не для молитвы.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ступеньки так и норовили выскользнуть из-под ног. За спиной смыкалась темнота, подгоняя уставшую, едва бредущую женщину. Личина, перенятая у служанки, плыла, трескалась и сползала, подобно коже змеи во время линьки. И Эрри, понимая, что не удержит её до своих покоев, сбросила чужое тело, как слишком тесное платье. И едва она приняла свой истинный облик, из груди вырвался облегчённый вздох.

Эрри даже не думала раньше, что это так сложно. Порой отец показывал ей силу Многоликого, перенимая образы конюха или оружейника и не снимая их целый день, а то и два. Эрвианна же не чувствовала за собой подобной силы. Чужое тело жало и норовило не то смять её сознание, не то слететь в любой момент. И чтобы удержать его, приходилось вкладывать слишком много сил, быть всё время подобно натянутой струне на уфии. И это было слишком. Слишком тяжело и изнурительно.

Даже сейчас в сознании то и дело всплывали отголоски чужих желаний. Простых, присущих любой женщине или девушке. Заработать денег, выйти замуж, родить детей... Что может быть проще этих желаний? Столь обычные для девушки низшего сословия, они в то же время были столь недостижимы для неё самой... Эрри даже ловила себя на том, что завидует юной Оси. А потому спешила отрешиться от них. Переключиться на собственные мысли, что путались в этот рассветный час да после бессонной ночи, мешались и отдавали полынной горечью на языке...

Там, в темноте библиотеки, для неё открывался совершенно другой высший свет. Она давно не питала иллюзий на предмет его чистоты. И всё же... Лист за листом, письмо за письмом, бумага за бумагой, исписанные нервным отцовским почерком, затягивали её в пучину пороков, присущих только тем, кто осознаёт всю сладость и искушения своей безнаказанности. И Эрвианне казалось, что минутой раньше она копошилась в потрохах протухшей рыбы. Отец хранил и, похоже, не стеснялся использовать человеческие слабости и пороки. Азартные игры, радужная пыль, извращённые постельные утехы, увлечение

тёмным колдовством... всё, что могло бы испортить репутацию или даже привести на плаху. Такое оружие при дворе — прочнее и надёжней стали. Но опасно оно не только для того, против кого обращён удар, а и для того, кто его наносит. Это танец на острие. Тонкое остриё клинка — готового при неловком движении отнять жизнь того, кто рискнул станцевать.

С тихим шорохом ступил в сторону страж, охранявший позорные тайны арнгвирийской знати и опасные секреты Эрвианны де Байе.

Она привычно сделала несколько глубоких вдохов, силясь выдохнуть запах тухлой рыбы, что преследовал её, суша губы до трещин.

Было душно. Так, как только может быть перед грозой. И темно, как бывает только перед рассветом. Тяжёлые разбухшие тучи прятали то ли ещё не погасшие звезды, то ли ещё не рождённое солнце. Порой они трескались лиловыми молниями, на миг освещая столицу яркими вспышками.

— Хоть бы капля упала! — пробормотала Эрвианна, вглядываясь в тёмное небо.

Но Великие оставались глухи к её просьбе. Ни капли, ни даже дуновения ветра, предвещающего грозу. Только сухая пыль и колючий песок, затягивающий, словно живой, мощёные дорожки, едва различимые в это время. И вонь затхлой воды, что несла ленивая Тезва до самого Свилинского моря.

Эрри вздохнула и, едва чувствуя ноги от усталости и чуть не сгибаясь под тяжестью опрометчиво подсмотренных знаний, побрела в сторону дворцовых стен. Цепляясь платьем за разросшиеся колючие кустарники и пряча голову под тонким покрывалом, что подчёркивало смирение дочери Великих. Скользнула в один из многочисленных входов, испугав сонного стражника, и, вкладывая последние силы, почти добежала до своих покоев. На этот раз пустых и сонных.

Она не стала будить Нэнси, дабы та помогла ей переодеться. И даже Оси, чтобы нагреть воду и обмыться. Эрри просто сбросила платье и забралась под тонкое одеяло.

Эрвианна не хотела думать о том, чем для неё выгодны и опасны записи отца. Не сейчас. Не сегодня. Слишком усталыми и приземлёнными были её мысли. Слишком незатейливыми желанья. И слишком тяжёлыми — веки и голова.

Сон принял её, как если бы всю ночь ждал на подушке её прихода. И Эрри была рада ему. Пусть недолгому, пусть тревожному и полному жутких видений. Но всё же сну...

В покоях стоял предрассветный сумрак. Плотные портьеры прятали от всевидящего ока небесного светила мирно спящую пару на широком королевском ложе. Тяжкий винный дух стоял в помещении, заставляя юную девушку морщиться даже во сне.

И всё же даже самый глубокий сон не мог оградить её от головной боли, что преследовала её с ночи. Но разве отказывают королям? Нет. Не в её интересах было, чтобы Вистер неожиданно охладел к ней или же и того хуже — отослал, подыскав не слишком чистоплотного, но достаточно алчного мужа, который будет припоминать ей чуть не каждый день, кто первым побывал у неё между ног... Это не входило в её планы. А потому, приняв порошок, что на время притуплял приступы мигрени, она последовала за привратником, явившимся в её покои среди ночи.

Король не любил её. Он вообще не был способен любить кого-либо. Ни свою королеву, ни даже, казалось, сына. Раньше он всем сердцем любил войну. Но и эту любовь у него отнял трон. Медвена сен Риелс это понимала. Как и то, что её умелые ласки — единственное, что позволяет удержаться подле короля.

Сладкими речами и хитрыми изворотливыми намёками она подвела Вистера ко многим решениям. К тому, что её старший брат достаточно образован и честен для того, чтобы заведовать королевской казной. К тому, что её младшая сестра достаточно преданна, чтобы наставить на путь истинный ненадёжного графа сен Орма. Вот только для себя она не просила ничего. А зря.

Ей уже почти двадцать. И время её на королевском ложе почти истекло. Почти истаяло. Её красота ещё не скоро увянет. Чёрные с синевой волосы, что спадали тяжёлыми кольцами до самой поясицы, не потускнеют, и их не тронет седина. Всё так же сочно и сильно будет её тело, всё такими же огромными и глубокими — чёрные глаза, а ресницы — длинными и пушистыми. И всё же... для короля она становилась слишком старой. Уже. Именно в этот момент он поглядывает на герцогиню де Рив, молоденькую жену герцога Тормен. А Эрвианна де Байе... даже будучи довольно старой, она удерживала внимание короля. И это невыносимо злило старшую дочь графа Риелс.

Она теряла своего короля. А Медвена не готова была разделить участь тех многих, что грели постель Вистера до неё. А значит...

Она поднялась тихо. Словно зашуршал сквозняк по душным покоем короля. Подняла тонкий зелёный халат, тут же окутавший её смуглое тело тонким шёлком. И вытащила маленький приплюснутый пузырёк размером с перепелиное яйцо, исполнявший роль подвески.

Едва слышно скользнула к столу с напитками и уже привычно отыскала ту самую бутылку, с которой Вистер начинал день вот уже целый год. И несколькими такими же заканчивал. Кильнское пятидесятилетней выдержки внесло свою дурманящую, терпко-сладкую ноту в букет запахов, что собрались в спальне за ночь. Разлилось пьянящим ароматом, к которому не мог остаться равнодушен ни один человек.

Тонкой струйкой заскользил порошок из пузырька, не касаясь стенок горлышка — и тут же растворился, натолкнувшись на поверхность рубиновой жидкости...

— Не спится? — хриплым сонным голосом спросил король.

Медвена не вздрогнула, не обернулась в его сторону, ловко наливая вино в два кубка и тут же возвращая на место опустевший сосуд.

Широко улыбаясь, она повернулась к Вистеру лицом и, держа в руках наполовину полные бокалы, плавной походкой дикой кошки направилась к ложу.

— Мне показалось, что моего короля мучит жажда, — сказала она, устроившись на самом краю широкой кровати и подобрав ноги.

Её голос был нежен, он обволакивал, обнимал, притуплял бдительность даже столь подозрительного человека, как король Вистер.

— Медвена, ты всегда читала мои мысли, — улыбнулся король, принимая один из кубков и тут же прикладываясь к нему.

Сама же Медвена сделала едва ли глоток и тяжело вздохнула.

— Мне жаль будет покидать вас, ваше величество, — тут же заговорила она, глядя, как королевские глаза заполняет знакомый страх. — Боюсь, едва я покину вас, та, что заменит меня на этом ложе, будет не столь верна, как вы того заслуживаете.

— Что ты хочешь этим сказать? — уже привычно подавляя приступ нахлынувшей паники, сдавленно спросил король.

— Арнгвирийский дворец полон ядовитых змей. И я не смогу спокойно спать, зная, что оставила вас одного среди них.

Король тяжело откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Ты права, моя маленькая Меди. И даже представить себе не можешь, насколько. Но не беспокойся, ты всегда будешь рядом со мной, — улыбнулся король, наощупь подхватывая пояс халата и распуская узел, что так некстати прятал от него такое совершенное женское тело.

Темнота не позволила ему разглядеть кривую надменную усмешку на лице той, что так сладко пела ему о верности и заботе...

Тяжёлые чёрные тучи затянули небо с самого утра. Урчали раскаты грома, рассекали небо сполохи молний. Но ни капли не проронили грузные налитые брюха. Неспешно плыли дальше. Куда-то за горизонт. Чтобы там прорваться ливнями, которые так нужны были земле Арнгвирии.

Эрри задумчиво теребила подаренный торговцем браслет, сидя на кушетке. Голова отказывалась соображать. Отказывалась анализировать то, что она узнала. И вообще была непривычно тяжела, подстать тем тучам, что уходили сейчас на запад.

— Лува, — позвала она, даже не поворачивая головы. — Налей мне вина.

Уже много дней Эрри отказывала себе в привычке начинать день с алкоголя, но сегодня... Сегодня ей хотелось забыться. Раствориться в дурманящем тумане винных паров и не терзать себя понапрасну. Не думать, не чувствовать. Утопить сводящее судорогой желание бросить всё и умчаться в Кильнию, обнять сына... Спрятаться от всего мира.

Но не так быстро. Она исчезнет, как только появится возможность сделать это незаметно. Ис поможет ей бежать. совершенно точно поможет. В Талливию. Или, может быть, Хостию. А может, в Дорху за Сианийским морем.

С другой стороны...

Её Дэнни имеет право на большее, чем жизнь изгоя. Его наследие больше, чем одно герцогство. Но именно оно может раздавить их, если выплывет правда о его родословной.

— Ох, Рон, как ты мог взвалить всё это на мои плечи? — прошептала она, тяжело вздохнув.

Нэнси, всё это время тихо сидевшая рядом и ковырявшая иглой ткань, силясь вышить на ней нечто прекрасное и затейливое, покачала головой, но смолчала.

Сиятельная герцогиня де Байе даже не взглянула на служанку, что, звякнув горлышком бутылки о бокал, налила вино и поставила его на жёсткий подлокотник, не решаясь прервать задумчивость своей госпожи.

Эрвианна не сразу взяла бокал в руки. Несколько мгновений она смотрела, как дрожит, словно в испуге, жидкость, цветом и густотой так напоминавшая сейчас кровь. Столько крови. Столько жертв у алтаря власти. Бессмысленных, глупых, оправданных и неоправданных. Столько смертей. Отец, казавшийся ей чистым и светлым человеком... На деле его руки тоже были по локоть в крови и грязи. Даже более, чем у других. Готова ли она так же изгваздаться в этой грязи ради единственного ребёнка? На этот вопрос герцогиня не знала однозначного ответа.

Будь всё по-другому... были бы живы отец и Роневан — она бы так и осталась лелеемым цветком садов Байе. Теперь же ей следовало отрастить шипы. Не просто колючие, а ядовитые. Научиться переступать через себя, через других...

И жить с этой грязью. Что самое тяжкое в этой ситуации.

Эрри задумчиво провела пальцем по краю кубка. Вино внутри, только успокоившись, снова испуганно задрожало, пошло рябью. О, ей тоже было страшно. Просто невыносимо страшно. Но... Мать права, само происхождение высшей знати подразумевает, что рано или поздно они будут вовлечены в дворцовые игры.

Эрри мечтала обрести однажды покой... Покой... нет. Покоя ей не видать, как бы она к тому ни стремилась, кто бы ни сидел на троне. Уже сейчас было ощущение, что с ней играют, как с котёнком. Слепым маленьким котёнком. Подталкивая, направляя, но не показываясь. И это злило, бесило. Не позволяло рассуждать здраво.

Эрвианна взяла в руки кубок и тут же выронила, зашипев от боли, что обожгла запястье и прострелила чуть не до плеча руку, на которой хостийский торговец защёлкнул браслет.

— Шшшшарам..! — ругнулась герцогиня, выронив кубок.

Тёмное кроваво-красное пятно расплзлось по ковру, въевшись в него намертво. Вряд ли теперь его отчистит кто-то.

Эрри оторвала взгляд от пятна и перевела его на застывшую бледную служанку. Отчего та не просто побледнела, а, кажется, посерела. А губы её стали отдавать синевой.

Эрвианна молчала. Но взгляд... этим взглядом можно было испепелить, стереть с лица земли. И Лува не выдержала. Упала на колени, заливаясь слезами.

— Я не могла отказать!. Не могла... — бормотала она.

И Эрри поморщилась, как от зубной боли.

— Кто? — упало тяжёлым камнем, вышибив воздух из худенького тела Лувы.

Служанка подняла полные слёз глаза и наткнулась на всё тот же холодный взгляд герцогини Байе.

— Королева, — упавшим голосом ответила она, уже не надеясь ни на прощение, ни на снисхождение. — Она вызвала меня сегодня к себе. Велела подсыпать в вино порошок, который вручила мне одна из её фрейлин.

— Что за порошок?

— Я не знаю, — едва слышно сказала Лува, слизывая с губ горькие капли отчаянья.

Эрри отвернулась.

За окном пророкотал очередной раскат грома. Само признание служанки, которой Эрри так опрометчиво доверяла, стало для неё раскатом грома. Глухим урчанием сухой грозы. И гремело где-то в груди. Но лицо её оставалось бесстрастным. Отстранённым. Словно не стояла она мгновение назад у края. И только подарок торговца удержал её по эту сторону тонкой грани жизни и смерти.

— Лува, что бывает с теми, кто покушался на жизнь высокородного? — глухо спросила она то ли у служанки, то ли у молнии, что разрезала тёмное брюхо тяжёлой тучи.

Служанка звучно сглотнула и распласталась на полу.

— Я прошу вас...

— Что бывает с теми, кто покушался на жизнь высокородного? — громче повторила вопрос Эрвианна де Байе, переведя взгляд на девушку.

— Их казнят.

— А их семьи?

— Тоже, — ответила та и задрожала, как осиновый лист.

— И что мне теперь делать? По закону, я должна буду доложить об этом начальнику стражи и главе тайной канцелярии. Уже завтра тебя и всех твоих родственников, включая детей, обезглавят. По совести, я не



вижу вины за ними. Но и тебе больше не могу доверять и держать при себе. Всё могло бы быть иначе, приди ты ко мне и расскажи всё как есть, а не последуй приказу королевы... — Эрри вздохнула. — Как мне быть, Лува?

Девушка молчала. Несколько минут колебалась, а после, словно приняла решение, резко поднялась и не подошла — подбежала к столику с напитками и выпила вино прямо из бутылки.

Эрвианна не пыталась её остановить, не окрикнула. Просто смотрела, как черты её исказились мукой. Как медленно начала оседать на пол, как хлынула изо рта кровь и тёмными каплями сорвалась с подбородка, добавляя новые штрихи в винно-красный рисунок на ковре. Как стекленели глаза... и спустя невыносимо долгие мгновения на полу уже лежало бездыханное тело.

Эрри сглотнула. Одинокaя слеза проложила дорожку от уголка глаза до подбородка. Было ли ей жаль молоденькую служанку? Было. Но что теперь можно было изменить?

Резким нервным движением Эрвианна стёрла со щеки солёную влагу и встала, обойдя тело.

Всё это время молчавшая, застывшая, словно парализованная, Нэнси встрепенулась.

— Что ты собираешься делать?

— Я — ничего. А ты — пойдёшь к начальнику стражи и скажешь, что на герцогиню Байе было совершено покушение. И если бы не несчастная служанка, то всё могло бы закончиться плачевно.

— То есть ты не намерена рассказывать о том, что это она, — кивнула пожилая служанка на тело у своих ног, к которому испытывала столько же чувств, сколько к испорченному ковру, — по приказу королевы пыталась тебя отравить.

— На каком основании? — зло спросила Эрри, всё ближе подходя к двери. — Некто неизвестный покушался на мою жизнь. И если бы Лува не попробовала вино, всё могло бы закончиться иначе.

Бросив это не то указание, не то предостережение, Эрвианна, шатаясь и едва волоча ноги, вышла из покоев, в которых пахло вином и смертью.

В голове не укладывалось, что королева решила так просто от неё избавиться. Просто не верилось. И в то же время... Колливэ слишком явно благоволила герцогине Байе. Слишком быстро набирала силу при

дворе. От принцессы Ивсталия не стала бы избавляться. Слишком ценным был союз с Хостией. А вот подрезать крылышки и немного осадить... Почему бы не за счёт неудобной Эрвианны?

Эрри со злостью ударила кулаком о стену коридора.

Нужно было что-то делать. И выход она видела только один. Исгар. Как бы то ни было, он до сих пор хранил верность покойному королю, а значит, мог бы помочь Эрвианне. Пусть не ответит на её вопросы, но хотя бы подсказать, как быть дальше. Кроме того, почему бы именно с ним не поговорить об условиях сделки и не оговорить свои требования к тому, на чьей стороне она будет вести скрытую войну.

Впервые за долгое время шёл дождь.

Крупные капли ныряли в пыль, взбитую лошадиными копытами и колёсами телег, словно свежемолотая мука, и оставались лишь воспоминанием о влаге. Казалось, дождевые капли испарялись, едва касаясь иссушённой земли, острой, как талливийские метательные ножи, травы или жёлтых скукожившихся листьев на деревьях. Растворялись в пыли, впитываясь в камни или просто растворяясь воздухе, к жару добавляя испарение. И потому дышалось тяжело. А влага эта становилась липкой слизью в горле.

Двое мужчин не пытались спрятаться от долгожданных капель, подставляя им лицо. И даже не взглянули на дородную сорокалетнюю Раву, жену Агвеля, что грозила длинной скалкой и громко звала их в дом. На что они только фыркнули, а сам Агвель заметил, что от этого дождя даже куры не прячутся.

— Как на раскалённую сковородку... — вздохнул тот, что моложе — Хугель, сын Агвеля, того, что держал надел на дальнем поле близ города Сиана графства Виале на востоке Байе. Почти на самой границе с Хостией.

Много лет этот участок земли кормил огромную семью Агвеля. Доставшись от отца, а тому от деда, который этот надел получил в награду за доблестную и честную службу рядовым солдатом ещё при короле Федерике Втором. Этот надел и дедовская слава — были гордостью семейства. И о дедовских заслугах, были они на самом деле или нет, рассказывали детям вечерами и не забывали напоминать, пеняя нерадивой молодёжи. Больше потому, что ни один из многочисленных мужчин этой семьи так и не пошёл по стопам деда. Избрав для себя жизнь мирную и спокойную. Да ещё и сытую. До недавних пор.

Но вот уже третий год пошёл, как земли эти стали бесплодны. Как и многие другие по всей Ангвирии. Урожая едва хватало, чтобы не помереть с голода. Но недостаточно для того, чтобы болезни миновали дом Агвеля. Этой зимой Великие забрали его младшую дочь, двух лет от роду, наказав её сухой задухой. Кашель душил её больше месяца, а в одно утро Сивла просто перестала дышать. Рава в тот день едва не тронулась умом и всё твердила, что это наказание Великих за грех бездействия. От чего Агвель отмахивался, глубоко в душе понимая, что в чём-то жена права.

Ещё неизвестно, даст ли хоть какой урожай их надел в этом году, а о следующем и думать не хотелось. И кто этой зимой уйдёт к престолу Великих. Он подумывал даже продать участок, но цена ему была медяк в базарный день, да и желающих купить его — поди найди.

— И за то спасибо Великим, — вздохнул Агвель, отпивая кислое пиво из кожаного бурдюка и моргнув от плюхнувшейся на лицо крупной капли.

Хугель поморщился, то ли уже ощущая во рту кислое отцовское пойло, то ли от его слов.

Как и многие юноши его возраста, Хугель был горяч и не желал довольствоваться малым. Он был первым, кто всерьёз подумывал достать, наконец, из ножен дедовский меч. Пусть он старый и местами ржавый. Это не беда, если есть желание и упрямство. Вот только... как бы ещё о том сказать отцу с матерью? Ну ладно отцу. Матери — как сказать?

Рава отличалась непростым нравом. И то, что вместо благословения на дорожку Хугель отведаёт её знаменитой скалки, было так же верно, как и то, что завтра взойдёт солнце на востоке, а сядет на западе. И уже от одной мысли о разговоре с матерью у Хугеля чесалось между лопатками. Иногда так, что он подумывал плюнуть на эту затею.

Но вот тут начиналось то, что звалось безумством молодости.

Поговаривали, и с каждым днем всё громче, что не сегодня-завтра огромная армия законного короля Ангвирии из династии Халедингов ступит на земли королевства.

Забравшись на чердак и растянувшись на прошлогоднем колючем сене, пятнадцатилетний Хугель иногда представлял, как эта армия пройдёт до самой столицы. Войдёт в главные ворота Авена под радостные выкрики толпы. Как красавицы будут забрасывать цветами

доблестных воинов, а после одаривать их ласками. И не кислым пивом будут потчевать их, а талливийским виски или кильнским вином. А после он смог бы вернуться, купить дом и выбрать себе жену, красивую и хозяйственную. И его дети не умрут от голода или болезни. Потому как сам Верховный пэйре обещал, что с возвращением законного короля больше не будет неурожаев и мора. И весть о том разнесли во всех храмах Арнгвирии. Хугель сам это слышал на службе, которую исправно посещал каждую двенадцатую субботу.

И скалка матери казалась таким мелким препятствием на пути к нормальной жизни, славе и богатству...

Ведь может же случиться так, что он отличится не хуже деда и получит свой надел, урожай с которого не будет делить с братьями и сестрами, кузенами и кузинами, племянниками, дядьями и тётками. И сможет потом передать своим детям.

Знал бы юный Хугель, что на деле пэйре просто сбежал от гнева монарха, которого пока никто ещё не сверг, и в руках которого была власть и право казнить и миловать. И уж тем более он не мог знать, что не так давно именно пэйре Визелий провозглашал Федерика Второго наказанием Великих. Правда, так и не пояснив, в чём же было это наказание.

Но откуда было знать Хугелю об этом?

— Отец, — наконец решился он, отхлебнув кислого пива из кожаного отцовского бурдюка. — Я хочу тебе кое-что сказать...

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тишина царила в маленькой часовне, спрятавшейся в королевском саду.

Тишина и тени, обрисованные раскачивающимся пламенем в плосках с маслом у ног Великих. Огонь казался неестественным, мистичным в часовне, которую посещали только сквозняки, пыль и вездесущий песок. Он выдыхал вверх хвосты чёрного дыма, и тот растекался по тёмным углам.

Исгар застыл в центре золотого солнца на идеально ровном полу, вглядываясь в лица мраморных статуй, лишённые даже намека на эмоции.

Герцог Кильн сам не мог понять, зачем пришёл сюда глубокой ночью. Нет, конечно, знал — ради обращения к богам, для того, чтобы хоть немного облегчить душу, обрести покой, которого не знал уже долгое время.

Но слова молитвы казались пустым сотрясанием воздуха, мольбой к глухим богам. Сознание этого злило.

Насмехалось шелестящим шорохом песка эхо. Гневились Великие ворчанием грома. Нужно было что-то сказать, чтобы разогнать наползающие тени, но Исгар молчал.

Королевский сад взвизгнул девичьим смехом. Зашептал мужским гудящим басом. Тут же гаркнула на него сухая гроза, и сад затих.

Но и этого Исгар не заметил, провалившись в свои мысли, страхи и терзания совести, увязнув в них, как муха увязает в молодом меду. Наверное, если бы он не смотрел прямо на статую Великого, то не сразу бы и заметил, как она вздрогнула и пришла в движение. Исгар моргнул. После ещё раз, словно испугался, что повредился умом. Но нет. Она и правда отступила в сторону, открыв проход, вздрагивающий ярко-алым светом живого огня.

Герцог Кильн сделал шаг назад и замер от удивления, когда из прохода вышла женщина.

Эрвианна. В трёх шагах от него, из плоти и крови, но именно потому это казалось очередным видением. Нереальным и парализующим. Уставшая и рассеянная, она замерла под шорох

закрывающегося прохода. Её глаза расширились от удивления, на лице мелькнула досада и злость, но тут же Эрри взяла себя в руки. Вздёрнула подбородок, и блики тревожного пламени отразились в глазах.

На смену испугу пришла злость. Не на Исгара, которого совершенно не ожидала здесь увидеть. На себя. За то, что потеряла бдительность. Забылась и стала слишком беспечной. Что же. А ведь на месте Исгара мог оказаться кто угодно. Вплоть до графа сен Атори. И эта оплошность стала бы для Эрри последней.

На улице снова раздался женский смех, гораздо ближе, чем в прошлый раз, и Исгар, прошипев сквозь зубы тихое ругательство, бросился к Эрвианне. Преодолевал три разделяющих их шага и замер в нерешительности. Но смешок повторился совсем близко и Ис, скрипнув зубами и обронив тихое: «Проклятье!» — отмер.

Эрри не сопротивлялась, когда он взял её лицо в ладони, и, немного помедлив, склонился к её губам, коснувшись их лёгким поцелуем.

Она вздрогнула от неожиданности и прокатившейся по телу дрожи. Страх ли это был? Как ни удивительно, это было другое чувство. Страх был несколько мгновений тому. В этот же момент она чувствовала другое. Руки будто сами по себе потянулись к его телу, скользнули по спине вверх. Пальцы сжались, словно пытались удержать её от необдуманного поступка, отчаянно цепляясь за тонкую ткань его неизменно белой рубашки. А губы предательски сами открылись, словно просили большего. И сердце ухнуло в живот, как только он углубил поцелуй, а ноги подкосились, не устояв на качнувшемся, как корабельная палуба, полу.

И голова пошла кругом, стоило его рукам опуститься на её плечи, а после соскользнуть на талию, крепко обнять... Миг, за который в голове мелькнул проблеск здравого ума и тут же был вытеснен, словно в объятьях Исгара не было места рассудительности.

Шорох. Шёпот песка, смешанного с ворвавшимся в часовню сквозняком. Женский вскрик и мужское ругательство.

«Идём отсюда! Здесь занято», — словно холодный ливень в зной, упало на разгорающееся, лишшающее разума желание.

Этого хватило, чтобы Эрри пришла в себя, разозлившись на пульсирующее в животе сожаление.

Резко разорвала поцелуй, прикрыв на миг глаза, дабы не выдать желания, помутившего разум.

Исгар перевёл сбившееся дыхание. Неимоверным усилием воли он снова взял себя в руки.

— На рассвете я покину королевский дворец, — сказал он, убрав руки с её талии и, для верности, сцепив их в замок за спиной. — Но когда я вернусь, ты мне всё объяснишь.

Эрвианна упрямо поджала губы и холодно обронила:

— Доброй дороги, Исгар.

И быстрым шагом покинула часовню, словно спешила сбежать от того, что здесь произошло.

— Девочка моя, ты хоть осознаёшь, как рисковала?! Понимаешь, как близко прошла к плахе? — стонала Нэнси, вышагивая по комнате в покоях Эрвианны де Байе. — Я боюсь даже думать, что могло бы случиться, если бы... О, Великие!

Эрри словно не слышала её. Смотрела из окна вслед удаляющемуся отряду и молчала.

Да, она прекрасно понимала, чем всё могло для неё обернуться. Но сейчас разум её беспокоило другое. Глядя на удаляющуюся фигуру Исгара, Эрвианна чувствовала непередаваемую тоску. Словно её снова бросили. Сжималось сердце, которому сложно объяснить всю нереальность глупых надежд на терпимое будущее. У кого угодно оно есть, у неё — нет. Не с ним. Один поцелуй — это всего лишь отдушина, через которую она вдохнула свежего воздуха, чтобы не задохнуться в водовороте отчаянья и дворцовых интриг. Один поцелуй, смутивший её разум, заставивший кровь быстрее побежать по венам и позволивший родиться в голове дурацким мыслям, отдающим горечью нереальности. Почему? Почему именно сейчас?!

Один поцелуй, который, скорее всего, Ис забыл, едва солнце показалось из-за горизонта. И ей нужно сделать то же.

Это ничего не значит. Просто Эрри соскучилась по ласке. По нежности, страсти. Совершенно ничего не значит этот один поцелуй.

— Нэнси! — отвернулась от окна герцогиня Байе, оборвав на полуслове служанку. — Прекрати, пожалуйста. Через час мне нужно быть неотразимой.

— Я беспокоюсь о тебе. Сейчас даже больше, чем полгода тому в Байе, — устало сказала Нэнси, словно подводя черту. — Исгар де Кильн может тебе нравиться, но не подпускай его слишком близко. Никого не подпускай. Ты не можешь себе этого позволить...

— Я знаю, что могу, а чего не могу! — зло процедила Эрри. — А ты, будь добра, не забывай своё место. И приведи меня в достойный вид. Полагаю, мне стоит ещё ждать гостей перед игрой в равельгор.

Холодный тон Эрри несколько остудил негодование бывшей нянюшки.

— Да, ваше сиятельство, — обронила она и отправилась в купальню.

Эрвианна перевела дыхание, подавив желание обернуться к окну.

Всё это только мимолетная слабость, от которой больше проблем, чем пользы.

Дождь барабанил по растянутому над головой тенту, отбивая ритм только ему известной мелодии. Порывы горячего сырого ветра забрасывали брызгами расположившуюся в ложах знать. Отчего придворные дамы громко возмущались, морщились и вздыхали об испорченных причёсках и нарядах.

У Эрвианны уже порядком разболелась голова от этой пустой трескотни. Но она продолжала кивать, улыбаться и фальшиво сочувствовать дамам. Сама же она хотела оказаться как можно дальше от этого веками проклятого места. Болезненные до головокружения воспоминания накатывали одно за другим, выбивая её из реальности.

Порой она застывала, уставившись пустым взглядом в мокрый песок, что застилал площадку внизу. В этот раз там не было помоста. Не было пленников и палача. Но Эрри казалось, что стоит моргнуть — и всё повторится. Всё произойдёт снова. Стоит отвернуться, и взрвёт толпа, смакуя кровавую жертву. И в голове снова в такт барабанной дроби дождевых капель и громовым раскатам прозвучит: «Уже всё!», преследующее её ночами по сей день.

Раз за разом приходилось глубоко вдыхать и медленно выдыхать, дабы взять себя в руки. И делать это так, чтобы не привлекать ненужного внимания. И отвлекаться на что угодно, дабы не выдать своего состояния.

Это место претерпело изменения за последних два года. Королевскую лужу оберегал от ветра, солнца, пыли или дождя натянутый над головами тент. Для знати смастерили короткие лавки, обтянутые гладкими, приятными на ощупь шкурами сирков. Мелких, размером с кошку, короткошёрстных хищников, цветом схожих с мокрым песком, что водились только на юге Арнгвирии. Шкура с виду



невзрачных, похожих на облезлую лису зверьков имела весьма немалую цену.

Отловить их было сложно тем, что из своих нор они выходили исключительно ночью и охотились стаями. Они не боялись человека, как боятся его многие иные животные, и не всем добытчикам удавалось вернуться с такой охоты. Зато шкура их стоила дорого. За десяток сирков можно было купить себе надел. А за пять десятков — дом, и не самый плохой.

На высоких столиках стояли вазы с фруктами, кубки и кувшины с вином, а слуги следили за малейшим жестом, дабы услужить занявшим левую часть ложи дамам или живо обсуждающим и делающим ставки лордам справа от возвышения, которое должны занять король и королева с наследником. А теперь и принцесса хостийская.

К слову, теперь это были два огромных мягких кресла и ещё два поменьше, для принца и принцессы.

Эрри скрипнула зубами, наткнувшись взглядом на маленький столик, на котором стояло блюдо с яблоками и кувшин с вином, и тут же отвернулась.

Для простолюдинов тоже теперь были отведены места. Правда, сидеть в присутствии королевской четы было так же запрещено, как и подниматься на тот же уровень, что и знать. Да и вымокшие до нитки простолюдины, что толпились у высокого бортика, выбивая себе места получше, были далеко не из бедных или даже срединных кварталов Авена. Не вызывало сомнений, что дабы поглазеть на высокородных господ и их развлечения, они выложили весьма кругленькую сумму.

— Федерик никогда бы не опустился до того, чтобы устраивать представления для богатых простолюдинов, чтобы набить карманы, — на грани слышимости прошипела Валения, расправляя складки на платье.

Да. Федерик Второй не стал бы опускаться столь низко, продавая возможность поглазеть на знать. Во времена его правления королевская казна не требовала столь унижительных средств наполнения.

— Халединги вообще не позволили бы себе весьма многое из того, что позволяют себе Смиле, — так же едва слышно прошептала Эрвианна, припоминая утренний инцидент и едва не скрипя зубами от злости.

Весть о покушении на герцогиню де Байе так и не выползла из

покоев Эрри.

Впрочем, она и не надеялась, что расследование будет гласным. По правде говоря, Эрвианна сомневалась, что оно вообще будет.

Это стало окончательно ясно в тот же момент, когда в её покои вошёл граф Атори собственной персоной. И пусть вид его кричал об участии, сочувствии и возмущении, неуловимый флёр фальши, искусного, почти правдивого лицемерия и подозрительности тянулся за каждым его словом.

Представился он как глава управления по расследованиям спорных инцидентов. Но даже неискущённому придворному человеку было понятно, что статус его был гораздо выше. Как минимум — следователь тайной канцелярии или личный подручный короля, исполняющий те поручения, о которых не принято говорить вслух. И этот вывод Эрвианна сделала бы, даже не зная, что на самом деле Атори — королевский палач. По цепкому взгляду, острому, как лезвие, от которого становилось по-настоящему страшно.

— У вас есть враги, которые могли бы желать вам смерти? — холодным, лишённым любого эмоционального окраса голосом спросил Роберт сен Атори.

«Множество. Начиная с моего мужа и заканчивая королевской четой, что спит и видит, как наложит свою лапу на герцогство Байе. Учитывая, что со дня на день станет известно, что Дэнни уже не в их лапах, а исчез. Вот тогда мне придётся оглядываться на каждом шагу».

— Что вы, ваша светлость. Я даже представить не могу, кому могла понадобиться моя смерть, — обронила герцогиня Байе, вытирая почти искреннюю слезу белоснежным платком и добавляя драматичности громким всхлипом.

Глава управления по расследованию спорных инцидентов ухмыльнулся. Этим явно продемонстрировав, что совершенно не оценил её лжи. Но и правда была слишком опасна. В первую очередь для самой Эрри. Потому она продолжала рыдать и всхлипывать, втайне мечтая, чтобы этот спектакль поскорее закончился, и её оставили в покое.

К тому же Оси принесла не самые приятные вести. Герцог Кильн отбыл в Байе вместе с графом Тевором сен Фольи и довольно большим отрядом воинов.

За последние два года пламя восстания разгоралось уже третий раз.

Первые два удалось потушить почти мгновенно и обойтись малой кровью. Что могут землепашцы и ремесленники против опытных воинов? Тогда единственным, о чём просила Эрри верного ей Явгу Ола, которому смогла выбить место командующего военными отрядами, было — чтобы он обошёлся без ненужных жертв. И он справился с этой задачей настолько, насколько это было возможно под рукой сен Фольи. Обошлось без сожжённых деревень и вырезанных селений. Чуть больше двух десятков зачинщиков, тела которых раскачивались в петлях на людных трактах в назидание тем, кто питал надежды на смену монарха — так герцогиня Эрри считала это небольшой платой за покой и мир на землях.

Тогда удалось не привлечь королевского внимания, как и не привлекать войска. Теперь же...

Эрри судорожно вздохнула, представив, чем обернётся визит Кильна в Байе.

Но было и ещё кое-что, не дающее ей покоя...

Она волновалась за Исгара. За эти два года она прекрасно изучила своего муженька, чтобы сказать однозначно — к нему нельзя поворачиваться спиной. Осознаёт ли Исгар всю степень опасности?

Эрри злилась на саму себя, что не предупредила Кильна. И повторяла про себя, что не может его потерять. Просто не может. Не его и не сейчас.

И не только потому, что в его владениях был Дэнни, а потому, что он был нужен ей. Просто нужен...

— Ну-ну, леди Байе, не стоит так волноваться. Всё обошлось, — истолковал по-своему её состояние граф Атори. — Если вам так сложно об этом говорить, я могу нанести визит в другое, более удобное для вас время.

«Любое время для вашего визита будет неудачным», — просилось на язык.

— Я слишком потрясена случившимся. Моя служанка погибла на моих глазах... это слишком... — Эрри в который раз всхлипнула, а голос её сорвался и охрип. — И наш разговор действительно лучше бы перенести.

Он понятливо ухмыльнулся и, раскланявшись, исчез так же незаметно, как и появился.

Вот тогда Эрвианна едва не дала волю злости и эмоциям,

обуревающим её в тот момент. Хотелось крушить и топтать всё вокруг. И сложно описать, каких усилий стоило ей сдержаться.

Нужно ли говорить, что даже матери Эрри рассказала о случившемся лишь в общих чертах. И, конечно, не стала упоминать о предсмертных словах Лувы. Даже с Валенией не стоит обсуждать подобное.

Хватит того, что Нэнси была в курсе всего. Подобные знания не способствуют спокойному сну и долгой жизни.

Нервный ветер в очередной раз бросил под тент горсть горячих капель, и Эрри вздрогнула, выдернутая из своих мыслей.

Рядом на широкую мягкую скамью опустилась Зервина де Смиле. Что весьма удивило не только саму Эрри, но и многих придворных дам и лордов, которые даже забыли замаскировать своё удивление ничего не значащей трескотнёй, и в королевской ложе воцарилась неестественная тишина. Даже Валении понадобилось несколько мгновений, чтобы совладать с лицом. Одно дело их сухой разговор у входа в храм, другое — открытое проявление благосклонности к герцогине Байе. Фрейлины королевы притихли, нюхом чуя неладное.

Впрочем, это не смутило племянницу короля. Она широко улыбнулась и кивнула сразу всей женской половине двора. Тем самым будто дав разрешение продолжать обсуждать капризы арнгвирийской погоды и предстоящее развлечение. Мужская же половина вернулась к обсуждению ставок на равельгоре.

— Сиятельные герцогини, — улыбнулась Зерви, вернув всё внимание Эрвианне и Валении. — Как ваше здоровье?

Ничего не значащий вопрос в этот день казался чуть не издёвкой. Особенно из уст Зервины де Смиле. Но придворный этикет предписал улыбаться и вежливо отвечать любезным «всё хорошо». Что, впрочем, и сделала Валения, обретя дар речи.

— А с чего это тебя стало интересоваться моё здоровье? — улыбнувшись и кивнув поднимающемуся по ступеням Эрвину де Харимэ, спросила Эрвианна.

Зерви последовала её примеру и вежливо кивнула герцогу, что, ответив на приветствие герцогинь и не выказав при этом ни малейшего признака удивления, присоединился к мужской половине двора. И склонилась к уху Эрри:

— Поговаривают, что вина в королевском дворце нынче особенно

кружат голову, — прошептала она. — Настолько, что хмельной бред глушит все доводы разума.

И тут же отстранилась, дав знак служанке наполнить бокал вином, а Эрвианне — возможность обдумать её слова.

Худенькая черноволосая служанка молниеносно исполнила требуемое и исчезла, словно и не было её.

— О чём ты? — спросила Эрри, неосознанно скомкав в кулаке подол отсыревшего платья.

Зервина мазнула по краю бокала губами, даже не смочив их в вине, и положила ладонь на сжатый кулак герцогини Байе.

— О том, что ты уже сделала неправильные выводы, Эрри. Но если отбросишь эмоции — поймёшь, что покушение на твою сиятельную задницу меньше всего выгодно королю и королеве, — всё с той же улыбкой сказала Зерви, чуть сжав пальцы Эрвианны. И, сразу же убрав руку, поднялась с лавочки, кивнула герцогине Саменти и направилась к своему месту, поближе к трону королевы.

— Как я понимаю, мне так и не даровано прощение, — глядя вслед де Смиле, прошипела Валения.

— Не стоит всё принимать близко к сердцу, мама. Некоторые вещи безопасней не знать, чем знать, — ответила Эрри, поднимаясь с места и склоняя голову в знак приветствия королевской четы, принца и принцессы хостийской.

Что может быть сложнее, чем поиски правды? Особенно там, где её никогда и в помине не было.

Рассадник лжи и интриг — вот чем был королевский дворец. Таким он был при Халедингах. И глупо было бы думать, что что-то изменилось при Смиле. Скорее, всё стало ещё сложнее. Ещё опаснее. Ещё тоньше стало лезвие, по которому ходит придворная знать. А король на троне — ещё подозрительнее.

Федерик не так рьяно заботился о своей безопасности, возложив эти обязанности на герцогов Байе, Кильна и Саменти. Хотя на деле покойный король верил в свою неуязвимость. Совершенно напрасно, как оказалось.

«Эрри, нет ничего постоянного. И самое непостоянное — власть. Королевский трон — это песочный замок на берегу моря, который укрепляют не водой, а кровью, страхом, шантажом, слезами сирот и вдов. Деньгами. И если монарх забывает об этом, трон съедает его», —

говорил отец.

Тогда Эрвианна считала ужасными подобные слова. Это не могло быть правдой!

Но увы, заблуждение, присущее юной девушке, выращенной в любви и заботе, быстро разбилось о жестокость и суровость реальности.

Вистер не стал повторять ошибок своего предшественника. Трон под ним укреплялся каждый день.

Его подозрительность становилась просто невыносимой.

Что уж говорить о королеве Ивсталии...

Сравнивать её с Тинэрией Халединг, последней королевой династии Халедингов — неблагоприятное и глупое занятие. Тонкая, свежая и нежная, как едва распустившийся первоцвет, и такая же сильная и выносливая. Всегда поражала двор своей красотой и... жёсткостью. Ни высшая, ни тем более низшая знать не смели ставить под сомнение её слова и поступки. Хотя стоит отметить, они всегда были оправданны и разумны.

В случае же с королевой Ивсталией... сложно вообще что-либо говорить. За то время, что герцогиня Байе провела при дворе Вистера Первого, ясно стало только, что королева здесь лишь видимость. Да, приличия соблюдены. Она не управляет двором, не следит за дворцом, не участвует в политических обсуждениях. Странно, что Ивсталия вообще почтила вниманием Эрри. Почему? И что у неё на уме?

Эрвианна де Байе запуталась, как муха в липкой паутине. Могла ли королева приказать подмешать яд в её вино? Или Зервина права, и она цепляется за то, к чему её усердно подводят?

Что бы получила королевская чета от её смерти? Деньги Байе. Огромное состояние, которое Эрри стерегла, как огненный дракон, и отвоевывала у мужа каждый медяк. И платила за него... дорого платила. Но и не могла позволить Тевору разрушить то, что осталось от её покойного Рона единственному сыну. В то же время, так ли обнищала королевская казна, чтобы всколыхнуть новую волну подозрений и недовольства высшей знати? С одной стороны, это опасно. Потому как носители древней крови в состоянии ощутимо пошатнуть трон под и без того неуверенно на нём сидящим Вистером. Как это случилось с Федериком. А с другой, Смиле отличились именно тем, что попрали обычаи и традиции, соблюдавшиеся веками. Смешать кровь высшей и низшей знати, угрожать жизни единственных наследников, продавать

простолюдинам право глазеть на знать... Что мешает им убивать?

Эти мысли разрывали её спокойствие, как стервятники, раздирающие ещё не остывший труп. Дрожала маска высокомерного безразличия. То и дело с мраморного лица сползала вежливая, ничего не значащая, улыбка. И раз за разом возвращался взгляд к невозмутимо взирающей на арену королеве. Если она и была причастна к утреннему инциденту, то мастерски это скрывала. Ни одна мышца не дрогнула на лице, когда Эрри склонила голову в знак приветствия. Да и сейчас Ивсталию больше интересовали циркачи, исполняющие невообразимые по сложности кульбиты в воздухе, чем сиятельная герцогиня Байе. По крайней мере, она не давала повода усомниться в этом.

Где искать правду? И стоит ли она того? Что она сможет сделать королеве?

Многое. Особенно если...

Эрвианна перевела взгляд на внимательно выслушивающую своего будущего жениха и мужа Колливэ. Ещё одна растоптанная традиция. Хостийка не имела права занимать трон подле наследника, не будучи его женой. Да что там женой. Она и невестой была только по договору, а не по правилам. Не было помолвки в Храме. Их не связал пэйре алой лентой.

Герцогиня закусила губу, отвернулась и уставилась на арену, изображая неподдельный интерес. На деле же раздумывая, что делать дальше.

Эрри даже не заметила, как исчезли, словно испарились, циркачи. Как притихли простолюдины внизу, а дамы, наоборот, зашуршали юбками, продвигаясь ближе к бортику. И вздрогнула, когда зашевелился мокрый песок, пошёл волнами, как беспокойное море. И один за одним начали подниматься из него самые настоящие равли.

У герцогини Байе даже возникло желание протереть глаза, дабы убедиться, что это не выверт её подсознания.

Четыре здоровенных взрослых особи равлей сейчас стояли там, внизу. Быстрые, сильные и очень опасные. Страшные, наверное, лучше сказать.

Четыре грязно-серые ящерицы размером с лошадь. С острыми шипами вдоль позвоночника и жалом на хвосте. Тонкие кривые лапы, что заканчивались длинными изогнутыми когтями. Острая морда с огромной пастью, набитой кинжалами длинных зубов. Красные глаза со

щелями чёрных вертикальных зрачков. И раздвоенный чёрный язык, раз за разом подметающий арену.

Эрри забыла, как дышать, и только когда встретила глазами с одним из равлей, всхлипнула и оглохла от грохота собственного сердца.

Вот что значит настоящий первобытный страх. Так похож на тот, что настигает её каждый раз, стоит оказаться в темноте и тесноте. Когда пот стекает ручьями по спине, но в то же время тело сотрясает дрожь и мурашки ползут вверх по ватным ногам, пробираясь по спине до самой макушки. Сердце колотится где-то в животе, и одновременно гложешь от его грохота в ушах. А мир вокруг перестаёт существовать. Хочется сбежать, а сдвинуться с места — нет ни сил, ни воли. Но стоит сделать шаг — и уже никто не сможет остановить тебя, пока не свалишься с ног, хватая воздух ртом.

Вот что такое настоящий страх. Или, правильней сказать, ужас.

Животное едва заметно качнуло головой. Словно отвесило короткий поклон герцогине Байе, и её словно прошила молния. Но именно это позволило ей оторвать взгляд, взять себя в руки, немного успокоиться.

Равль прижал голову к песку, словно обычная дворовая собака, и резко крутанулся, разбрызгивая в стороны комья песка, осыпая им нижние ряды. И толпа отмерла. Кто-то взвизгнул, кто-то выругался. Но в основном это был рёв восторга. Равли, привыкшие к такому, кружили по арене, бросались на высокие бортики и падали на спины. Только тогда Эрри заметила широкие ошейники, что умирляли животных. И это всё сильнее разогревало толпу. Летели в песок монеты — на удачу — и выкрики ободрения, адресованные тому, на кого были сделаны ставки. Зачем равлю монеты? Они нужны тому, кто ухаживает за ним.

Эрвианну замутило. Застучало в затылке практически непреодолимое желание сбежать. Но едва малодушие взяло своё, и она развернулась спиной к арене, как буквально налетела на мужчину. И только спустя три глубоких вдоха осознала, что это герцог Харимэ.

Стало легче. Словно некие волны, затягивающие её на морское дно и отрезающие от чистого неба, отхлынули, но в то же время оставили ощущение, будто стоишь обнажённой перед этой толпой. Одно успокаивало: страх сковал абсолютно всех. Даже короля и королеву. И лицо принцессы хостийской, хоть и сумевшей не выказать своего состояния мимикой, утратило краски, став белым, словно дорогой



мрамор.

— Все панически боятся равлей, — как о чём-то обыденном сказал герцог Харимэ. — Такова их особенность. Не принимай близко к сердцу.

Эрри вздохнула. Даже выдавила кривую натянутую, как струна уфии, улыбку, но всё же не смогла развернуться и снова взглянуть в глаза чудищу, отдавая всё внимание собеседнику.

Сам он не выглядел испуганным. Вид его скорее говорил о настигшей его скуке. Словно он в который раз проделывает опостылевшую работу. Хотя в некотором смысле так оно и было.

— Теперь я знаю, кто меня будет преследовать в кошмарах, — кивнула она в сторону арены, где красовались перед зрителями равли.

— Боюсь, твои кошмары сейчас гораздо страшнее этих милых зверушек, — словно самому себе, сказал старый друг отца и добрый дядя Элвин, что когда-то качал её на коленях и помогал натягивать струны на уфие.

И Эрри стало досадно.

Но это длилось лишь мгновение. И вот снова её накрыло ликование толпы, пришедшей в себя после появления равлей. Загудели придворные.

— Я думала, их уже не осталось, — оперевшись на перила, сказала она. — Мне они казались сказкой. Или страшилкой, что добрый дядя рассказывает маленькой девочке на ночь.

Элвин улыбнулся.

— Положа руку на сердце, я тоже до недавнего времени считал, что их уже не существует. Даже не представляю, как Исгару удалось притащить их во дворец.

— А главное, зачем?

— Для охраны дворца, Эрри, — немного помолчав, тихо ответил герцог Харимэ. — Но, увы, его старания не оценили. Равлей бросили в клетки арены и...

— Я так подозреваю, мне следует готовиться к не самому приятному зрелищу.

Собеседник кивнул.

В который раз ликующе взревела толпа. Но Эрри подавила приступ тошноты, которым сопровождался каждый такой взрыв, и сосредоточилась на том, что творилось внизу.

Под рев толпы на арену выходили четверо вооружённых длинными копьями мужчин, вид которых прямо-таки кричал о том, что это — просто смертники.

— Ставки делают на то, кто победит — человек или зверь? — спросила Эрри, разглядывая тощих измученных мужчин, накрытых до начала поединка куполом из переплетённых железных прутьев.

— На то, какой из равлей сожрёт свою жертву первым, — ответил герцог и сглотнул. — Я бы на твоём месте изобразил обморок и постарался оказаться подальше отсюда.

Знал бы кто, что Эрри и сама уже подумывала о малодушном отступлении. Но спину жёг взгляд короля. Порой казалось — она чувствует, куда именно он смотрит в этот миг. И от этого хотелось передёрнуть плечами. Сбросить это липкое опутывающее чувство. Только воспитание, железным стержнем продетое по всей длине позвоночника, не давало согнуть спину, продемонстрировать слабость.

— Боюсь, мне не простят подобного малодушия, герцог Харимэ. Невозможно бесконечно испытывать терпение его величества, — вздохнула Эрри, заметно вздрогнув, когда огромная туша равля прыгнула на клетку с приговорёнными к столь жестокой казни мужчинами. — Не могли бы вы меня посвятить в тонкости этой... забавы?

Последнее слово Эрри скорее выплюнула, как кислый эль, предложенный взамен красного кильнского. Что не укрылось от её собеседника и вызвало скупую улыбку.

Элвин кивнул.

— Всё просто — они должны попытаться выжить. Не дать себя съесть, — как о чём-то обыденном и скучном поведал герцог Харимэ.

— Хоть кому-то удалось подобное?

— Нет!

— Впечатляет, — только и смогла сказать на это Эрри. — Это что же нужно было сотворить, чтобы заслужить подобную участь?

— Бунт в Кале. Три месяца тому.

О! В таком случае, с бунтовщиками Байе обходились вполне милосердно.

Даже не пытали. В отличие от этих четверых несчастных.

Оборванные, худые, со следами корост и гниющими ранами на лице и костлявых, сжимающих древки копий, руках. Но даже не это

бросалось в глаза. А безнадежность и отчаянье. Сломленность.

Это как же нужно бояться лишиться власти...

И вспомнилось другое...

«Я не желал этого трона. Не хотел этих смертей.

Одни Великие знают, сколь тяжело мне было видеть, как гибнут сыновья арнгвирийской земли. И только они ведают, сколько раз я готов был отдать свою жизнь на суд Федерика.

Но сами Великие решили, что именно я должен возглавить страну. Именно в мои руки они отдали судьбу Арнгвирии, и я клянусь вам, что сделаю всё, чтобы мои подданные от герцога до землепашца могли жить и трудиться, не оглядываясь по сторонам».

Эти слова он произнёс на своей коронации. И забыл уже на пиру. Или и того ранее — когда венец коснулся его посыпанных пеплом седины волос.

Эрри оглянулась на короля и улыбнулась, встретившись с ним взглядом.

Двуличная лживая тварь, выложившая себе дорогу к трону человеческими жизнями. Телами тех, кто был дорог герцогине Байе... Даже рави на арене милосерднее, чем зверь, занявший арнгвирийский трон.

Узурпированная власть — то чудовище, которое приходится постоянно подкармливать. Деньгами или кровью. Это уже зависит от руки кормящего. И нынешний король щедр на угощения. Иначе оно может сменить хозяина.

Понимает ли ликующая толпа, что завтра любой может оказаться на месте тех несчастных? Многие понимают. Но каждый уверен, что следующим будет не он. Ведь не он был предыдущим. И не тем, что был до него...

И только некоторые понимают, что с каждым разом чудовище будет требовать больше жертв, а за преступления наказывать всё суровей.

Вистер сделал знак, подзывая к себе Эрри. Короткое движение рукой, а сколько ненависти выплеснулось на неё со всех сторон. Начиная с королевы и заканчивая придворными дамами, жаждущими внимания монарха.

До лезвия ножа истончилась ковровая дорожка, что обозначала кроваво-алым путь к королевскому трону.

— Будь разумна! — тихо прошептал герцог Харимэ.

— Я всегда разумна.

Эрвианна, так же улыбаясь, подавила в себе раздражение и, опустив глаза, дабы не выдать блеском ненависти свои истинные чувства, повиновалась. Казалось, она сегодня пятая жертва. Ещё одного зверя, имя которому Власть.

Треснуло небо лиловой молнией. Стихли барабаны, отмерявшие расстояние, пройденное мужчинами и герцогиней Байе. И как последний аккорд, громыхнул гром, вытряхивая из чёрных, как души деливших с Эрвианной королевскую ложу людей, туч крупные капли дождя. Казалось, сами Великие играли мелодию. Таковую, которую слышат только те, кому это дано от рождения. Запел ливень. Настоящий и долгожданный.

Но даже он не мог смыть напряжение, тягучее, липкое, как молодой мёд тауни.

Последние шаги до возвышения Эрвианна сделала, едва слыша собственные мысли за грохотом дождя о тент. Склонила голову, как и полагается высшей знати, и тут же подняла глаза на короля.

— Если я правильно помню, дорогая моя Эрвианна, ты ещё не бывала на подобных забавах.

Как назло, стало тихо, словно даже Великим интересен был этот разговор. Притих ливень. А ветер, наконец,дохнул прохладой. Лизнул сыростью открытую до поясницы спину герцогини Байе. И она едва не поёжилась, но сдержалась и теперь.

— Вы правы, ваше величество.

— Тебе не страшно? Равли опасны.

— Вы бы не стали рисковать жизнью своих верноподданных, если бы того не требовали обстоятельства. Вы ведь обещали это ещё на коронации, и все знают, что его величество — человек слова. Потому я уверена, что мне нечего страшиться.

Король кивнул, даже не пряча довольной улыбки.

— Но ведь всякое может случиться, сиятельная Эрвианна...

— О! В таком случае, мне лучше держаться поближе к самому прославленному воину Арнквирии... — улыбнулась она. — Уверена — никто не сможет защитить слабую женщину лучше вас.

— Ты мне льстишь, сиятельная герцогиня Байе, — рассмеялся Вистер. — Но мне это нравится.

Пусть он уже полгода не брал оружия в руки, раздался вширь, и голова его часто была в тумане. Пусть тело его разнежилось и отвыкло от жёсткой холодной земли, но он рождён воином. А это многого стоит.

Все его юность, молодость и даже зрелость были посвящены битвам и войнам. И разбуди его среди ночи, он как минимум дорого продаст свою жизнь.

Ещё один короткий знак рукой, указывающий на место подле королевского трона. Повинуясь ему, Эрвианна присела на маленькую лавочку, на которой уже разместились удивительно красивая женщина.

Медвена. Дочь графа Ривелс. Как помнила Эрри из слов Валении Саменти, у Медвены сен Ривелс был брат или даже несколько, которые, благодаря её заслугам в королевской постели, потихоньку пробирались к власти. Фаворитка короля, представительница какого-то рода из низшей знати, которая греет королевскую постель и... Запускает прекрасные пальчики в королевскую казну. По крайней мере, об этом шептались по углам арнгвирийского дворца.

Королевская фаворитка даже не скрывала своей ненависти. Испепеляла герцогиню де Байе горящим взглядом.

Но молчала.

И Эрри сжала кулаки, отрешилась от взглядов, шёпота, отдав всё своё внимание тому, что происходило на арене.

Равельгор.

Подобная забава не для изнеженных девиц. Да что там девиц. Некоторые юноши побледнели, когда барабаны выдали дробь и умолкли, а глашатай хорошо поставленным голосом объявил начало поединка.

Сложно было назвать происходящее поединком. Клетка поднималась медленно, словно те, кому поручено было её поднимать, насмехались над приговорёнными или дразнили тварей. Трое равлей, почуявших вкус страха — обезумели. Они будто смаковали его, облизываясь длинными чёрными языками. Дикий рёв разнёсся над головами зрителей. Звери скребли лапами и старались подцепить когтями жертву.

Мужчины в панике тыкали остриями копий, понимая, что этим только разозлят ящеров. Но поделать ничего с животным ужасом, что внушали древние твари, не могли.

Эрри готовилась к тому, что должно было произойти, и всё же,

когда первый мужчина попал в захват когтей равля — вздрогнула.

Взревела толпа. Но даже сквозь её восторженный крик Эрри слышала, как истошно воет умирающий. Как бы ни хотелось зажать уши, она слушала. Как бы ни хотелось закрыть глаза — смотрела. Смотрела на то, как трое равлей раздирали на части человека. Как отрывали куски мяса, как захлебывался он кровью. Как дрались они между собой за оторванную руку. А мужчина, ещё не удостоившись милости Великих и оставаясь в сознании, зажимал разорванный живот.

И этот крик...

Эрвианну затошнило. Голова пошла кругом, и всё смешалось, словно на свеженаписаной акварели, попавшей под дождь.

И всё же она зажмурилась. Сделала несколько глубоких вдохов и медленно выдохнула своё омерзение. Скользнула взглядом по придворным, что уже раздосадованно плевались, проиграв кругленькую сумму, поставленную на этого человека. Хоть и назвать человеком то, что от него осталось, было уже сложно.

Снова крик на арене. Но в этот раз Эрвианна не смогла себя заставить даже повернуть голову в сторону кровавого действия.

Валения сидела с каменным лицом и стеклянными глазами. Герцогиня Кильн закусила губу, но не сводила взгляда с кровавого зрелища...

На скулах Колливэ резче обозначились желваки.

Совсем молоденькая девушка из низшей знати, которая ко двору прибыла впервые, лишилась чувств. И её тут же унесли с королевских глаз.

Сам Вистер как ни в чём не бывало пил вино и что-то тихо вещал королеве.

По всей видимости, что-то весьма неприятное, как могла судить Эрвианна. Она не слышала, о чём велась речь, но просто кожей чувствовала напряжение и злость Ивсталии. Похоже, разговор меньше всего касался равельгора.

Видят Великие, Эрвианна де Байе едва смогла дождаться конца этого представления. Как ни старалась не видеть происходящего на мокром песке арены, взгляд наталкивался на оторванные конечности, внутренности, кровь... на миг ей показалось, что там было не четыре человека, а минимум десять, иначе — откуда столько крови...

Очередной приступ тошноты настиг её, когда четвёртый ящер,

доселе не участвующий в трапезе, одним рывком оказался возле прижавшегося к бортику мужчины, что в ужасе сжимал древко копья. Он был настолько тощим и жалким, что даже равли оставили его на потом. И только этот...

Казалось, он понимает всё. В его взгляде читался человеческий разум. И человеческая же кровожадность. Он не жрал жертву. Он даже не смотрел на неё, когда одним махом откусил и тут же выплюнул голову бедняги. Обезглавленное тело так и не выпустило из рук копья. А голова покатила по мокрому песку, оставляя за собой кровавую дорогу.

— Тебе не по нраву подобные забавы? — спросила, не оборачиваясь, королевская фаворитка.

Хотелось сказать правду. И Эрри смогла сдержаться, прикусив злые слова, рвущиеся в мир. Выкрикнуть, что подобное может нравиться только чудовищу. Но уже в который раз скупно улыбнулась. Не выдала истинных чувств. Не сейчас.

— Боюсь, что тихая жизнь в Байе приучила меня к более спокойным развлечениям.

Медвена хмыкнула. Её красивый голос опустился до шёпота, и тем не менее герцогиня слышала каждое слово.

— Кому ты лжешь? Думаешь, он не видит, как ты бледнеешь и едва не теряешь сознание? Хотя это и затеяно для таких, как ты.

Продолжать она не стала. Да и не стоило. Эрри прекрасно понимала, что на примере четверых мужчин Вистер показал своим придворным, какова цена неудачного восстания. Не просто жизнью платят те, кто проиграл...

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

А после был пир. Такой, как любил Вистер. Такой, за которым он наблюдал с высокого трона, отмечая то, что не замечали за собой его придворные.

Королевский пир.

С бесчисленным количеством изысканных блюд, реками кильнского красного вина и талливийского забористого виски. С фальшивыми улыбками и наигранно-живыми обсуждениями игры в равельгор. Вялыми возмущениями тех, кто проигрался, поставив не на того. И фальшиво-сочувственными улыбками тех, кто разжился парой-тройкой лишних десятков золотых или даже слёз Луйвы и заверениями, что в следующий раз им непременно повезёт больше. С калейдоскопом сверкающих украшений на пустых фарфоровых куклах в дорогих нарядах и с абсолютно одинаковыми выражениями лиц.

И среди этого всего — она, герцогиня Байе, приковывающая взгляд чем-то невидимым глазу, какими-то чарами или магией. Она изо всех сил старалась изображать веселье и беззаботность. Но, похоже, даже ей самой они казались столь же неестественными, как цветы родгелии в Бескрайних песках. И столь же свежей и прекрасной казалась она сама. Только слепец этого мог не заметить. Но короли не могут позволить себе быть слепцами, иначе их ждёт предательство и смерть. Потому и Вистер видел чуть рассеянную, трогательно беззащитную и по-девичьи красивую женщину в окружении одинаковых разрисованных кукол. Почему-то эта картина в воображении короля получила название «Высокородная леди в дешёвом борделе».

— Какая ужасная игра! — мурлыкнула Медвена, с поистине кошачьей грацией опустившись на подушку у ног короля, не уточняя, что именно она имеет в виду. Зато весьма удачно выставив на обозрение декольте с небольшими, но упругими женскими прелестями. Оставалось только удивляться, что немолодая, на вкус короля, женщина уже более года оставалась при нём и всегда вызывала желание. А ведь раньше женщины и моложе, и красивей неё не задерживались в королевской опочивальне надолго. Всё потому, что уже спустя неделю в его постели они вызывали в нём не желание, а скорее омерзение. А она... с ней всё



было иначе. Вистер даже задумывался о том, что в своём возрасте он мог и влюбиться. Наверное... по крайней мере, маркиза сен Риелс чувствовала это попустительство и пользовалась им, решив, видимо, что способна добиться от короля нужных ей решений.

Странно ли, что Медвена возомнила себя выше и важнее других, если позволяет срываться со своего умелого язычка подобным словам?

Если сейчас она говорила про равельгор, то это весьма смело с её стороны — озвучивать подобное в лицо королю. Эта дерзость не сойдёт даже ей. К тому же, давно пора бы осадить зазнавшуюся фаворитку.

Если об игре Эрвианны де Байе...

Разве можно применять слово «ужасная» к столь идеальному созданию? Будь она не так стара, Вистер задумался бы о том, чтобы сменить фаворитку. Или взять её на ложе хотя бы на одну ночь. Жаль, что Бремор уже давно греется в котлах малого мира. Хотелось бы видеть его лицо, когда он узнал бы, что его дочь стала пусть и королевской, но подстилкой. Ради этого Вистер не раздумывая уложил бы малышку де Саменти на простыни.

По правде сказать, выдавая за Тевора сен Фольи вдовую герцогиню де Байе, Вистер преследовал тогда единственно важную для себя цель — убедиться в том, что Бремор де Саменти мёртв.

Два года он ждал, что старый паук объявится. Но, по-видимому, Великие таки оборвали нить его судьбы. Иначе герцог не позволил бы своей дочери пережить всё, что постигло её в браке с низкородным. В тот день, когда герцогиня де Байе вступила в этот унижительный для всей высшей знати союз, Вистер лично давал указания своему верному подручному. Ему он доверял. Тогда. Всё же Тевор ходил не в один бой с тогда ещё полководцем Вистером де Смиле. Сейчас же...

Странно. После двух лет брака с Тевором сен Фольи король ожидал увидеть жалкую тень той сиятельной герцогини. На деле стоило признать, что даже в её двадцать пять она ещё способна радовать мужской взор своей красотой, а слух — игрой на уфие. Особенно игрой на уфие.

Задумчивый взгляд короля скользнул по лицам придворных и снова остановился на идеальном — на личике своей фаворитки.

— Если бы твои пальцы смогли хотя бы повторить то, что вытворяют пальчики герцогини Байе, то её бы уже завтра здесь не было.

Эти слова были подобны пощечине, которую Медвена снесла с

истинно королевской выдержкой. Даже несмотря на то, что за несколько секунд краска прилила к её лицу, а после отхлынула так быстро, что король забеспокоился, как бы она не лишилась чувств. Но нет. Не из того теста вылепили эту девушку. Уже спустя несколько мгновений она ласково улыбалась своему любовнику, не стесняясь присутствующих, гладила ловкой ладошкой его ногу повыше колена и едва заметно облизывала алые губы. Так, что король в который раз ловил себя на том, что не может оторвать от них взгляда.

— Если бы Эрвианна де Байе умела хоть часть того, что умею я, то не оказалась бы в таком положении.

И снова весьма смелые речи. Хотя... В них была немалая доля истины. Умения и красота открыли перед Медвеной те двери, которые она хотела открыть. Которые он, Вистер, позволил ей открывать.

Жаль, что брак с увядшей Ивсталией невозможно разорвать. Из молодой графини получилась бы куда лучшая королева.

Эта мысль одновременно озадачила и разозлила короля. Озадачила тем, что она вообще пришла ему в голову. Разозлила... а тем и разозлила. Как вообще он мог подумать, что низкородная дворянка может занять трон королевы? А с другой стороны... нет! Такое просто невозможно.

Иначе высшая знать отвернётся от него уже в тот миг, как король объявит о своём решении. Хватит того, что Вистер настроил их против себя, выдав герцогиню де Байе за графа сен Фольи. О, сколько было открытого возмущения. Сколько золота перекочевало через верных ему людей в карманы высокородных господ. И всё же этого мало, чтобы их недовольство сошло на нет. Рано или поздно оно снова всколыхнётся. Стоит оступиться Вистеру Первому, и оно накроет его с головой. С другой стороны, это будет не первый брак. Дети от него не смогут наследовать, так как у него уже есть наследник. Хотя наследники нынче имеют хрупкое здоровье...

— Шарам бы тебя побрал, женщина! — вскрикнул король и его фаворитка отскочила от него, как ошпаренная.

Она будто кошка тут же вскочила на ноги. Маска, призванная исполнять роль её лица, не дрогнула ни на секунду, и только глаза выражали некую озадаченность.

«Словно разочарована моей реакцией!» — мелькнуло в голове короля, совершенно не обращающего внимания, что все до единого

придворные не отрывают от него взглядов. Если бы король не был так занят поисками следов предательства в окаменевшем лице Медвены, то заметил бы, что высшая знать отыскала другие доказательства в его собственном лице и поведении.

Доказательства его помешательства.

И вместе с тем впервые качнулся трон под королём Вистером, как некогда под королём Федериком.

— Милая Эрри, — раздался в полной тишине сильный, мелодичный голос Колливэ, — сыграй нам. Развей скуку и разгони тёмные тучи, что затянули сегодня небо над Авеном.

Маленькая фигурка принцессы хостийской в сопровождении её служанок, ступавших ровно в трёх шагах позади неё, словно соткалась из повисшей в зале тишины. И, казалось, сразу же заполнила собой всё вокруг. Служанки-хостийки разносили подносы с тягучим хостийским ликёром из цветов фруктового дерева лионови. И напряжение, разрядами прокатившееся по залу, начало спадать. Таять.

Никто не посмел уличить принцессу в нарушении традиций. Ведь не пристало ей находиться на пиру, если её будущий муж уже почивал в своих покоях. С другой стороны, она и не была ему невестой в полном смысле этого слова. И уж тем более нескоро станет женой. Так к чему заострять внимание на формальностях, которые уже давно никто не соблюдает?

Эрри кивнула, встретившись глазами с Колливэ, и та отдала короткий приказ, щёлкнув пальцами. Одна из темнокожих хостийских служанок тут же подала ей уфию. Эрвианна лишь благодарно улыбнулась, принимая из рук своей будущей королевы музыкальный инструмент, и ударила по струнам.

А вместе с тем громыхнул гром, и небо разродилось новым потоком ливня. Качнулось и взвилось вверх пламя в светильниках. Буквально как из-под земли выросли три закутанные в алый шёлк фигуры, приковывая к себе внимание присутствующих. По крайней мере, Эрвианна не могла сказать, откуда они взялись.

Ещё раз зазвенели высокие ноты, рождённые искуснейшей работы музыкальным инструментом в руках Эрри. Качнулись коконы из алого шёлка и опали к ногам троих хостийских танцовщиц...

Дружный вздох взлетел под самый потолок зала.

Темнокожие, абсолютно нагие тела танцовщиц опутывала тонкая

сетка из золотой проволоки со множеством маленьких колокольчиков. Каждое движение, даже вдох, разлетались тоненьким напевным звоном, что они мастерски вплетали в ритмичную быструю мелодию, вызванную к жизни пальчиками герцогини де Байе.

И мужчины, и женщины, не отрываясь, смотрели на извивающихся, подобно тонким змейкам, хостиек — как выгибаются их тела, не прикрытые одеждами, а блики тревожного пламени, рождённые в светильниках, пробегают по золотой сетке, распаяя и лишая разума мужчин и даже некоторых женщин. И только Эрри больше интересовало то, что происходило у трона короля.

Она краем глаза следила за тем, как что-то быстро и страстно говорит потрясающе красивая фаворитка короля. Как он хмурится и бросает скупые слова в ответ. Как напрягается женщина, как стискивает кулачки и... послушной собачонкой опускается на подушку у ног короля.

— А я уже думал, что его величество таки избавится от этих пиявок сен Риелс, — послышался шёпот за спиной.

— От них Арнгвирия избавится только вместе с Вистером, — ответил едва различимый шёпот, явно принадлежащий женщине.

Хотелось спросить, в чём причина неприязни к низшей знати Риелс. Хотя понятно, в чём: на высших постах — низшая знать, в то время как высшую чуть ли не удалили от двора совсем. И если об этом заговорили вот здесь и в голос... Эрри захотелось обернуться и посмотреть в глаза смельчакам, но взгляд сам собой наткнулся на застывшую в тени колоны Колливэ.

Благодаря глубокому тёмному тону её кожи и смоли волос белоснежная улыбка принцессы в полумраке зала казалась неестественной. Оттого, может, более зловещей и злорадной. Жуткой настолько, что Эрри неосознанно сбилась с мелодии.

Струны жалобно звякнули и умолкли, но танцовщицы сгладили эту оплошность, вихрями завертевшись вокруг своей оси, будто так и задумано было с самого начала. Звон колокольчиков становился всё быстрее и громче. Таким, что голова закружилась, и уже даже Эрри не могла оторвать от них взгляда. Казалось, все трое — не девушки вовсе, а порождение хостийских ветров, о которых пели их длинные, полные любви и страсти, легенды. Девушки словно наслали чары на присутствующих, которые не отступили, даже когда хостийки застыли,

каждая у своего вороха шелков.

В зале воцарилась такая тишина, что оставалось только удивляться, как в одночасье замерли сотни маленьких колокольчиков. Не оглохли ли все присутствующие разом, если больше не слышат их уши этой дивной песни хостийских ветров?

Кто-то откашлялся, развеяв торжество момента.

Хлопнула в ладошки Колливэ, и девушки тут же испарились, словно их здесь и не было. Отчего чувство, что всё это было только колдовством, усилилось.

Но тут зашумели все разом придворные, передавая принцессе свои комплименты. И только Эрри всё так же сидела на маленьком стульчике из тасверского дерева и молча смотрела на свою будущую королеву. Странную маленькую хостийку, что за умелой игрой прячет... что прячет? Каковы цели принцессы хостийской? Или, может, не только принцессы?

Шарам!

Казалось, Эрвианна в центре водоворота, но так слепа, что не может разглядеть буйства стихии.

Она украдкой бросила взгляд на королевский трон, но тот оказался пуст. Ни короля, ни его фаворитки там не было.

— Проклятая мигрень доведёт меня до безумия, — пожаловалась фаворитка короля, запрокинув голову на мягкую спинку кресла, но так и не открыв глаза. — Адер, задёрни, пожалуйста, шторы.

На улице было не так уж и светло.

Тяжёлые чёрные тучи теряли по пути на север крупные дождевые капли, которые превращались в сплошную стену. Так что в покоях и без того было не светло.

Но мигрень, преследующая Медвену уже около полутора лет, как раз после того, как она избавилась от ребёнка, зародившегося в её чреве, выедала глаза малейшим проблеском света. Шарамова ведьма утверждала, что её зелье безобидно. Что оно ничем не повредит самой женщине. И отчасти так и было. Почти не было боли, и кровотечение длилось всего несколько дней. Как обычное женское недомогание. Вот только эта головная боль... словно черви копошатся внутри черепа, поедая мозг.

Пэйре непременно бы назвал это наказанием за детоубийство. Медвена же считала, что это всего лишь досадное последствие

необдуманности и неосторожности. Девичья неразумность и доверчивость. Тогда юная Риелс думала, что сможет в постели герцога Тормен добыть себе возможность неплохо выйти замуж. А почему нет? Малышка Риелс была достаточно хороша, чтобы об этом мечтать, но недостаточно, чтобы мечты стали реальностью. Беременность показалась тогда только плюсом. Ровно до того дня, как Вистер женил герцога Тормен на малолетней Рив, потребовав при этом доказательств состоявшегося союза.

Меди поморщилась от очередного спазма и воспоминания. А ведь она до последнего надеялась, что этого не случится. Дурочка. Ардвин даже не искал встреч, чтобы попросить прощения. А ведь клялся, что любит и без неё не сможет прожить и дня. Только почему-то до сих пор живёт и здравствует.

Но ничего не поделаешь. Герцог женился, Медвена осталась одна с испорченной репутацией и ребёнком в животе. Другого выхода она не видела. И мигрени — не самое страшное, что могло с ней случиться после всего.

Малое наказание за большие ошибки. Но сколько сил это из неё выпивало!

Приступы, которые случались три раза в полгода поначалу, теперь навещали её чуть не каждый месяц. Иногда Медвена по нескольку дней не могла встать с кровати, прячась от света, людей и своих обязанностей королевской шлюхи за занавесой из дыма шарии. Жжёная трава-шария на время прогоняла мигрени, но в том-то и дело, что на время. И с каждым разом этот зверь, возвращаясь к Меди, становился всё злее.

— Выпей! — прошептал Адер, зная, как действуют на сестру громкие звуки, и сунул в её руку бокал с зельем.

Адер выложил за это варево целое состояние аптекарю Лограду. Тот уверял, что его лекарство наверняка не просто прогонит головную боль, но и не позволит ей вернуться долгое время. Если употреблять его постоянно, то боли не посетят больную вовсе.

Удовольствие, конечно же, не из дешёвых, но недуг Медвены может стоить гораздо дороже. Король и так очень скоро вышвырнет из своей постели. И тогда неизвестно, задержатся ли на своих тёплых местечках Адер и отец. Конечно, графство у них не заберут. Всё же годами оно принадлежало их роду, и ничего ужасного за ними не замечено. Но вот Адеру было мало клочка земли с серебряниками

дохода с него. Он привык уже к совершенно другой жизни.

Сестра выпила зелье, так и не открывая глаз, и снова откинулась на спинку.

— Ненавижу! — прошипела она, не уточняя что (или кого) именно. Да вроде и не нужно было.

— Сейчас тебе станет легче, — пообещал брат, забрав пустой бокал, оставив его и принявшись лёгкими касаниями массировать её виски.

Меди любила, когда он так делал. Она вообще любила брата больше, чем кого другого из всей многочисленной родни. Он, по крайней мере, умел быть благодарным. В отличие от той же Селерины. Хотя с сестрой они были и больше похожи, чем с Адером. Но это даже к лучшему.

Он вообще был больше в отца: слишком худой, с выпирающими острыми скулами, острым тонким носом и круглыми глазами, Адер напоминал хищную птицу. Хоть характер имел довольно мягкий.

Слава Великим, что нынче, дабы выгодно жениться, красота не нужна. Да что там красота... на деле нужна только родовитость и полный кошель. Желательно размером с герцогство. Но и графство тоже ничего.

Боль действительно понемногу отступала. Правда, её место тут же заняла тошнота, накатывая точно так же, как проклятые спазмы.

— Полегчало? — спросил брат, убирая руки. У Медвены в этот раз хватило сил даже кивнуть, о чём она тут же пожалела. Всё потому, что комната, и без того едва обретшая очертания, поплыла, а тошнота стала просто невыносимой.

Меди задышала часто и по возможности глубоко, успокаивая взбунтовавшийся желудок.

— Что это за зелье? — прошипела она сквозь зубы. — Если бы я не знала, как для тебя важна — подумала бы, что ты решил от меня избавиться.

Адер хмыкнул, но промолчал. Он привык к дурному настроению сестры, которое неизменно наступало после приступов.

— Приходи в себя. Вчера ты не была у короля, и он справлялся о твоём здоровье.

— Тем слаще плод, чем недоступней, — фыркнула Меди, чувствуя, как отступает тошнота и тело становится невероятно лёгким.

Настолько, что хочется танцевать или даже летать.

— Не в этот раз, Меди. Ты можешь засохнуть на ветке, пока король будет объедаться плодами, которые ближе и легче сорвать. Не заметила, как вдова герцога Байе отирается возле трона?

Из горла Медвены сен Риелс вырвался не то хрип, не то рык при упоминании этой суки из Байе. Одно воспоминание о том, что Эрвианна удостоилась чести сидеть возле трона... шарам, а ведь завтра-послезавтра она может подвинуть Медвену в королевской опочивальне. Или и того хуже — вышвырнуть вовсе. И что тогда? А тогда Меди придётся худо. И не только ей, а ещё и отцу, и Адеру.

— Может, от неё избавиться, пока не поздно? — предложила королевская фаворитка, поднявшись с места и не веря, что боль отступила абсолютно и полностью. Она прошла по покоям и, раздвинув шторы, распахнула окно настежь, впуская сырой холодный воздух и выпуская густой дым шарии.

— С ума сошла? — поинтересовался братец, наливая терпкое кильнское в бокал. — Я не спешу на плаху, прости. И тебе не рекомендую так торопиться. За убийство высокородной — смерть, если ты забыла.

— А кто говорит об убийстве? — пожала плечиками Меди, обернувшись. — Все мы имеем секреты, Адер. Чем выше наше положение, тем страшнее тайны. Как думаешь, герцогиня, которая живет два года с таким ублюдком, как сен Фольи, могла обзавестись парочкой? Например, любовник, утешающий её после ласк грубого мужа. Или что-то в том же духе. Тевор не потерпит рогов на своей башке...

Маркиз Риелс задумался, но после медленно кивнул, соглашаясь.

— Вот и узнай, что за тайны хранит прекрасная Эрвианна де Байе. А потом решим, что нам дадут эти знания, — велела фаворитка Вистера Первого. — И достань мне ещё пески страха. Мои уже закончились.

— Ты не боишься, что он тронется умом и придушит тебя, как первую, кто попадётся под руку? — засомневался Адер, покрутил в руке бокал с вином и поставил его на место. — Рано или поздно он повредится рассудком...

— Он верит мне. И похоже... Уже только мне.

— В таком случае — надеюсь, ты хорошо понимаешь, что делаешь. На это она не сказала ничего, снова отвернувшись к окну, ловя на



лицо холодные капли дождя и наслаждаясь лёгкостью в теле. Понимала ли она, что творит? Понимала, конечно. Но куда деваться, если другого пути нет? Что делать?

Обратного пути уже давно нет. Ещё с тех самых пор, как она впервые вошла на королевское ложе.

Вот с тех пор она и ходит по сыпучим пескам, которые в любой миг могут захлестнуть её, похоронив даже память о королевской фаворитке по имени Медвена.

Но что теперь поделаешь? И есть ли смысл отступать?

## ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Караван Риграна из Кале тянулся медленно. Со стороны его можно было сравнить даже не со змеей, а скорее с гусеницей. Всё потому, что дорога, и без того расквашенная за последнюю неделю бесконечными, ни на минуту не прекращающимися ливнями, здесь то забирала резко в гору, то так же резко ныряла вниз. Оттого и казалось, что гусеница, то есть караван, подтягивает свой хвост, чтобы вытянуть подальше голову.

И всё бы ничего, но скользкая грязь под копытами лошадей, что то и дело норовили избавиться от гружёных повозок и телег, была столь же коварна, как его Оситарэ, когда узнала, что Ригран заглядывался на соседку Марнэс, — и всё время пыталась свалить хоть кого-то с ног.

Оситарэ... Прекраснейшая в своей ревности женщина. Лучше неё не ступало по землям ни Арнгвирии, ни Талливии, ни даже Хости. И не встречал он ни одной женщины, что так умело скрывала бы свои чувства от мужа, дабы не смутить его разум.

Может быть, он и не узнал бы о том, что любимую жену посетил демон ревности и злости, если бы о том не сказала ему мать. Матери ведь такие, всё видят и всё знают. Особенно если невестки за столько лет так и не снискали у них доброты и расположения. Вот и мать Риграна, Рэгориан, была из тех, кто зорко следил за невесткой. Потому и предупредила вовремя сына о коварной Оситарэ, что приправила его исподнее жгучим перцем. Не от злости. Просто каждая жена знает, что нет лучше способа отвадить мужа от чужой женщины. Правда, не каждая жена знает, что так можно отвадить мужа и от себя самой. Но это уже не так важно.

Да. А ведь и не сделаешь ничего с этой её ревностью. Ни добрыми словами и заверениями в любви, ни золотом, ни драгоценностями не получалось усмирить её подозрительность. Оситарэ только распаляли неожиданная щедрость и внимание мужа: что это могло быть, как не доказательство его измены?

Кто знает, отправился бы в путь Ригран, если бы не опасался выпить с утренним кайвэ какую-нибудь бурду, купленную у бродячей торговки, именуемую отворотным зельем. А так... подумает, поостынет, может, и одумается. Не всё же матери следить за тем, чтобы

сына не извела в малый мир невестка своей ревностью да подозрительностью. И если подумать, чего ей не хватало? Торговля у Риграна всегда шла хорошо. Видимо, Вечные его родной Хостии не оставили его и в чужой земле. А потому дом его купался в достатке и роскоши. А может, это награда за его бесстрашие, благодаря которому он и в это беспокойное время проделывал столь длительные, но весьма прибыльные, путешествия. И чего не хватало его жене? Да любая другая помалкивала бы. А Оситарэ... А ведь была такой кроткой...

Ригран улыбнулся, подставив бородатое темнокожее лицо порыву сырого ветра.

Шесть лет прошло с того дня, как Оситарэ вошла хозяйкой в его дом, который пах свежим деревом и построен был для молодой жены на новом месте и даже в другом герцогстве, потеснив вдовствующую Рэгориан. Та уступила нехотя, всё не верила, что из немногословной тихой девушки пятнадцати лет может получиться хорошая хозяйка и жена её сыну. Да что там, Ригран и сам не очень-то и верил в это. Нет, насчёт жены у него сомнений не было. Несмотря на юный возраст, его невеста имела на удивление полную высокую грудь и широкие бёдра. Такие дарят много удовольствий мужу. А плоский живот был просто создан для того, чтобы вынашивать их детей. Жаль, за шесть лет семя Риграна так и не проросло в её лоне. А вот насчет того, что тихая Оситарэ усмирит своевольных слуг... но и тут молодая жена удивила и своего мужа, и ворчливую, вечно недовольную свекровь. За первый же проступок приказала наказать служанку, втайне подговорённую матерью, розгами. Да так, что та провалялась в горячке два дня.

Ригран уже думал — придётся искать другую, и хотел было выговорить Оситарэ. Но служанка пришла в себя, а остальные слуги себе своеволия не позволяли и гнева юной госпожи не вызывали. Побаивались. Потому хозяин дома махнул на всё рукой и оставил заботы о доме на женщин. Тем более, что было тогда ему не до того.

Хостийские духи любили Риграна.

Об этом он задумывался давно, ещё с тех пор, когда начал чуть не с пустого места своё дело. И после...

Торговля шелками, райху и лионовийским ликёром шла хорошо, и дома, подле молодой жены, Ригран появлялся нечасто. Но всегда его Оситарэ встречала мужа так, как и полагается это делать доброй жене. Её жаркие ласки выпивали из уже немолодого торговца столько сил, что

первые дни он только то и делал, что отлеживался на пуховых перинах и пил терпкий напиток под названием райху. Готовили его из листьев, что срывали с куста с одноимённым названием, и сушёных корок тауни, что по вкусу были одинаково горькими и освежающими, и запаривали его в высоких кувшинах, настаивая, пока не остынет до едва тёплого. Оситарэ не оценила этого напитка. Как и мать. А он, Ригран, и дня не мог прожить без него.

Это было на руку Оситарэ, потому как райху отгонял сон гораздо лучше кайвэ, а чем занять это время, она знала хорошо...

В том, что духи любили Риграна, он утвердился во время гражданской войны. В первую очередь потому, что его семье удалось сбежать и пересидеть смутные времена в Хостии. Но больше потому, что, вернувшись назад, они застали свой дом нетронутым. Даже замки на погребах не сорваны. Разве что на входных воротах да дверях сараев, в которых ранее держали мелкий скот. Но и там мало что сломали. В отличие от сгоревших до основания домов соседей.

Сложно было начинать всё с самого начала. Налаживать связи с хостийскими торговцами, доказывать таллибийским, что с ним можно иметь дело. Искать рынок сбыта арнгвирийского стекла и скупать за медяки продукты, цены на которые в Арнгвирии взвинчивались чуть не до небес. Но благодаря его умению убеждать и доброму имени, уже скоро дела его снова пошли на лад.

И всё шло, как горячий нож сквозь брусок масла. Так на тебе... нежданно-негаданно... ну и что, что Ригран заглядывался на соседку, по ночам-то приходил к ней, Оситарэ.

Грызли караванщика эти мысли не хуже крыс, что повадились изводить на нет привезённое из Талливии зерно. А всё вместе: жена, крысы, дождь, который так некстати зарядил и не собирался останавливаться — доводили Риграна до тихого бешенства. И срывал он дурное настроение то на погонщиках, то на кухарках, что уже два дня сетовали на мокрые дрова и оттого кормили обозных сухарями да вяленным мясом, а порой и на тех, кто прибил к каравану по пути за скромные, по его мнению, деньги. Знал бы он, что дорога будет такой сложной... Хотя, с другой стороны, малец, который назвался Хугелем, сыном Агвеля, не сторонился других. Если приходилось толкать повозку, застрявшую в грязи, то толкал и не ворчал.

Совсем другое дело тот, другой. Станный и замкнутый. Ригран

даже побаивался его. По всему видно — дурной человек. Хоть и назвался просто: Кворт, а всё ж как-то... мороз пробежал по спине от одного взгляда на этого человека. Хоть и немолодой и с виду неопасный. Всё ж и волк, пока не ощерится, тёплый да пушистый. Вот и был этот Кворт похож на волка. Вроде ничего, а всё ж лучше лишний раз к нему не соваться. По правде сказать, если бы не слухи о том, что не сегодня-завтра последний представитель династии Халедингов с армией двинется на столицу...

Эх... Столице-то ничего не будет, а застрять с караваном в дороге да грязи... И пусть, может, не придёт новый претендент на аргвирийский трон отвоевывать отцовское наследие, а те, кому не по душе правление Вистера, начнут стягиваться в кучки, как мальчишка Хугель, направляющийся в сторону хостийской границы через земли Байе. А поскольку кучки эти кормить чем-то нужно, то так появляться станут шайки. Сначала небольшие, а со временем всё больше и больше... И кормиться они, конечно же, будут за счёт торговцев, что решили сэкономить на охране. Ригран славился тем, что никогда не сэкономил ни на безопасности товара, ни на его качестве. Пусть иногда и приходилось приплачивать лишние сребники за это.

Кворт, по правде, прибил к ним в столице. Сам пришел спросить об обратном пути и уверил, что тоже спешит домой. Сам он родом из Байе, раньше был солдатом на службе у короля, но уже давно вернулся на родительские земли, потому как не молод, дабы слоняться по казармам и искать удачи. А в столицу всего на два дня приезжал, чтобы увидеться со старым другом.

И всё вроде складно получалось. И Риграну даже казалось, что видел его в городе близ замка в одной из таверн... а всё равно был он каким-то... подальше бы держаться от такого.

— Поговаривали, опять восстание в Байе, — вырвал Риграна из задумчивости голос Илвея.

Старик всегда умел в нужное время плюхнуть ложку масла в костер. Вот кто его за язык тянул? Ригран фыркнул, махнул рукой, а дурное предчувствие всё же свило гнездо в животе.

Может, зря он оставил дом, жену, мать? Там всякое может случиться. Тем более, что сама герцогиня сейчас в столице. И, слава всем богам, её муженек тоже. Без неё он, правда, мало что может. Но лучше, когда его и близко нет.

То ли дело покойный молодой герцог. Тот был хорошим человеком. А этому лишь бы деньги с людей драть. И это в Байе. Где добывают слёзы Луйвы и льют лучшее на континентах цветное стекло. Так Ригран и сказал ему, когда сен Фольи пришёл к нему в дом назначить подать, которую он лично будет собирать. Да будь она медяковая... а так — три слезы в месяц! Где же их взять? Потому, наверное, и всколыхнулось тогда возмущение в торговце. Правда, после страшновато стало. Вдруг решит отомстить граф? Сожжёт чего или... но обошлось. Всё же, как бы то ни было, реальной власти в его руках не имелось, и если подать иск королю, то ещё неизвестно, во что ему, сен Фольи, вольности его выльются.

И всё равно как-то не по себе было. Словно камень проглотил.

Эти мысли не добавляли ни покоя, ни хорошего настроения. Караванчик то и дело кричал на подручных, на охрану обоза, пытался подгонять лошадей, что приводило к очередной поломке, а в результате — к задержке. Торговец бесился всё больше, и вскоре люди уже предпочитали обойти его стороной, чем лишний раз что-то спросить.

Один Илвей всё так же качал головой и молча делал свою работу. Даже сегодня, когда змей, именуемый предчувствием, пускал особенно много яда в кровь Риграна. Хотя и его выдержка уже понемногу начинала трещать.

— Сколько бы ты ни орал, Ригран, от этого не станет спокойней на душе, — заговорил Кворт, чем немало удивил не только обозных и караванчика, а даже Илвея, которого смутить не мог никто.

— Что ты знаешь... — начал было Ригран, и осекся, наткнувшись на снисходительный взгляд наёмного охранника.

— Я многое знаю. Например, то, что повстанцы прятались недалеко от твоего дома. Как раз в той расщелине, что именовалась Бездной. Хорошее место, правда? — Ригран нехотя кивнул. — Какой идиот полезет на дно? — спросил Кворт, разглядывая что-то впереди. Торговец неосознанно пригляделся к полоске леса, что тянулся по левую руку от дороги, но ничего толком не разглядел. — Я знаю, сам на дне прячусь, если что. Только на городском дне. Там и теплее, и шлюхи поласковей, посговорчивей. Если из столицы и направят отряд, то вряд ли он пройдёт по городскому дну с огнём и мечом, — Риграгн, как зачарованный, снова кивнул, понимая, что не вяжутся эти слова с теми, которые говорил этот человек в столице. — А вот по дну расщелины —

пройдёт.

От дурного предчувствия Риграна замутило.

Дальше торговец не слушал Кверта. Схватил под уздцы лошадь, которую пришлось выпрячь из поломанной повозки, и, не седлая, вскочил ей на спину.

Некогда Ригран был хорошим наездником. Сытая жизнь позволила забыть о буйной молодости. Его руки плохо помнили тяжесть оружия, да и седлу он предпочитал повозки, желательнее, крытые. Но сейчас тело всё вспомнило само. Так как разум его был уже дома. С женой. С матерью. А дурное предчувствие шипело змеем: «Опоздал!»

Лишь однажды он придержал лошадь. Там, на опушке леса, что напознал на дорогу к городу, он, наконец, хорошо разглядел то, к чему так приглядывался Кверт. Это были висельники. Пятеро мужчин с синими лицами и вываленными языками под тугими струями дождя. Ригран не стал выяснять, кем они были. Хоть и понимал, что, приглядевшись — хоть одного кого, да узнает. Но потом. Висельники над дорогой — знак того, что отряды действуют именем короля и искать справедливости в случае чего...

Поместье торговца Риграна из Кале, что уже лет семь жил в Байе, раскинулось на подъезде к замку. Ещё покойный герцог Роневан де Байе дал согласие на строительство именно здесь. Это было хорошее место. На взгорке. Дом, обведённый высоким каменным забором, с немалым выпасом и придорожным камнем, из-под которого и летом, и зимой, и даже в засуху бил родник.

Ригран всегда считал, что его дом неприступен.

Сегодня же...

Ворота были распахнуты.

Торговец впервые в жизни почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Всю свою жизнь он считал, что хостийские духи берегут его дом. А сегодня эта вера таяла с каждым шагом, что приближал его к дому. Понял, что не берегут его больше ни Вечные, ни духи...

Понял в тот момент, когда, спрыгнув с коня, вбежал в свой двор, и мир его качнулся. словно страшный зверь бесновался в его поместье. Изрубленные слуги, скот... Дымящаяся овчарня...

— Оситарэ... — выкрикнул он, взбежав на крыльцо. — Мать!

Дом, его дом, всегда встречавший его улыбкой красавицы жены и тёплыми объятьями матери, сегодня дохнул в лицо молчанием, смертью

и отчаяньем.

На деревянных ногах он прошёл одну комнату, вторую... даже не заметил, что не стало дорогих гобеленов, привезённых им для жены из Нигэрви, что нет ни серебряных чаш, ни кубков. Не замечал, как хрустят под ногами осколки битого разноцветного стекла, переступал обломки мебели...

И только в его спальне, стены которой помнили страстные стоны Оситарэ, он и нашел её. Истерзанное тело в разорванных одеждах мало чем походило на его жену. Но он узнал сразу. И тёмные длинные волосы, слипшиеся от крови, и тонкие запястья, украшенные красным охранным рисунком, и родинку на бедре...

Казалось, это страшный сон. Ригран никогда в жизни не чувствовал себя таким беспомощным, опустошённым, мёртвым. Точно таким же, как его жена. Его драгоценная Оситарэ.

О Великие, зачем он уехал? Лучше бы он каждое утро пил отворотное зелье...

Судорожный вздох, похожий на звериный рык, вырвался из горла Риграна, прокатился по опустевшим комнатам и превратился в вой.

В старике, что согнулся у трупам молодой женщины, Кварт не узнал бы торговца Риграна — не юного, но сильного мужчину.

Старый воин не раз видел такое на войне, но, видимо, годы размягчили его, потому как что-то внутри дрогнуло. Раньше он не жалел никого, теперь же...

— Ты не сможешь ей своими стенаниями, — сказал он настолько мягко, насколько вообще мог это сделать.

Но Ригран вздрогнул.

— Ты можешь рыдать, как женщина, — продолжил засеивать зерна смуты Кварт. — А можешь мстить, как мужчина.

— Кому мстить? — глухо отозвался хозяин разрушенного поместья. — Фольи? Или леди Байе? Может, Кильну?

Кварт опустился на корточки. Глаза жены торговца — чёрные, как у всех чистокровных хостиек, смотрели в потолок. Их уже начала затягивать мертвецкая плёнка. В остальном же лицо её было, как у живой. Ни заострившихся черт, ни серости. Но и умиротворенности на нем не было.

Вояка коснулся её век, закрывая глаза, и прикрыл обнажённую грудь обрывком дорогой ткани, некогда бывшей халатом.



— Она имеет право на покой, — прочистив горло сказал Кварт, кажется, впервые за столько лет чувствуя себя не в своей тарелке. — Те, кто это с ней сделал, действовали именем короля.

Некоторое время в доме было тихо. Слова доходили до Риграна медленно, как сквозь тысячи сит, рассеивая свой смысл по пути и донося только отголоски вложенных в них мыслей.

— Мстить нужно королю... — сказал он, словно эта мысль сама собой пришла в его голову, и он поделился ею только со своей почившей женой. — Я сделаю всё, чтобы ты обрела покой, моя Оситарэ.

Поутру нашли тела и матери, прошитой насквозь стрелой, и пары изувеченных служанок. Уложили их прямо на пол в доме, который должен был слушать трескотню детей, а не крики умирающих. Ригран сам поднёс зажжённый факел к стенам своего дома и не пошевелился, пока последний язычок пламени не отплясал, взвившись к небу и опав... пока не осталось от его жизни лишь пепелище. И только после этого развернулся и ушёл, не сказав ни слова. А на покинутом пепелище неспешно и прочно обживались запустенье и горчащая дымом тишина.

Только старый вояка задумчиво курил в стороне, выпуская клубы дыма.

Да молодой паренек, что о войне представлял себе только красивые сражения и кучи трофейного золота, блевал за углом.

Крупные капли истерично бились в оконное стекло. Стучались, просились в домашнее тепло, но стекали к нижней раме и исчезали.

Солнце, которое сегодня так ни разу и не выглянуло из-за сплошного навеса серых туч, клонилось к закату.

Исгар смотрел на размытый город, оперевшись о стену правой рукой. Невыносимая боль, пульсирующая в груди, теперь немного притупилась благодаря маковому отвару. Хотя и не настолько, чтобы он мог уснуть.

Но не только боль не позволяла сомкнуть глаз.

Исгар не мог простить себе неосмотрительности и беспечности, с которой отнёсся к сен Фольи.

Широкий тракт, наезженный не одной телегой, пролегал между густым хвойным лесом и пропастью, которую здесь звали Бездной. Никто не гнал лошадей, хоть следовало бы спешить. Отряд растянулся на несколько десятков метров, и, совершенно не боясь противного мелкого дождя, всадники неспешно двигались к городу. Люди же сен

Фольи вообще то и дело норовили отстать от основного отряда. Их насчитывалось двадцать человек, людей Кильна же — в два раза больше. Учитывая то, что о так называемом восстании поведал Атори, этих сил должно было хватить с лихвой. Так к чему спешка?

И герцог Кильн не подгонял людей. Не самая чистая работа ждёт этот отряд, и многим она не по душе. И уж точно эта работа не по душе ему самому.

Глядя на затянутые туманом красоты Байе, Исгар вспоминал прошлое. То время, когда был жив Роневан, и они охотились в этом лесу. А после пили вино и вспоминали юношеские годы, а Эрвианна перебирала струны уфии...

Эти воспоминания приносили отголоски застарелой боли. Тогда он прятал свои неуместные чувства потому, что не имел прав на жену друга, теперь — потому... да много почему.

Один поцелуй. Один-единственный поцелуй. Наверное, Исгар не решился бы на него ещё очень долго, а может, и вовсе — никогда. И вот... всё время мысли его кружили вокруг полутёмной часовни и женщины, ставшей его наваждением, мечтой. Теперь Ис не мог ничего поделаться с проклятой надеждой на то, что у них ещё может что-то получиться. Когда-то... или нет?

Исгар спрятался от мерзкой мороси и воспоминаний, натянув капюшон плотного, но уже насквозь мокрого плаща до самого носа.

— Вот и сезон дождей, — обронил Гевер, ровняя своего коня с конём герцога.

Вообще Гевер был простым солдатом, но так часто прикрывал спину Кильну, что тот уже не мог относиться к нему как к одному из подчинённых. Порой Исгар пытался вспомнить, сколько лет Гевер несёт службу под рукой правителей Кильнии, и не мог вспомнить. Словно тот был при нём всегда. Да что там при нём, кажется, он и при отце ходил простым солдатом.

— Может, это и к лучшему. Земля высохла, как мать моей жены, почти прожившая столетие, — вставил своё слово Адвер.

— Если бы... — протянул Гевер. — Урожая этот дождь не спасёт, а вот сено, которое пора заготовить для скота, сгниёт.

Исгару был понятен этот разговор. Когда-то его солдаты вышли из семей простых землепашцев и виноделов. И пусть ремесло они сменили давно, врождённого — не изменит время.

— Старик, ты всегда найдёшь, к чему придраться, — насмешливо бросил Орем. — И то тебе не так, и это...

Его насмешку прервал на полуслове свист арбалетного болта, который ни с чем перепутать невозможно.

Исгар резко развернул лошадь, но увидел только, как арбалетный болт, войдя в затылок — выглянул остриём изо рта Орема.

— Шарам! — выкрикнул он, выхватывая клинок из ножен и отдавая короткие команды своим людям.

Но они и без того уже бросились к лесу, как и люди Фольи.

Схватка длилась недолго. И потеряли в ней Орема и ещё одного человека из людей Тевора сен Фольи. Но едва Исгар решил, что всё позади, как в спину что-то ударило с такой силой, что он от неожиданности едва не упал на холку лошади. А тело прошила такая боль, что в глазах потемнело, когда он попытался подняться.

— Проклятье! — выругался Гевер. — Найдите мне стрельца! Я спущу с него шкуру живьём!

Это последнее, что Исгар помнил отчётливо.

Дальше всё смешалось в сплошной гул в тумане.

Голоса... голоса... голоса...

И один из них принадлежал ей — Безликой из ордена Многоликих.

Или, может, это тоже всего лишь выверт воспалённого горячечным бредом сознания?

«Как же вы мне оба надоели... — ворчала она. — Одна шастает в отцовский кабинет, как в магазин готового платья, совершенно не заботясь, что может оказаться за это на плахе. Второй считает воробьёв, повернувшись спиной к злейшему и самому тупому своему врагу. Видят Великие, даже я в один прекрасный момент не смогу ничего сделать со всем этим. Только такие идиоты, как вы, могут всё испортить за пять минут до кульминации всей постановки!»

Конечно, Исгар понимал, что у всей этой игры имеется постановщик и великая цель. И каждый из актёров знал чуть больше, чем ничего... но как же это утомляло. Тыкаться носом, как слепой щенок.

Но в её приходе был огромный плюс. Сложно сказать, чем она его натирала, чем посыпала его рану, но спустя три дня Исгар смог встать с кровати. Да, боль была ужасной. И даже сейчас, уже вторую неделю как, Кильн чувствовала себя немощью, для которой даже нужник

посетить было не самой лёгкой задачей...

...От не самых приятных размышлений Исгара отвлѣк частый стук в дверь и скрип давно не смазываемых петель.

— Ваше сиятельство, — заговорил взволновано Гевер, не дождавшись, когда герцог Кильн оторвѣтся от созерцания рыдающего оконного стекла. — Я думаю, вам следует об этом знать.

Исгар тяжело и рвано перевѣл дыхание, развернулся и сразу же сел на подоконник — проклятая рана тут же отозвалась ноющей болью.

— Что опять? — зло спросил он, не желая показывать даже Геверу своей слабости. Хватит и того, что тому довелось видеть в последние две недели.

Верный подручный молчал, подбирая слова и выводя Исгара из себя. Но когда герцог уже хотел прикрикнуть на Гевера — заговорил:

— Граф... не думайте, что я жалуясь или осуждаю действия знатного господина, но мне кажется, что вам они просто будут не по душе, — Гевер перевѣл дыхание, шумно сглотнул и продолжил: — После того, как его люди разрушили и разграбили особняк над пропастью, он как с цепи сорвался. Они выпили все запасы вина в округе. Вырезали весь скот в деревне неподалеку, а когда хозяин этого места имел неосторожность возмутиться — его избили до полусмерти, а жену и дочь граф отдал своим людям. Если вы не вмешаетесь — дело закончится плохо. Трое наших перебежали в отряд к сен Фольи и наслаждаются «подавлением несуществующего бунта», остальные — едва сдерживаются, чтобы не начать резать им глотки...

Гевер запнулся, услышав отчётливый скрип зубов герцога и умолк, глядя на своего предводителя.

— Собери всех во дворе! — скомандовал Исгар, резко поднявшись и тут же ухватившись за спинку одинокого стула, дабы не упасть. — Я сейчас спущусь.

— Вы ответите за это! — кричал вслед уставшему Исгару граф Фольи. — Убийство троих моих людей...

— Казнь! — прервал его герцог, падая на лавку и давая знак Геверу подать пиво. — Казнь за преступления против народа Арнгвирии.

В таверне пахло чесноком, потом и мокрыми тряпками. Тщедушный, бледный и дрожащий хозяин загнанным зверем смотрел на происходящее из-за стойки. И от его взгляда становилось не по себе даже герцогу Кильнии.

Потому он поспешил отвернуться.

Проклятый ливень. Но ему, Исгару, он был только на руку. Никто не видел, чего стоило стоять ровно, дождевые капли смывали пот от боли и напряжения. Размывали дрожь в руках. Настолько, что никто не заметил этого. А если и заметил, то ему было не до того.

Ис не старался перекричать бушующий дождь, но все его слышали. И приговор трём солдатам, которые отметились больше других, по словам Гевера (а ему Кильн доверял, как себе), встретили нестройным гулом: кто одобрительным, кто возмущённым. Но возмущались не очень уж сильно. Мало ли... людей Тевора всё же было вдвое меньше. А здесь, в Байе, помощи им ждать не приходилось.

Казнили их тут же. Немедленно. И Исгар сделал бы это сам, но шарамова рана не давала дышать нормально, не то что поднять оружие. Потому голов рубить не стали, а обошлись повешеньем. Как простых разбойников.

Герцог Кильн еле дождался, когда сможет вернуться назад. И, внешне совершенно спокойный, он отправился обратно в таверну.

Сен Фольи без разрешения упал на лавку напротив Исгара, позволив себе слишком много, поставив себя в один ряд с представителем высшей знати.

— Они наказывали бунтарей! — прорычал граф сквозь зубы.

Исгар де Кильн, благодарно кивнув Геверу, спокойно отпил пива и только после этого заговорил:

— Вы понимаете, ваша светлость, что подобным заявлением подтвердили сей момент, что именем короля и благодаря вашему попустительству на территории герцогства Байе, вверенного вам как мужу нынешней герцогини и опекуну виконта, творились бесчинства, насилие и кровопролитие. Возьму на себя смелость предположить, что подобное случалось и ранее, а потому восстание было только делом времени. Из этого следует, что вина за всё случившее лежит целиком и полностью на вас. А это пахнет изменой, ваша светлость.

— Ты... — прошипел граф, побледнев.

Подобная формулировка в объяснение событий грозила и ему самому заключением, лишением титула или ещё чем похуже. Это самое «похуже» так отчетливо скользнуло лезвием секиры палача по шее, что Тевор не сдержался и растер её ладонью, смахнув холодный пот. Как-то он не подумал, что маленькая забава может обернуться столькими

неприятностями. Да что там... Он просто не сомневался, что Исгар вот-вот отправится в Преисподнюю. Кто ж думал, что он возьмёт да и оклемается.

— К тому же я могу найти трёх свидетелей того, что это ваш арбалетный болт, слава Великим, безуспешно, пытался оборвать мою жизнь, — забил он ещё один, последний, гвоздь в крышку гроба сен Фольи.

«Это всё...» — мелькнуло у того в голове. И тем не менее:

— Я не имею к этому никакого отношения...

— Это не важно. Важно то, что свидетели есть. Покушение на высокородного — смерть, ваша светлость. И, боюсь, король не пойдёт против своей высшей знати, особенно в столь непостоянное и тяжёлое время, когда каждый высокородный, способный вести своих людей в бой, на счету.

Тевор сен Фольи вскочил, перевернув при этом скамейку, но двое солдат из приближённых Кильна тут же схватили его, скрутив и грохнув головой о столешницу так, что тот застонал, а лицо его оказалось возле кружки с пивом.

— Ты ещё пожалеешь... — выкрикнул сен Фольи, осознав всю плачевность ситуации, в которую попал.

Исгар, брезгливо поморщившись, отодвинул кружку и, склонившись к самому его уху, прошептал:

— Единственное, о чём я жалею, что не смогу лично сдирать с тебя кожу ремнями. Не услышу твои вопли, пока ты будешь скулить, как жалкая шавка, которой, по сути, ты и являешься. Не существует казни и пыток, которыми ты искупил бы всё, что сделал. И остается уповать на Великих, которые, несомненно, для тебя приготовили нечто особенное, — и, выпрямившись, командовал своим людям: — Уведите. Заприте. Да свяжите так, чтобы он даже дышать мог через раз. Его людей тоже заприте в сарае. Не хочу неприятностей.

И, не слушая возмущённого крика сен Фольи, Исгар поднялся, прихватив с собой кружку пива, и направился в свою комнату, по пути оставив на стойке мешок с серебром. Это, конечно, не окупит всего, что здесь творилось, пока Ис был не в себе. Но больше ничего он предложить не мог.

И только закрыв за собой дверь своей комнаты, он тяжело рухнул на стул, прикрыв глаза, и допил холодное пиво залпом.

Хмель в голове зашумел морским прибоем, качнулась комната корабельной палубой...

— Развлекаешься? — раздался до зубной боли знакомый голос Безликой.

Кильн оглянулся на голос и широко улыбнулся, заметив её сидящей на узкой кровати, простыни которой ещё помнили горячку и бред герцога.

— Скучно в этой глуши, — пошутил в ответ Исгар, заглянув в опустевшую кружку, и, поморщившись, отставил её на небольшой стол. — Скорей бы назад...

— Не получится, Ис. Теперь только вперёд. Казни сен Фольи, отпусти пленника, мужчину по имени Кварт, которого твои люди взяли в стычке над Бездной. Той, что произошла, пока ты собирался подохнуть в этом прекрасном месте...

— Женщины суют нос в военное дело... Мир катится в Преисподнюю. Вам бы рожать и хвастать новыми украшениями, а не интриговать и уж тем более не лезть туда, где звенит сталь.

— Всё ещё будет когда-то, — глухо сказала она. — Пока сделай, как я говорю, и поезжай в Кильнию. Собери людей, сколько сможешь, здесь — справлюсь сама. Будь готов к тому, что я появлюсь в любую минуту. Харимэ, Саменти и Тормен уже готовятся...

— Сколько знати останется с королем?

— Королевская гвардия... но ты сам знаешь, сколь печально она выглядит. Рив — но у нас их дочь. Гиуре — но он из тех, кто, почуяв зыбкую почву под ногами, перебежит на кочку потвёрже. Низшая знать... Но благодаря записям герцога Саменти и немалым денежным вливаниям — большинство сделает так, как им велят.

Исгар сглотнул, покосился на кружку, но тут же одёрнул себя.

— Эрвианна? Что будет с ней?

— Она будет ждать тебя в Кильнии. Я так думаю. Надеюсь, Эрри поможет подготовить наследника.

Исгар вздохнул. Наконец подошёл к концу этот фарс. Но его волновало одно — что на это всё скажет Эрри?

— Не волнуйся, она умная девочка, — словно прочла его мысли Безликая. — Кому как не мне это знать... — с несвойственной ей теплотой в голосе сказала она. — Эрри всё поймет...

Может, и поймёт — но простит ли?

## ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Пахло кровью. Приторный, сладкий до тошноты запах, отдающий металлом и отчаяньем.

Или это просто разыгралось воображение Адера сен Риелс. А может быть, всему виной полумрак и спёртый воздух в этом помещении. А может, это огромное зеркало, отражающее бледного, испуганного, но отчаянно храбрящегося мужчину.

Граф Атори заслужил себе не самую добрую славу. О нём говорили разное, но общим было одно — скрыть от этого человека не удастся ничего. А королевскому казначею было что скрывать. Было что и рассказать, но того, чего рассказывать нельзя — было больше.

Атори не спешил поинтересоваться, что стало причиной столь неожиданного визита. Он спокойно перебирал документы на столе. И Адеру казалось, что там, среди кип этих бумаг, есть и те, которые размашистой подписью короля выносят ему смертный приговор. Об этом знали ровные ряды книг, обрастающие пылью на стеллажах. Знали стопки бумаг на столе. Знал дождь, барабнящий по карнизу и оконному стеклу. И даже танцующее пламя на фитиле свечи.

Адер откашлялся, привлекая внимание Роберта сен Атори, и постарался взять себя в руки.

— Ваша светлость, мне нужно с вами кое-что обсудить, — выдавил он, радуясь, что голос его не предал. — Относительно герцогини Байе.

Роберт сен Атори отложил один из пожелтевших, явно древних рукописных листов и, наконец, обратил внимание на графа Риелс. Тяжёлый холодный взгляд серых глаз сам по себе был подобен острой стали. И Адер невольно вздрогнул, едва не попятился. Захотелось выругаться, но сдержался.

— Что именно вы хотели рассказать о герцогине? — ровным, лишённым эмоций тоном спросил сен Атори.

Сам тон был таким, что хотелось сбежать, а вместе с его репутацией... Но отступить было некуда.

— Ходят слухи, герцогиня сведуща в колдовстве, — охрипшим голосом начал сен Риелс. И, заметив удивление на лице сен Атори, продолжил. — Её служанки всё время рыскают по дворцу и собирают



ингредиенты для колдовских зелий. Странно, что до вас ещё не дошли слухи...

— Слухи это не то, что мне интересно, — подперев голову кулаком, с самым скучающим видом заметил глава тайной канцелярии.

— Но ведь и дыма без огня не бывает, — осмелел граф Риелс. — Вам стоит обратить на это внимание.

Роберт сен Атори улыбнулся. Но от этой улыбки стало ещё хуже.

— Очень забавно слышать подобное от вас, дорогой Адер сен Риелс. Ведь слухи вам совершенно не на руку. К примеру, слухи о том, каким честным образом вы заняли нынешний пост. Стены дворца шепчутся о том, что король одурманен приворотным зельем, и ваша дражайшая сестра всё ещё фаворитка только благодаря колдовству. Это преступление гораздо тяжелее того, что на совести герцогини Байе, которая просто сохраняет красоту всеми доступными, но совершенно законными, методами. Если бы вы были немного осведомлены на сей счет, то знали бы, что все ингредиенты колдовского зелья — всего лишь женские хитрости...

Но сен Риелс уже не слушал. С уст графа Атори слетали такие обвинения, от которых голова шла кругом. Но хуже всего, что, в отличие от обвинений насчёт герцогини Байе, они были правдивы. Зелье, пусть и не приворотное, сестра подмешивала королю регулярно. И если пошёл слух...

Холодный пот прошиб Адера.

— Я прошу прощения, ваша светлость. Мне действительно следовало бы сначала разобраться, что к чему, а уже потом выдвигать обвинения, дабы они не были голословными.

— Да. Не стоит бросаться подобными словами, — кивнул граф, теряя всякий интерес к визитёру и снова возвращаясь к бумагам. — Не смею вас задерживать, — и, словно невзначай, добавил: — Пока.

Это «пока» преследовало Адера по тесным коридорам первого этажа королевского дворца, до половины утонувшего в земле и оттого душного, тёмного и сырого. Многие удивлялись, почему королевский поверенный облюбовал именно это место. Но многие и догадывались — всё потому, что само это место нагоняло жути.

И только вылетев на балкончик на втором этаже, под порывы холодного ветра и крупного дождя с мелким градом, Адер смог вздохнуть полной грудью.

Нужно было срочно поговорить с сестрой. Но для начала — выпить. Чтобы немного унять дрожь в руках. А уж потом и поговорить...

Граф Атори откинулся на спинку стула, задумчиво барабанил по крышке стола.

Шарам! Вот почему всё так не вовремя и не к месту? Не мог этот выскочка сен Риелс посидеть со своими домыслами ещё месяц-два? Теперь придётся следить, чтобы он, не дай Великие, не додумался поделиться своими домыслами с королём устами Медвены. А этого сейчас совсем никак нельзя допускать.

Сколько всего, за чем просто необходимо следить... Слишком много. Порой неподъёмно...

Зашуршал стеллаж справа, впустив запахи плесени и пыли, и в кабинете появилась она. Женщина, пленившая его разум, сердце и волю много лет тому. Его единственная, с чьей красотой не сравнится ни одна женщина в мире — Валения де Саменти. Всё так же прекрасна, как и в тот день, когда он увидел её впервые. И пусть это было так давно, что порой казалось всего лишь придуманной историей о них двоих — одно её присутствие, запах, блеск в глазах цвета тёмного янтаря снова возвращали его в то время. Она не сильно изменилась, оставаясь всё такой же изящной, и всё так же вызывала восхищение. Самим своим появлением она развеивала тяжёлые мысли, вдыхала в него силы подняться и идти к их цели. Сколько лет прошло... Сколько всего изменилось — а эта её особенность всё так же неизменна и нерушима, как Северные Скалы.

Он не мог отвести взгляд от её фигуры, лица, тонкой хитрой улыбки, коснувшейся губ. Кажется, даже дышать не мог, пока она не подошла и не запустила пальцы в его волосы.

— Мне надоело видеть тебя таким, — сказала Валения, присев на край стола. И не дождавшись ответных слов, спросила: — Что он хотел?

— Эрри привлекает излишнее внимание королевской фаворитки, — ответил он, скользнув пальцами по холодному хостийскому шёлку цвета горького кайвэ. — Думаю, дело времени, когда её выследят, если она будет себя столь неосторожно вести. Ты должна поговорить с ней.

— Она всё так же мне не доверяет, — пожаловалась Валения. — Я надеялась, она поймёт... Всё это было для неё и Дениэла...

— Эрри поймёт. Я уверен, что поймёт, когда всё закончится, но вот

простит ли нас всех... Я иногда думаю, что следовало ей всё рассказать. Уверен, она бы и сама решила поступить точно так же. Вот только, если бы ничего не вышло, было бы жестоко давать ей надежду. Это и заставляет молчать.

Валения вздохнула, убрав руки от волос графа Атори, и обняла себя за плечи.

— Цель оправдывает средства? Так? — спросила она у сквозняка, шуршащего бумагой на стеллажах, но ответил Атори.

— Мы все пожертвовали многим. Но случилось, как случилось, и осталось всего ничего. Несколько шагов до цели. Не время сомневаться, Ния.

Валения закусила губу.

Ния... Как давно он её так не называл. Слишком приметная нежность. Два года они, словно воры, прячутся по углам, интригуя, изворачиваясь, вынюхивая. Настраивая знать против короля. Два года бессилия. Котёл с кипящей смолой, в котором варилась Эрвианна, а они не могли ничего сделать, пока Дэнни был у сен Фольи. А теперь герцогиня Саменти, сколько ни уговаривала саму себя, чувствовала, что мир между ней и дочерью треснул надвое. И дотянуться до неё она больше не сможет никогда.

— Ты бы знал, во что она превратилась... Я, когда увидела её впервые, едва сдержалась, чтобы не накормить её супруга слезами квархи, — процедила она сквозь зубы.

— Хорошо, что сдержалась, — сказал Роберт. — Я бы хотел его казнить более жестоким методом.

Напольное зеркало пошло рябью и отразило девушку в сером, склонившую голову настолько, что даже подбородка видно не было, как обычно.

— Говори, — скомандовал Атори, не оборачиваясь, словно почувствовал её присутствие.

Безликая выдохнула и распрямилась.

— Всё выполнено в точности с вашими указаниями. Осталось только переговорить с Ягвой Олом, чтобы подготовить солдат Байе.

— И чего ты ждешь?

Девушка замялась. Но всё же сказала:

— Кильн арестовал Фольи, — взволновано выдохнула она, и её волнение передалось вспотевшему вмиг зеркальному стеклу. — Думаю,

он собирался его доставить во дворец на суд короля. Но я велела от него избавиться. И отправляться в Кильнию.

Атори нервно постучал по столешнице пальцами, раздумывая, что хуже: суд и как следствие — новость о Дэнни или казнь и объяснение с королём...

Хотя... зачем что-то объяснять?

— Отлично! Заканчивай свои дела и возвращайся к Эрвианне. Не стоит её сейчас оставлять одну.

Девушка кивнула. Зеркало снова пошло рябью и через миг отразило кабинет графа Роберта сен Атори.

Повисло долгое молчание, в котором смешались мысли, воспоминания, надежды и страхи. В этот раз не удастся улизнуть от секиры палача в случае ошибки. Да он и не станет. Теперь, когда на карту поставлены жизни всех, знают они об этом или даже не догадываются, хотят или нет. Главное, чтобы в случае неудачи остались живы Эрри и Дэнни.

— Зелье, которое ты подсунула брату Медвены сен Риелс — сколько нужно времени, чтобы оно подействовало? — спросил мужчина, устало потеряв переносицу.

Валения пожала плечами.

— Неделя. Может, меньше, учитывая её головные боли, Меди будет принимать его гораздо больше, чем велел аптекарь, а значит, и действие его будет сильнее. Но это уже неважно. Вистер почти тронулся умом. А если и нет, то все уверены в этом. Знать уже готова развернуться к нему спиной. Боюсь, к нам она тоже вряд ли примкнёт. Но уже то, что он останется, по сути, один — меня радует.

— Медвена может доставить некоторые неудобства ввиду последних фактов, слишком вжилась в роль фаворитки и не видит жизни вне королевской постели. Сама понимаешь, что это значит. Не спускай с неё глаз, Ния. А я пока сделаю себе подарок — избавлюсь от Гиуре. Давно хотел, — улыбнулся Атори и, поднявшись, поцеловал Валению в щёку. — Я дам тебе знать, когда освобожусь.

Валения соскользнула со стола, коснулась его небритой щеки и, не сказав ни слова, удалилась так же, как пришла, через тайный ход.

Роберт сен Атори какое-то время ещё смотрел ей вслед, вспоминая то время, когда им не приходилось прятаться, чтобы быть вместе. А ему — скрываться под личиной представителя низшей знати. Осталось

совсем немного. Несколько ходов — и партия выиграна или с треском проиграна. Не стоит тянуть, иначе люди устанут ждать.

В камине плясали огненные языки. Порывы сырого ветра гудели в трубе, пригибали пламя и нагоняли дыма в покои принцессы Хостийской. Это доводило её до бешенства. Вообще всё в этом королевстве доводило её до бешенства. Начиная с погоды, что, подобно беременной женщине, не может определиться, чего хочет, заканчивая придворными интриганами.

— Ваше высочество, — попыталась отвлечь Колливэ от тяжёлых размышлений служанка, но ей это не удалось.

Колливэ даже не обратила внимания на её слова. Задумчиво смотрела на дым, стелившийся по полу. Пошевелила пальцами — и он поднялся, стал плотным, чуть не осязаемым, и в то же время остался просто дымом.

— Ваше высочество, магия в этом королевстве... — испуганно прошептала служанка.

— Я не принадлежу этому королевству. Даже формально. И я устала играть вслепую, — зло бросила она.

Но злилась она не на служанку — на свою неспособность влиться в водоворот интриг и управлять им. Вот так просто. Без магии.

Аргвирийская знать сильно отличалась от хостийской.

Дома Колливэ легко могла играть на чувствах своих подданных, вынуждая их по собственной воле делать то, что нужно ей. Хостийцы вспыльчивы. Порой настолько, что перестают думать или сомневаться, прежде чем что-то сделать. Если бы на жизнь хостийской женщины покушались, то она бы уже если мстила сама, то требовала бы суда Правителя.

А здесь...

План был блестящий.

Так удачно попался торговец артефактами, изделия которого стоили на рынке в три раза дороже просто потому, что были представлены, как освящённые в Храме Великих. На деле — это были простенькие, но довольно качественные амулеты и артефакты. В основном для женщин, которые всегда найдут, что скрыть от мужчины. Усталый вид или неровный загар. Если не имеешь денег на Источники, так и это сойдёт. Но были и весьма достойные вещички. Как кольцо, при помощи которого можно заставить человека с тобой соглашаться,

будто он сам этого хотел. Или тот браслет, который торговец подарил Эрвианне по просьбе Колливэ. Как же удачно старик оказался членом Палаты Артефакторов, на которую в Хостии принцесса жертвовала такие непристойные суммы денег, что отец грозился посадить её на черствый хлеб и воду. Знал бы он, как ейгодились связи в Золотой Палате. Всё уповал на Зелёную Палату Стихийников, зная, как нелюбезен край, которым придётся править Колливэ.

Но, как оказалось, в этой стране правят не те, кто печётся о народе Арнгвирии, а те, кто умеет лгать и притворяться.

Что ж...

Пара колец, наводящих видения, и служанка уверена, что яд ей дала королева. Просто, как зажечь огонь на фитиле свечи. И дальше всё как по писаному. Жаль, служанка предпочла покончить с собой, а не свидетельствовать на суде. Но и этого хватило бы, ведь она же успела сказать, кто велел отравить Эрри. Вот только герцогиня повела себя странно. Имея все основания обвинить королеву — она испугалась. Промолчала.

А ведь Колливэ уже всё рассчитала. Даже если бы это был не суд, а просто скандал, королева бы стала презираема всей высшей знатью. Что-что, а это хостийка уяснила. Высшая знать практически равна королю. Именно потому удалось сбросить с трона династию Халедингов. И играя в высшего над высшими, Вистер рискует когда-нибудь оказаться втоптаным в грязь. А уж королева бы совершенно точно была отлучена от управления двором. И тогда эта почётная обязанность Ивсталии легла бы на плечи будущей невестки.

Именно этого добивалась Колливэ, затевая всю эту игру с отравлением Эрри. Но...

Шарам...

Хостийка пошевелила пальцами снова, и дым разделился на четыре равных клочка, обретя форму мелких крыс. Полыхнули тлеющими углями глаза.

— Покои короля, королевы, Эрвианны де Байе... — Колливэ задумалась, но через миг добавила: — И герцога Гиуре.

Крысы потеряли форму и, просочившись в щели, исчезли, оставив по себе только запах гари.

— Ваше высочество, — несмело подала голос маленькая служанка.

Но принцесса, резко подняв руку, велела ей замолчать. Ещё не

хватало, чтобы слуги указывали, что ей делать.

За окном снова шелестел дождь, порой смешиваясь с мелким мокрым снегом.

Погода и правда сходила с ума в середине лета. Подобных вывертов она не позволяла себе даже в прошлом году, который арнгвирийцы называли самым тяжёлым за несколько десятилетий.

Эрвианна прижалась лбом к холодному стеклу, наблюдая за пенящимися лужами по ту сторону. Так казалось, что мысли, которые лихорадило много дней кряду, немного остывали и трезвели. Хотя «трезвели» — не то слово. Эрри больше не выпила ни капли вина с того момента, как Исгар покинул дворец.

Теперь её разум мутился по другой причине. Стоило закрыть глаза, и то, совсем уже забытое чувство заползало к ней под одеяло, врывалось в мысли и сны. Кипятило давно остывшую кровь.

Это обескураживало Эрвианну, в первую очередь потому, что она была уверена — никто, кроме Роневана, не сможет в ней пробудить эти желания. Никогда она не сможет быть с мужчиной по собственной воле. Но вот...

Один проклятый поцелуй, и теперь Эрри не способна думать больше ни об интригах, ни о венценосной чете, ни о матери, которая больше скрывает, чем говорит. Но даже не это выбивало почву из-под ног герцогини Байе.

Она скучала по Исгару. А ведь была твёрдо уверена, что это наваждение пройдёт. День-два и всё пройдёт. Но тем не менее... Правду говорил знаменитый летописец Анжео Дорем: «Всё в мире более или менее предсказуемо, кроме человеческого сердца».

Эрри сейчас, как никогда ранее, ощущала правдивость этих слов. И сама не могла понять — почему?

Скрипнули дверные петли, утонули звуки чужих шагов в высоком ворсе ковра.

Эрвианна перевела дыхание и обернулась, спрятав смятение за невозмутимой дежурной, ничего не значащей, улыбкой. Никто не узнает о ещё одной её слабости. Их и так слишком много. И слишком много людей о них знают.

— С каких это пор ты подкрадываешься, будто вор, мама? — раздражённо спросила сиятельная Эрвианна.

Валения, несколько не удивляясь её тону и уж тем более не

обижаясь на него, опустилась в облюбованное ранее кресло.

— У тебя усталый вид, Эрри. Меня это беспокоит, — сказала мать, пристально вглядываясь в немного бледное лицо дочери, словно пыталась разглядеть то, что она скрывала. — Я предполагала, что с отъездом твоего мужа ты немного расслабишься и посвежеешь. Или дело не в сен Фольи?

Эрвианна покосилась на столик с винами, но тут же отвернулась. Не стоит мутить разум винными парами. И вместо того чтобы последовать примеру матери, уже наливающей себе рубиновый напиток в бокал, она прошла по комнате и села на кушетку.

— Всё в полном порядке, мама, — несколько напряжённо ответила Эрри. — Погода не совсем способствует прогулкам, а недостаток свежего воздуха дурно сказывается на цвете лица.

— Ну конечно... — протянула задумчиво Валения, словно на самом деле прекрасно знала причину дочкиной бессонницы.

Но промолчала.

Это молчание повисло в воздухе, как пыльная гардина, которую страшно тронуть, но и оставить так — нельзя. И обе женщины понимали, что так дальше продолжаться не может. Рано или поздно её придется вытряхнуть. Вскрыть гнойники и вывернуть души.

Валения была близка к этому. Даже вопреки воле мужа... Даже в шаге от кульминации этого фарса... Один шаг. Один-единственный шаг. Как сложно всё держать в себе, понимая, сколько боли это молчание причиняет близким! Иногда, просыпаясь утром, Валения долго смотрела в потолок, уговаривая себя, что всё это ради них, ради её детей. Ради внука... А порой, вот так глядя на дочь, уставшую, разбитую, ей хотелось выть, ползать на коленях, моля о прощении, рассказать всё...

Но если открыть Эрвианне всю правду сейчас, то всё может рассыпаться подобно карточному домику. Если потом — она не простит их. Ни её, ни отца.

И что важнее — план, в который так много людей вложило силы, деньги и своё будущее?

Или единственная дочь, которую они, возможно, никогда больше не смогут вернуть?

Или смогут?

Рассказать? Промолчать?



Эрри, поджав губы, смотрела в глаза матери и молча ждала. Словно чувствовала в этой тяжёлой тишине, как сцепились, остервенело терзая друг друга, два зверя — совесть и долг. Казалось, она слышит их рык. И что вот-вот Валения откроет ей то, что скрывала с самого начала. То, ради чего они сейчас здесь...

— Ты можешь дышать воздухом на террасе второго этажа, — наконец, сказала Валения, приняв решение и опустив глаза. — Она крыта, и там непогода не доставляет неудобств.

Эрри поморщилась. А чего ещё она могла ожидать?

— Это всё, ради чего ты пришла? — спрятав за улыбкой свою досаду, спросила герцогиня Байе. — Если — да, то — спасибо за совет! Я обязательно к нему прислушаюсь...

— Ограничь пока свои вечерние прогулки и поумерь свою набожность, — перебила её мать и быстро зашептала, заметив неприкрытое удивление на лице дочери. — Девочка моя, совсем скоро всё закончится. Ещё немного и... Ты прекрасно знаешь, что это всё для вас с Дэнни.

Последние слова, словно молния, прошили Эрвианну.

И словно лавина, нахлынули воспоминания...

Осень вступала в свои права. Стучал по карнизу мелкий дождь. Холод полз по покоям Дэнниела из Байе, несмотря на потрескивающие в камине дрова. Даже не холод, а сырость, но оттого становилось только холоднее.

Эрри куталась в шерстяной плед, сидя у окна и глядя куда-то на горизонт.

Она ждала. Ждала своего мужа, уже который день напрасно вглядываясь в размытую непогодой полоску леса. Порой, когда морось прекращалась или хотя бы превращалась в туман, она поднималась на верхнюю террасу, надеясь всё же заметить приближающийся отряд. Порой молилась в небольшой часовне, но Великие оставались глухи.

А порой Эрвианна хотела бросить всё и уехать в столицу, узнать, как идут дела с подавлением восстания. Но тут же её останавливал тихий, как шелест сухой листвы, но властный голос вдовствующей герцогини Амайи де Байе. И Эрри не смела послушаться свекрови, как бы ни хотела.

— Жена должна ждать мужа дома. У очага, с хлебом и вином. Беречь сыновей, чтобы муж не боялся оставить свой дом, уходя

защищать свои земли. Чтобы мысли его были спокойны и не витали тревожными воронами вокруг родового гнезда. Иначе ему не вернуться домой.

И Эрвианна, страшась самого ужасного, молча сидела у окна, не желая пропустить появление всадника, посланного известить замок о возвращении хозяина.

Её мысли то металась между мужем и сыном, мирно сопящим под пуховыми одеялами, то улетали к отцу, пообещавшему, что всё будет хорошо. Если он пообещал, значит, так и будет. Бремор де Саменти никогда не бросает слов на ветер. Потому она отгоняла страшные картины, навеянные ночными кошмарами, но они преследовали её теперь и днём. Дурное предчувствие шепталось с тенями и шипением сырых дымящихся дров.

В тот день особенно сильно.

— Ты тоже это чувствуешь?

Эрвианна вздрогнула. Потревоженные мысли разбежались, оставив по себе зудящую пустоту.

— О чём вы, мама? — прочистив горло и приложив немалые усилия, чтобы не выдать своего беспокойства, спросила Эрри, обернувшись к свекрови.

Амайя де Байе, не обратив внимания на невестку, тихо присела на край кровати Дэнни.

— Он так похож на Роневана, — сказала она, протянув руку, чтобы убрать от его лица тёмную непослушную прядь, но передумала и сцепила руки в замок, уронив на колени. — Я чувствую, что всё скоро закончится. Осталось совсем немного...

— Это же хорошо? — сдавленно спросила Эрвианна и подавилась комом в горле, вставшим от тяжёлого взгляда, который на неё обратила Амайя.

— Не жди ничего хорошего, Эрвианна. Мне было видение. И теперь я знаю, что мне больше незачем жить. Я слаба, Эрри. Слишком слаба, чтобы пережить то, что грядёт, и эта ночь станет для меня последней. Но прежде я тебе должна кое-что сказать, — Амайя перевела дыхание и опустила глаза. — Ты, наверное, знаешь, что в нашей семье не было согласия и мира. Мы с герцогом Байе не любили друг друга. Да что там, мы не могли находиться на одной территории. Слава Великим, никто не знает истинной причины, считая, что всему виной наш

вынужденный брак. Но виной было другое...

Эрри, онемев, смотрела на свекровь, вечно собранную, властную, жёсткую, а сейчас просто несчастную женщину, сломанную обстоятельствами, годами скрывающую осколки разбитых надежд за маской из высокомерной холодности.

— Я не была чиста, когда выходила замуж за герцога Байе, — поделилась сокровенным Амайя, сжимая ладони. Слова словно с кровью вырывались из пересохшего горла вдовствующей герцогини Байе. — До этого проклятого брака я... У принца Федерика было много фавориток. Точнее, так думали, что у него много фавориток. На деле же... Я любила его, Эрри. Если ты любишь моего сына, то должна понимать, насколько это лишаящее разума чувство. И смею надеяться, что и он хоть на сотую часть любил меня. По крайней мере... Я была единственной, с кем он делил постель... не смотри так на меня. Это не бахвальство, а чистая правда. И когда мой отец узнал, что ночи, проведённые в покоях принца, возымели последствия — выдал меня замуж за Элдвина де Байе, прекрасно понимая, что бастард не повод посадить постельную грелку на трон. По крайней мере, отец Федерика этого не позволил бы. Думаю, о моём положении было известно королю, так как принц Федерик был сослан на границу с Талливией, дабы уладить какой-то маловажный конфликт по поводу раздела какого-то пустыря. А меня быстро связали алой лентой с мужем. Вот только ему забыли сообщить, что жена уже не девица... Элдрин возненавидел меня в нашу первую брачную ночь. И наверное, с этой ненавистью он и ушёл в Преисподнюю, так и не прикоснувшись ко мне ни разу. Говорят, в селении у него есть несколько бастардов... не думай, мне всё равно. Хоть сотня. Для меня был важен только мой сын. Ты знаешь, что он унаследовал у своего отца? Глаза. Синие, почти чёрные. Я так любила его глаза... Нам так и не удалось поговорить с теперь уже королем Федериком Вторым. И мне кажется, что он так и не узнает никогда о том, что у него есть ещё один сын... И возможно, я делаю огромную глупость, рассказывая всё это тебе... Но помни, ты мать не просто будущего герцога Байе. В случае если ни одного Халединга из законных наследников трона не останется — Роневан, а значит, и Дэнни, смогут претендовать на арнгвирийский трон.

Герцогиня вынула из рукава лист бумаги и протянула его Эрри.

— В нём настоящая дата рождения Роневана. За четыре месяца до

официально озвученной. Это письмо засвидетельствовано моим покойным мужем. На случай, если он пересилит себя и всё же придёт ко мне на ложе, а я понесу. Чтобы Роневан не мог наследовать титул герцога. Есть ещё бумаги у твоего отца... впрочем, если будет необходимость, он и сам тебе всё скажет.

Эрри кивнула, спрятав бумагу за пояс, но не в силах ни сказать и слова, ни осмыслить и принять всё услышанное.

Амайя и не ждала от неё ничего. Поднялась, покачнувшись, словно разделённая на двоих тайна высосала из неё все силы, и вышла, больше не проронив ни слова.

Тогда Эрри и не думала, что это будет их последний разговор...

— Я так понимаю у тебя весьма дальновидные планы, мама, — едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, процедила Эрвианна. — Ты когда собиралась мне об этом сказать? И вообще — собиралась? Откуда тебе вообще... хотя прости. Этот вопрос глупый, если отец вверил тебе наши судьбы, то и этой тайной поделился. Шарам! Лучше бы он вверил их Исгару, — и тут же отвернулась, осознав, что это лишние слова, которые матери лучше бы и не знать.

Но что уж! Эрри теперь прекрасно осознавала, что скрывать что-либо от Валении так же глупо, как пытаться не впутаться в придворные интриги, будучи матерью единственного наследника великой династии королей Арнгвирии. А она так надеялась, что эта тайна так и останется просто тайной. С другой стороны, Исгар сказал, что о происхождении Дэнни известно не только ему, а ещё нескольким людям. Кому? И все ли связаны клятвой на крови? А если об этом проведает Вистер?

Сотни вопросов роились в голове, разбегались и копошились, натыкались друг на друга и перемешивались, словно растревоженный муравейник. И ответов на большинство из них не было. А те, что были, вышибали холодный липкий пот на лбу, сковывая сердце ужасом.

Валения де Саменти молчала, закусив губу. Нужно было найти слова, способные достучаться до разума дочери, но ни одного такого мать сейчас подобрать не могла. Можно сказать правду, но Валения прекрасно осознавала, что именно в этот момент она может оказаться той каплей, которая переполнит и без того полный до краев бокал. Часть правды? Пожалуй — это было бы правильной.

— Эрвианна, ты можешь злиться и даже ненавидеть меня, но отрицать, что все предпринятые мной действия были только во благо

нашей семьи — не получится, — твёрдо произнесла Валения. — Твой сын всё равно имеет права на трон, и не тебе решать его судьбу. Не теперь, Эрри. В то время как на карте судьба королевства, судьбы сотен тысяч людей...

— Кто из них искренне заплачет обо мне или моём сыне, мама? — спросила устало Эрри и, как ни старалась сдержаться, а слёзы прочертили мокрые дорожки на застывшем усталом лице. — Никто! Даже ты вряд ли...

— Не говори так!

— Почему нет, мама? Почему я не могу говорить о том, что чувствую и знаю?! Хоть раз... О, Великие, если бы был жив отец... Он никогда не позволил бы всему этому случиться! — всё же не сдержавшись, выкрикнула Эрвианна. — Начиная с брака и заканчивая этим фарсом с опостылевшими интригами! Но ты права, мама. Ты — не он. И никогда им не станешь, сколько бы ни старалась...

Валения вздрогнула, на миг Эрри показалось, то она скажет что-то ещё. Но мать лишь коротко кивнула, словно самой себе.

— Будь осторожна и не принимай поспешных решений, Эрри, — бросила она через плечо, уже взявшись за дверную ручку и, не дождавшись ответа — вышла, оставив за спиной проклятую, звенящую на одной высокой ноте, недосказанность.

Медвена сен Риелс впервые за несколько последних дней по собственному желанию вышла из покоев. Свет не так резал глаза, а голова более не казалась котлом с кипящим маслом.

Всё благодаря зелью. Оно дарило невероятную лёгкость в теле. Меди казалось, что сейчас она словно пух, который может снести сквозняком. И это чувство ей нравилось. Да что там, оно приводило её в восторг. Голову, избавленную от терзающей её мигрени, посещала даже сумасшедшая мысль, что это всё магия. Так может, Медвена теперь действительно способна летать?

И в то же время эта мысль злила. Королевская фаворитка прекрасно понимала её абсурдность. Но это чувство...

— Меди! — окликнул её чуть не бегущий по коридору брат. — Подожди, мне нужно с тобой поговорить...

Говорить Медвена не хотела. Она хотела петь и танцевать, а не снова обсуждать одни и те же проблемы семейства Риелс. В первую очередь потому, что, судя по тону Адера, он ничего хорошего не скажет.

А она так устала от всего этого. Хотелось хоть немного покоя, который королевской фаворитке просто недоступен. Вечное напряжение...

— Такое ощущение, что случилось что-то непоправимое, — устало и немного раздражённо обронила она приблизившемуся брату.

— Ещё не случилось, но может, — сдавленно сказал королевский казначей, и Меди насторожилась.

Очень редко она видела брата в подобном состоянии. И если сейчас он настолько встревожен — значит, всё действительно очень серьёзно.

Всю лёгкость как ветром сдуло. Снова тревожно забились в висках головная боль, муля рассудок.

— Что случилось опять? — зло спросила она, растерев пальцами виски.

— Похоже, граф Атори пронюхал о том... ты понимаешь... — сказал он, воровато оглянувшись по сторонам. И хоть в коридоре, кроме них двоих, никого не было, всё же открыл ближайшую дверь в одну из нежилых комнат дворца и, проверив — нет ли там кого, кивнул сестре — следовать за ним.

— Адер, я сейчас ничего не понимаю, — прошипела она, поспешив, тем не менее, за ним и чувствуя, как тугим узлом затягивается в животе страх.

Не банальный испуг, а именно страх. То самое чувство, которое двигает жертвой, убегаящей от хищника. Но Меди жертвой себя не считала. Даже с точностью наоборот.

— Что случилось? Спокойно и по порядку, — отчеканила она, вытянув из-за пояса зелье, принесённое братом, и делая глоток прямо из узкого горлышка пузырька.

Мигрень, едва начавшая набирать силу, отступила, оставив по себе чувство, словно голову стянуло стальное кольцо. Пусть без боли, но всё же — думать нормально это не позволяло.

Адер же был слишком взволнован, чтобы обратить внимание на состояние сестры:

— Атори знает, что ты подсыпаешь королю пески... Точнее, он думает, то это приворотное зелье, но мне кажется, что такой вариант ещё хуже, — нервно расхаживая по пустым покоям, явно рассчитанным на кого-то из низшей знати, и сжимая и разжимая кулаки, изложил Адер.

— Он так и сказал? — спросила Медвена, присаживаясь на стул за

отсутствием чего-то более удобного. — Сказал, что уверен, будто я приворожила короля, или ты сам это всё придумал с перепугу?

Брат остановился и закрыл глаза, пытаясь восстановить в памяти дословно разговор с королевским палачом.

— Не сказал, но однозначно намекнул. Если он поделится догадками с его величеством...

— Что тогда? — перебила Адера сестра. — Да, Вистер подозрителен. Но всё благодаря моим стараниям. Он верит мне. И, к счастью, только мне.

— Меди, ты очень рискуешь. Всё это, — развел он руки, — совсем не стоит наших жизней. Пусть ты будешь не фавориткой, но — жива.

«И все мы останемся живы!» — так и просилось на язык. Но Адер этого не сказал, а Медвена предпочла не заострять внимания.

— Я не смогу жить так, как жила наша мать: в глуши, забытая всеми и состарившаяся не от возраста, а оттого, что просто не видела смысла оставаться молодой, — спокойно сказала Медвена, наслаждаясь постепенно возвращающимся чувством лёгкости в теле. — Я останусь при дворе и лучше умру в стенах королевского дворца...

— А если на костре? — язвительно поинтересовался Адер. — Я, к примеру, не готов гореть заживо.

— Не говори глупостей. Вистер не отправит меня на костер. С чего у вас с Атори вообще начался этот разговор?

Адер перевел дыхание и устало упал на такой же стул.

— Я думал обратить его внимание на герцогиню Байе.

— И?

— И, как ты успела заметить, получил по носу.

— Очень любопытно, — задумчиво протянула Медвена. — Тебе не кажется, что граф на старости лет стал заглядываться на молодых герцогинь?

— Мне кажется, он просто не способен на кого-то заглядываться, — проворчал Адер. — За всё время, что его светлость находится при дворе, он не завёл ни одной, даже мимолетной, интрижки. Больше того — он даже не посещает борделей.

— Это может значить только то, что Атори разборчив в связях. Проследи сам за Эрвианной де Байе. Чувствую — его светлость не просто так защищает её. Но, боюсь, мои предчувствия слишком незначительный повод, чтобы тревожить короля. Нужны

доказательства. И ты мне их добудешь, Адер. И чем быстрее, тем лучше.



## ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шелестела бумага на столе Бремора де Саменти в подвале под маленькой часовней. Поднималась потревоженная пыль, оседая на горящие факелы. Оттого воздух наполнялся ещё одним специфическим запахом, от которого зудело в носу.

Длинные тонкие пальцы герцогини Байе шуршали по залежавшимся листам. Быстро. Нервно.

Эрвианна спешила отыскать нужные бумаги. Те, о которых перед кончиной говорила Амайя де Байе. Те, которые должен был хранить её отец. Найти и уничтожить. И пусть после этого мать изойдёт на пену. Пусть возненавидят все, кого она знает. Пусть Дэнни никогда не унаследует проклятый трон... Её сын важнее всего этого. И Эрри не могла потерять ещё и его. Без отцовских бумаг, без письма покойной Сиятельной Амайи никто не докажет, что Дэнни имеет хоть малейшее отношение к арнгвирийскому трону.

— Ну же, отец, куда ты мог их спрятать?! — зло смахнув листы со стола, прорычала Эрвианна. — Хоть намекни, в конце концов, — процедила она сквозь зубы, словно сами стены, хранящие память о Бремор де Саменти, могли ответить на её просьбу.

Но они промолчали. Было бы странно — будь иначе.

Эрри в отчаянии стукнула по отполированной до идеальной гладкости столешнице.

Взгляд скользнул по стеллажам с сотнями разнообразных пузырьков, метнулся к полкам с ровными рядами книг. И Эрвианна едва не заплакала. Здесь она может искать несколько листов — несколько десятков лет.

— Проклятье! — простонала она, закатив глаза

С другой стороны, с чего она паникует? Если дочь герцога Саменти не может отыскать эти бумаги, то никто не сможет!

По крайней мере, очень хотелось в это верить.

Эрвианна шумно перевела дыхание и села на край стола.

Шарам. Могла бы и сразу догадаться. Но стоит только подумать, что сыну может что-то угрожать — как тут же отмирает способность размышлять здраво. С этим нужно бы что-то делать. Иначе — не

выжить!

Подобные мысли немного охлаждали разум. Позволяли успокоиться и не совершать необдуманных поступков...

Что же, пусть сегодня она не отыскала бумаги, завтра будет ещё одна ночь. И послезавтра. Ещё будет время.

— Ладно! Раз ты не посчитал нужным поставить меня в известность, папа, то я как-нибудь переживу это. Главное, чтобы ты не решил поделиться этими сведеньями с кем-то другим.

Эрвианна говорила спокойно, размеренно, словно эхо собственных слов немного успокаивало её саму. Пусть и выглядела она как сумасшедшая, но тем не менее, разговаривая вслух, она представляла себе, что отец её слышит. Появлялось идиотское чувство, которое посещало ещё в раннем детстве: словно он может скрыть её от всех невзгод этого мира. Увы... он не придёт, сколько ни разговаривай с его книгами и записями, с его стаканом для талливийского виски и тайнами... Он не защитит. И с этим нужно смириться.

Эрри перевела дыхание ещё раз. В носу щекотало от запаха пыли и немного от невыплаканных слез. Не время рыдать. Да и не будет на это времени. Потому она поднялась и, не оборачиваясь, направилась на выход, бросив один мимолетный взгляд в зеркало, отразившее немного уставшую, но всё же собранную и решительную женщину. Наверное, отец и хотел бы видеть её такой. Ну, значит, такой она и будет. И, напоследок ободряюще улыбнувшись той, что смотрела на неё с той стороны зеркальной глади, стала подниматься к выходу.

Чужие голоса ворвались в тишину святого места неожиданно, когда Эрвианна уже почти дошла до выхода, но не настолько, чтобы вечный страж библиотеки открыл его, дабы выпустить герцогиню.

Голоса... Выкрики... Приказы...

Всё это ворвалось в застывшую во времени часовню, заставило время бежать с бешеной скоростью.

«Не может быть... Этого просто не может быть...» — пронеслось в голове Эрри. С другой стороны, почему же не может? Мать предупреждала её. Предупреждала.

Эрвианна сделала шаг назад. После ещё и ещё, стараясь не шуметь при спуске обратно в подвал. Можно переждать какое-то время, а потом бежать. Хотя вряд ли получится. Если её выследили и разыскивают, то рано или поздно узнают, как сюда попасть. Или просто сровняют

часовню с землей.

Проклятая паника. Эрвианна знала, что рано или поздно она заведёт её в подобную ситуацию...

Ещё шаг. И ещё...

Мягкая туфля скользнула с края ступени и нога неловко подвернулась. Эрвианна едва не вскрикнула, но кто-то поддержал её и одновременно закрыл рот рукой.

— Тише-тише! Я вытащу тебя отсюда, — прошептал у самого уха голос, который она никак не ожидала услышать. Тем более — здесь.

— Как ты сюда попала?! — спросила Эрри у слишком ловко — для её телосложения — спускающейся по крутым ступеням верной служанки.

Ответом ей было эхо шагов, да скрип песка под ногами. Вместе они действовали на нервы, словно этот ритм отсчитывал их последние часы. Как барабаны перед казнью. Отсыревшие, потяжелевшие, юбки опутывали ноги, и оттого движения были неловкими, медленными. Слишком медленными для человека, которого преследует королевская стража.

Страх пульсировал в животе и висках. Сжимал горло, перехватывая дыхание. Дрожью прокатывался по телу — то ли от страха, то ли от холода, так, что стучали зубы. Пришлось откашляться, прежде чем говорить снова.

— Как ты сюда попала? — повторила Эрвианна, цепляясь за шершавую кладку стен, дабы не упасть. — Не молчи, Нэнси.

— Давай немного позже? Я не очень уверена, что мы можем тянуть время, — ответила та, подбегая к зеркалу и проводя по нему ладонью.

Отражение тут же поплыло, отразив вместо отцовской библиотеки совершенно другое место. Небольшая, совершенно обычная комната. Кровать, комод, столик с женскими мелочами напротив небольшого овального зеркала. На стенах — пара светильников с мягко пульсирующим внутри светом. Не огнём, а именно светом: неестественным, голубоватым, мягким.

Но как ни странно, Эрри этому не удивилась. Странное воспоминание всплыло со дна памяти. Смутное, но Эрвианна была уверена, что оно было на самом деле. Она помнила, как отец точно так же проводит по зеркальной глади и делает шаг вперёд, исчезая. А сама Эрри, подбегая к зеркалу, видит только маленькую светловолосую

девочку, смотрящую на неё испуганно и озадаченно.

— Что там? — глядя на простую комнату с безликой обстановкой, сдавленно спросила Эрри, в упор глядя на Нэнси.

— Иди. Там ответ на все твои вопросы, — кивнула она в сторону зеркала и робко, даже нервно, улыбнулась.

Шум наверху превратился в грохот, подгоняя, действуя на нервы и не оставляя выбора. Потому Эрри, переведя дыхание и взглянув ещё раз на напряжённую и серьёзную как никогда ранее Нэнси, сделала шаг сквозь зеркало.

Кожу обдало ледяным ветром Северных скал. Таким холодным, что дыхание перехватило от неожиданности. Всего на миг, а после горячим — Бескрайних песков. Словно один этот шаг она сделала через всю Арнгвирию. А может, так оно и было? И тут же всё исчезло, оставив чувство, будто Эрри парит в воздухе. Но и это чувство быстро отхлынуло, позволив немного осмотреться.

По эту сторону её действительно ждала обычная комната, безликая, но явно ждущая хозяйку. А ещё запах хвои и лимонника. Такой знакомый, что казалось, вот-вот она обернётся и увидит отца.

Но оглянувшись, Эрри увидела только девушку в сером плаще. Её голову полностью скрывал глубокий капюшон, оставляя на обозрение лишь острый подбородок.

— Ступай, Эрри. Тебя уже ждут... — раздался мелодичный красивый голос, разорвавший повисшую неудобную тишину.

Эрвианна всхлипнула, почувствовав, как на глаза наворачиваются слёзы разочарования. Всё это время, годы... столько, что их даже не счесть — ей лгали. Все: мать, близкие и даже единственный во всем этом мире человек, которому она доверяла хоть немного — Нэнси. Все её умения, собранность и спокойствие в ситуациях, когда обычная женщина впала бы в истерику, удивлявшие герцогиню Байе, теперь стали понятны и естественны. Она Безликая. Безликая из ордена Многоликих. Женщина с даром — точно таким же, как и у самой Эрри.

— Благодарю, — холодно и напряжённо обронила её сиятельство Эрвианна де Байе.

И, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться на глазах у этой женщины, двинулась к единственной в комнате двери, выведшей в просторную гостиную. Где её ожидал ещё один человек. Единственный, ради которого она прошла, сцепив зубы, весь этот путь...

— Дэнни, — выдохнула она и всё же сорвалась и разрыдалась, ещё не веря, что это не бредовый сон.

В часовне при королевском дворце Авена царил хаос. Разбросанные чаши и подсвечники. Битое стекло, жалобно всхлипывающее при каждом шаге ступающего по нему человека, искрилось в свете уцелевших, одиноко вспыхивающих, масляных ламп.

— Что здесь происходит? — не повышая голоса, спросил граф Атори.

Звук его голоса, неестественно спокойный и ровный, врезался в какофонический гам, как пение наяды в звуки боя.

Потому в мгновение всё стихло, словно в ожидании грома и молний сухой грозы.

— Я задал вопрос...

— Ваша светлость! — прочистив горло, раздался голос Адера сен Риелс. — Очень удачно, что вы оказались здесь...

Голос его дрожал, несмотря на желание держаться ровней самому опасному человеку Арнгвирии. Но инстинкт сильнее даже самого невероятного самообладания.

Страшные слухи ходили об этом человеке. Говорили, что он может выбить признание в занятии магией за пару часов. Многие предпочли бы смерть на костре его методам дознания. Потому Риелс боялся. Даже будучи твёрдо уверенным в своей правоте...

Но вот правоту нужно ещё доказать, а куда девалась герцогиня Байе, он так и не понял. Именно потому позвал дворцовую стражу и велел искать тайную дверь или что-то подобное. Но увы... Нужно было не спешить, подождать. Но хорошие мысли приходят слишком поздно. А наследник семейства Риелс не отличался уравновешенностью и терпением, если дело касалось его головы.

Теперь придётся изворачиваться ящером.

— Мои источники сообщили, что это место много лет используют для встреч с целью заговора и свержения действующей власти, — тут же, почти не моргнув и глазом, соврал Адер, мечтая только о том, чтобы поскорее оказаться в своих покоях и выпить пару стаканов талливийского виски. — И мне кажется...

— Для человека, занимающего столь значимый пост в государстве, вам слишком часто кажется. Стоит посетить целителя, прежде чем снова вернуться к своим обязанностям. Иначе я вынужден буду

сообщить его величеству о вашем неудовлетворительном состоянии.

— Я уверен, что где-то здесь есть тайник или даже комната, — не выказав и капли уверенности в голосе, заметил Риелс.

— В таком случае, мои люди обязательно выяснят, в чём дело, и найдут это место. Но если этого не случится, вам стоит порепетировать речь перед зеркалом, прежде чем объясняться с королём.

Адер поморщился. Объяснить королю, что Эрвианна де Байе если не колдунья, то некто к магии приближённый, будет весьма сложно, не имея и малейших доказательств её вины. Захотелось выругаться, но Адер сдержался и коротко кивнул.

— Всего хорошего, граф Атори. Надеюсь, ваши возможности помогут нам выяснить, кто предатель при королевском дворе.

— Если он существует не только в вашем воображении, — заметил насмешливо Роберт. — Но благодарю за бдительность. Надеюсь, бессонная ночь не сильно отразится на вашей способности исполнять не только мои, но и непосредственно ваши обязанности.

Адер сен Риелс вышел из часовни, больше не сказав ни слова. Слишком поспешно, за что себя корил, но и поделать не мог ничего. Что бы там ни говорила Медвена, как бы ни была уверена в своей неуязвимости, Адер прекрасно осознавал, что ничто не вечно. Король, благодаря пескам, которые ему подсыпает Меди, рано или поздно дойдёт до того, что обезумеет и казнит не только врагов, но и всех, кто будет вызывать хоть малейшее сомнение в преданности.

— Проклятье! — процедил Адер, подставив лицо холодным каплям дождя.

Если так пойдёт и дальше, то не сегодня-завтра королевский казначей может оказаться в казематах. В руках Атори. А вот тот уж сделает всё возможное, чтобы Риелс признался даже в том, что по его вине в Арнгвирии появились Бескрайние пески. Да что там, Адер и сам будет в этом уверен... И этого ему очень не хотелось.

Ужасные картины появлялись перед глазами одна за другой, и королевский казначей совершенно ничего не мог с этим поделать. Казалось, будущее predetermined. Оно стало таким, едва граф сен Атори вошёл в ту часовню. Даже сейчас, несмотря на холодный ливень и мелкое ледяное крошево, пахло гарью. Так отчётливо, что казалось — стоит закрыть глаза, и вместо ледяного ливня кожу обожжёт пламя Преисподней.

И это пугало до безумия.

Похоже, все заверения Меди теперь не смогут остановить Адера сен Риелса. Если она между жизнью и властью выбирает — власть, то Адеру достаточно и графства, которое он получит от отца. И вообще, давно пора обзавестись супругой и наследником. Зачем погибать из-за её недалёковидности и глупости?

Действительно незачем. Может, если бы не Атори со своими налёками... Но жизнь дороже. Намного дороже денег и власти...

Снова этот проклятый дождь.

Эрвианну знобило и лихорадило. Как бы ни хотелось всё время находиться рядом с сыном, говорить, обнимать его или просто смотреть на него — она не могла. Всё тело ломило. Каждую косточку, каждый сустав... и выкручивало мышцы. Хотелось плакать от слабости. И только обеспокоенное лицо сына, не отходящего от неё уже второй день, не позволяло расклеиться окончательно. Приходилось держаться.

Шарам. А ведь она не болела более пяти лет. Даже несмотря на то, что старательно истощала собственное тело, могла часами стоять на пронизывающем холодном ветру над Бездной, у неё не случалось даже насморка. Ни одно волнение или горе не смогли подорвать её здоровье. И вот: стоило увидеть сына после двух лет разлуки, как её свалила лихорадка. Великие не просто испытывают её силу, они прямо-таки издеваются над ней.

Возможно, это снова яд? Почему нет. Но лекарь замка Кильн сказал, что это просто простуда, осложненная нервным состоянием. Что ж. Мы все однажды можем сдаться. Но Эрри было рано сдаваться. Ещё так много нужно было сделать...

Герцогиня Байе открыла тяжёлые веки. Комната плыла, и отсветы огня, полыхающего в камине, плясали, делая её похожей на Преисподнюю. По крайней мере, Эрри представляла её именно такой.

— Дэнни, тебе не стоит здесь находиться, — послышался голос Исгара, или это и правда был он... — Уже поздно, и тебе не мешало бы поспать. Иначе, когда мама поправится, она расстроится из-за твоего плохого вида.

Это было правильно. Он слишком мал, чтобы сидеть у кровати тяжело больного человека. Ему нужно отдыхать. Но Эрри всё равно заплакала. Тихо, беззвучно, чтобы не расстраивать сына ещё больше.

— Иди, — голос Эрвианны был хриплым, а горло болело так, что

заложило уши. И тем не менее она продолжила: — Тебе нужно отдохнуть, а завтра мне станет лучше, и ты расскажешь мне всё, что ещё не успел рассказать.

— Спокойной ночи, мама! — сказал Денниэл и, склонившись, поцеловал мать в щёку, пылающую лихорадочным румянцем.

На ответ у Эрри не хватило сил.

Скрипнула кровать, принимая вес второго тела. Рука Эрвианны оказалась в чьей-то ледяной руке. В нос ударил запах мокрой кожаной одежды, лошадей и ещё чего-то свежего, совершенно не вяжущегося с этим душным помещением.

Исгар. Он действительно был здесь. Не мерещился, а действительно был с ней рядом. Даже в горячке Эрвианна понимала, что он только с дороги. Ещё не успел ни отдохнуть, ни даже переодеться. И это согревало. Может, потому, что, кроме сына и Исгара, больше никто и не беспокоился о ней...

Эрри даже не подозревала, что волновалась о нём настолько. Снова захотелось плакать. Проклятый жар и бред.

— Как... как ты? Как всё прошло?

— Всё нормально. Ещё будет время, я всё тебе расскажу. Не волнуйся, — сказал Ис и коснулся губами её руки. — Сегодня это всё неважно, Эрри. Я приду завтра. А ты отдыхай.

И стоило ему отпустить её руку, как одиночество и страх потянулись к Эрвианне из тёмных углов. Пугая, угнетая... На миг показалось, что она снова маленькая девочка в тёмной комнате замка Саменти.

— Останься со мной... пожалуйста, — хрипло попросила она. — Просто побудь со мной сегодня... не оставляй...

Она не знала, как ещё попросить. Что говорить. Для неё это было ново и тяжело и, наверное, будь Эрри в здравом уме, то никогда бы этого не сказала. Да и теперь уже жалела...

— Я только переоденусь и вернусь к тебе, Эрри. Несколько минут, хорошо? — прошептал он ей на ухо. — Я не оставлю тебя. Никогда не оставлю.

Берим де Гиуре листал потрёпанные намокшие листы доноса из Байе. И то, о чём рассказывали местами потёкшие строки, ему не очень и нравилось.

«...После того, как герцог Исгар де Кильн пришёл в себя, отряд



был наказан за действия, им не одобренные. Справедливо возмущившийся граф Тевор сен Фольи был взят под стражу и казнён утром следующего дня путём повешенья. Притом герцог не иначе как умышленно велел не повесить графа, а медленно удушить. Потому кончина его была не быстрой, как бывает при переломе шеи, а медленной и мучительной.

После казни герцог допросил пленников, которые напали на отряд во время разведки территории возле города близ Байе. Большинство пленников были отпущены.

Ваше сиятельство, я уверен, что герцог Кильн действовал отнюдь не в интересах государства и короля. Потому считаю своим долгом уведомить вас обо всём случившемся и заверяю в готовности свидетельствовать о совершённых преступлениях в суде, если это будет нужно».

Берим де Гиуре отбросил лист с отчётом и задумчиво подпёр подбородок. С одной стороны — амбициозный Кильн мог принять подобное решение, основываясь исключительно на фактах. С другой — он слишком импульсивен и молод, потому вполне возможно, что это просто личная месть. Но и сам отчёт был прямо-таки пропитан неприязнью человека, его писавшего, к его светлости герцогу Кильну. Потому вряд ли его можно принимать за чистую правду без искажений и преувеличений.

В любом случае королю нужно знать о случившемся. Сухие факты, без предположений и догадок. А если спросит? Что тогда ему говорить? Что он уверен в предательстве Кильна ровно как и в том, что завтра встанет солнце. И что потом? Король обезумел. Настолько, что порой подозревает пятилетнего сына в заговоре с целью занять его место. Конечно, ещё не настолько, чтобы верить, будто Овил сам лично всё это организовал, но уже настолько, чтобы быть уверенным, будто вся высшая знать причастна к этому.

Не этого ожидал он от молодого и сильного герцога Смиле, когда поддержал его в восстании против предыдущего короля. Да, наверное, и не поддержал бы, если бы не обещание Вистера: Изель де Гиуре станет следующей королевой, а сам герцог — тестем престолонаследника. Вистер выполнил свои обязательства, обвенчав Изель со своим старшим сыном Оремом де Смиле. И всё было бы и правда так, как планировал первый королевский советник. Вот только Орем погиб в одной из

многочисленных битв, которые вели его отца к трону, Изель не понесла, чтобы её можно было ввести в королевскую семью. Это сломало его бедную девочку, похоже, она и правда полюбила мужа. А Берим де Гиуре остался ни с чем. Точнее — просто первым советником короля.

И что теперь?

Теперь он советник безумного короля, служение которому — игра с огненным демоном. Либо выиграть, либо сгореть.

Герцог Гиуре встал и прошёл к камину, замер, вглядываясь в беспокойное пламя, словно оно могло открыть ему правильный путь. Но всё, что он там увидел — пламя, грозившее сжечь его дотла. Всё же нужно быть осторожным.

В дверь постучались, вырвав герцога из размышлений.

— Войдите! — бросил он, продолжая смотреть на танцующий в камине огонь.

Щёлкнул замок, скрипнула дверь за спиной. Гиуре незаметно вздохнул, представив, кому и для чего он мог понадобиться в столь позднее время. Несомненно, дело очень важное, раз решились его потревожить. И не так много людей, которые на это бы решились, не дожидаясь хотя бы рассвета.

— Здравствуйте, ваше сиятельство! — раздался за спиной тихий безэмоциональный голос графа Атори.

Ну конечно. Именно он мог позволить себе далеко за полночь ввалиться в покои первого советника короля. И только ему и королевской семье герцог Гиуре не смог бы отказать в аудиенции.

— Чему обязан? — раздражённо поинтересовался Гиуре, всё же повернувшись к визитёру.

— Я прошу прощения за несвоевременный визит, но дело просто не могло ждать, — совершенно не выражая интонациями ни нетерпения, ни важности дела, с которым пришёл, сказал Атори.

— Раз так — я весь внимание, — герцог приглашающе махнул рукой на двухместный диван, отделённый от самого Гиуре письменным столом и кучей отчётов. — Виски?

— Не откажусь, — кивнул граф Атори, присаживаясь на указанное место и доставая из-за пазухи конверт. — Здесь некоторая информация, которой я хотел поделиться с вами прежде, чем беспокоить его величество.

Берим де Гиуре отставил на палец наполненный стакан в сторону и

принял конверт. Клякса воска прижата, видимо, кружкой из таверны. Ни печатей, ни подписей. На случай, если гонца с письмом перехватят, личность того, кто письмо написал, останется тайной, скорее всего. Если, конечно, не воспользоваться песками времени, к примеру. Они легко откроют личность отправителя. Впрочем, магия вне закона. А Гиуре не так уж и нужно знать личность доносчика Атори. Тем более что он всё равно не один.

Воск треснул легко, со щелчком.

Герцог Гиуре резким движением раскрыл конверт и выдернул из него лист с письмом. В воздух поднялась мелкая пыль. На миг Бремору показалось, что она искрится в свете зажжённой свечи. Но не придал этому особого значения, вчитываясь в строки отчёта.

Отчёт был точно таким же, как и предыдущий. Слово в слово. Настолько, что не вызывало сомнений — оба письма написаны одним и тем же человеком.

— И чего вы ждёте от меня? Совета? Пожелания? — спросил Гиуре, потирая жутко зудящий нос.

Атори сделал глоток виски, прежде чем заговорить:

— Вам не кажется, что этот напиток слишком насыщен, чтобы пить его, не разбавляя и не закусывая? — зачем-то сказал он, в то время как у Берима начал чесаться ещё и язык. — Немногие любят его в чистом виде. Но здесь я вас полностью поддерживаю. Виски нужно пить чистым. Иначе не насладиться его вкусом и огнём.

Эти слова сами были подобны огню. Настолько обжигающему, что герцога Гиуре бросило в пот и он явственно ощутил, как кровь отхлынула от лица. Если бы он мог, то закричал бы. Но язык его уже не слушался и начал распухать. Нужно было бежать, но и ноги не слушались. От него не убежишь... Этот человек восстал из мертвых, чтобы наказать Берима за предательство, так какой смысл убегать?

— Не нервничай, это уже не поможет, — спокойно сказал граф. Точнее не граф, это Гиуре уже понял, как и степень своего заблуждения. Герцог. Герцог Бремор де Саменти, в этом не было сомнений. — Несколько минут, и ты будешь мёртв. Мне даже немного жаль с тобой расставаться. Оказывается, ненависть сближает нас с другими людьми не меньше, чем любовь. И расставаться так не хочется.

Гиуре захрипел, откинувшись на спинку стула и едва не свалившись на пол.

— Ты не думал о нашем прошлом, друг? Если бы ты нас не предал, не захотел дочку сделать королевой, то сейчас мы пили бы виски вдвоём, как всегда это бывало по субботам, а Гилвер и Изель воспитывали наших с тобой внуков. Но тебя не устраивало такое родство, не так ли? Ты хотел породниться с королевской семьёй. Знаешь, я даже рад, что у тебя это так и не получилось. И вот что, я обязуюсь исполнить твою мечту и посадить на трон своего внука. Жаль, что ты этого не увидишь.

Берим де Гиуре всё ещё старался противиться надвигающейся темноте. Но увы... смерть неотвратима. Как и восстание. Как и то, что Вистер теперь не усидит на троне — но Берим этого уже не увидит.

Сны.

Это место, где хранятся наши страхи и надежды. Наши мечты и разочарования. То место, куда мы попадаем, убегая от реальности.

Для Эрри это была просто темнота. Благословенная темнота, потому как она уже не могла бояться и разочаровываться и не хотела мечтать и надеяться. И потому она вынырнула из неё нехотя, отчаянно цепляясь за покой глубокого сна.

Веки всё ещё были тяжёлыми. Глаза — болели, но всё же Эрри их открыла и то, что увидела первым, поразило её.

Рядом, почти не касаясь её, спал Исгар — измученный, небритый, что само по себе удивительно. Полумрак комнаты искажал черты его лица, делая их острыми, как у покойника. И это настолько пугало Эрри, что она не удержалась и положила ладонь на его грудь, мечтая только — ощутить стук его сердца. Наверное, это было глупо. Потому как её страхи, не позволявшие рассуждать здраво, ни разу не подтвердились и не оправдались. И Эрри сотни раз обещала себе, что никогда не станет поддаваться страхам. Но... ничего поделать с этим не могла. Ей необходимо было знать наверняка. Ощутить...

Сложно жить с вечным чувством, что все, кого ты любишь и кто любит тебя — гибнут или страдают. И меньше всего хотелось бы причинить боль ещё и Исгару. Хватит боли.

Под ладонью мерно и сильно билось сердце. Так спокойно, чарующе, расслабляюще...

Эрри замерла, прикрыв глаза и считая его удары. Но стоило его руке осторожно накрыть её ладонь — вздрогнула, смутилась, хотела убрать руку.

Исгар не позволил, удержал, осторожно поднес её ладонь к губам, коснувшись поцелуем.

— Ис... — начала Эрри, пытаясь забрать свою руку.

— Давай просто несколько минут полежим молча. Мне хорошо рядом с тобой.

Эрвианна вздохнула, но больше не противилась. Она не хотела признавать, что ей тоже было хорошо просто вот так лежать, словно в её жизни нет никаких проблем. Словно у неё снова есть человек, который её защитит, рядом с которым ей спокойно...

И это злило и расстраивало Эрри. Или это просто последствия болезни. Или она просто устала идти одна, потому и ищет того, на кого могла бы опереться. Только всё это иллюзия, мечта. В реальности — она жена Тевора сен Фольи, который убьёт её, как только Эрри вернётся назад. Или не вернётся...

— Ты больше не вернёшься к нему, — процедил сквозь зубы Исгар, словно прочел её мысли. И весь мнимый покой растаял, как туман под солнечными лучами. — Он мёртв. Я убил сен Фольи.

И снова перед глазами Исгара встала вообще-то неприглядная, но отрадная для Кильна картина: серый туман наполовину прячет пыльное придорожное дерево с толстой корявой веткой, вытянутой далеко в сторону, подобно жилистой руке нищего, с которой висает нечто неопределённо-длинное... Но проснувшийся перед рассветом ветер уже сгоняет клочья тумана, они медленно, словно нехотя, спозают вниз, и становится видно, что ветка украшена вовсе неподобающим ей плодом — неподвижным мёртвым телом с искажёнными последним страданием чертами.

— А знаешь, Фольи, смерть определённо тебе к лицу. При жизни-то ты был изрядным уродом. А вот покойник из тебя получился вполне ничего, — и герцог, сплюнув пыль и соль, тронул поводья. — Выступаем!

— Я его убил, — повторил он.

Его слова пронеслись боем набата по комнате, обрушились на голову и выбили воздух из груди Эрвианны.

Горло перехватило и Эрри резко села, хватая воздух ртом в попытке вдохнуть. Не может быть. Это просто невозможно, ведь это означало бы, что Эрвианна свободна, что кошмар, в котором она прожила более двух лет — закончился. И теперь — может вдохнуть

полной грудью, больше не бояться. Ни за сына. Ни за себя.

Эрри глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Это всегда помогало взять себя в руки, подавить приступы паники. Но только не теперь. Несколько вдохов, и вся боль, сдерживаемая, подавляемая столько времени, что хватило бы на целую жизнь — прорвалась рыданиями. Истеричными. Удушающими.

— Тише. Тише, Эрри, — обнял Исгар её, прижав к груди, и Эрри ткнулась носом в его плечо, не в силах успокоиться, не в силах осознать и поверить. — Теперь всё будет хорошо.

Он гладил её по голове, позволяя выплакаться. Шептал глупости на ухо, снова и снова обещая, что всё будет хорошо — до тех пор, пока её рыдания не перешли лишь в редкие всхлипывания, а дыхание выровнялось.

— Я хочу видеть его труп, — первое, что сказала она, обретя способность разговаривать. — Я хочу убедиться, что он сдох.

— Увы, он остался висеть на придорожном дереве, в Байе. Но когда всё закончится — обязательно покажу это место.

Эрри кивнула, высвободившись из его объятий, и омертвела.

— Что закончится? — сдавленно спросила она.

— Эрри. Скорее всего в ближайшее время династия Халедингов вернёт себе трон. Твой сын — станет королём.

— С чего... Как ты... Это просто невыносимо. Я не позволю. Слышишь?! Я не позволю втянуть моего едва вновь обретённого сына во всё это! Я не могу потерять его! Не могу! Я...

Но в этот миг в дверь постучали, и служанка по ту сторону сообщила, что герцогиню Байе и герцога Кильна ждут внизу через пятнадцать минут.

— Мы поговорим об этом чуть позже, — сказал Ис, вскочив с кровати. — Ты изменишь своё отношение, едва поговоришь с остальными. Верь мне, Эрри. Просто верь.

Вот только нет ничего сложнее, чем просто верить.

## ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Широкая лестница из белого мрамора спускалась в большой зал, освещённый небольшими круглыми шарами, висящими на длинных тонких цепочках. Внутри шаров переливалась ярко-жёлтая пыль, создавая иллюзию живого огня.

Эрри на миг застыла, разглядывая причудливый танец. Ранее ей не раз приходилось видеть магию, и вот так близко — тоже. Но... всё равно это поражало. Вселяло чувство нереальности происходящего. А потому захотелось взять стоящих рядом Дэнни и Исгара за руки. Почувствовать их тепло, убедиться, что она не повредила умом и всё это происходит с ней на самом деле.

Но удержалась. Лишь бросила взгляд на Дэнни и тут же прикрыла глаза. Слишком долго... Слишком много времени прошло с того дня, как они расстались. Теперь это не мальчик, а наследник Байе и, возможно, целого королевства. Серьёзный, собранный, задумчивый и отчуждённый.

Дэнни знал, зачем они здесь. Знал и напряжённый молчаливый Исгар. И только Эрвианна едва могла сдерживаться, дабы не закатить скандал на очередное «немного терпения...» в ответ на закономерный вопрос о том, чего ей ожидать.

Её терпение подходило к концу. И даже удивительные магические шары не смогли надолго отвлечь от дурных мыслей и предчувствий.

С каждым шагом, сделанным вниз по лестнице, ей становилось всё страшнее. Паника поджидала её между стеллажами с книгами и свитками, зельями и камнями, колбами с песком. Это было нечто схожее с отцовской библиотекой, только больше и пафосней. Будто это место не прятали — им хвастались, старались впечатлить человека, посетившего его впервые.

Напротив лестницы полукругом стояли огромные напольные зеркала, точно такие же, как то, по которому Эрри сбежала из Авена. И почему-то подумалось, что таких зеркал довольно много во дворце. Даже в её спальне... значит, кто угодно и когда угодно мог оказаться в её комнатах. От этого стало противно и мерзко. Совсем незнакомый человек мог быть рядом, пока она спала или посещала купальню.

Чувство незащищённости и злость были столь сильными, что Эрри на миг задохнулась и предпочла не думать об этом пока. Иначе рисковала сорваться на первом встречном.

Лучше просто разглядывать обстановку. Это немного успокаивало и отвлекало.

Весь центр помещения занимал большой овальный стол из тасверского чёрного дерева со странной резьбой на столешнице, над которой несколько светильников свешивались особенно низко. И семь стульев вокруг этого странного стола смотрелись одиноко — словно это были скорее атрибуты власти, а не просто места за столом. И несколько кресел едва не под стеллажами.

Смелая догадка прошла по телу холодным сквозняком. Или это была просто игра воображения в закрытом помещении без окон.

— Мама, я надеюсь, с тобой всё хорошо? Ты ещё немного бледна, — сказал Дэнни обернувшись к застывшей посреди лестницы Эрвианне.

— Всё в полном порядке, — соврала Эрри, опираясь на вовремя подставленную руку Исгара. Голова всё ещё кружилась и ноги дрожали от слабости, но показывать это было не время. — Хотя мне бы стало гораздо лучше и спокойней, если бы вы всё же объяснили мне, что это за место и зачем мы здесь. Потому что мои догадки пугают меня больше, чем королевские казематы.

— Думаю, ты знаешь достаточно, чтобы сделать верные выводы, — сказал Исгар.

— Это место сбора Ордена Многоликих? Так? — всё же спросила Эрвианна, глядя, как Дэнни спокойно достаёт одну из книг со стеллажа. Странную, оплетённую цепями из нескольких видов металла, скреплённых замысловатыми застёжками в виде голов рептилий.

Он щёлкнул пальцами, и головы рептилий поднялись, зашевелились, и цепи начали расползаться в разные стороны, замирая на плечах, руках, ногах, даже оплетаясь вокруг шеи Дэнниела. И только присмотревшись, Эрри поняла — это змеи. Станных расцветок, но это и правда змеи! И бросила полный непонимания взгляд на Исгара, совершенно позабыв о своём вопросе.

— Не волнуйся, он знает, что делает, — сказал Ис, наливая в высокий бокал тёмного стекла красный напиток и протягивая его Эрри.

— Я не пью вино.



— Это виноградный сок. Он поможет быстро восстановить силы, — и только после того как Эрвианна взяла бокал, продолжил. — Да, это место предназначено для совета ордена Многоликих. Уже много сотен лет.

— Я думала, оно во дворце. В часовне, — заметила герцогиня Байе, пригубив сок: слишком сладкий, на её вкус.

— Был когда-то. Но после того как магию запретили и объявили вне закона, нужно было другое место. И мой предок предложил подвалы своего замка, сделав их более уютными.

— Я заметила, проходя по тёмным переходам сырого подземелья, — поморщилась Эрри, вспомнив все ужасные ощущения, который испытала по пути сюда. — Почему здесь?

— Мой род единственный из высшей знати, не имеющий ни капли хоть какого-то магического дара. Ни многоликих, ни безликих, никого... Похоже, моего предка это угнетало. Вот потому... Но я не уверен. К записям Ордена мне путь заказан, в отличие от тебя или Дэнни, — кивнул он на листающего книгу наследника Байе.

— Правда? И что бы произошло, если бы ты взял ту книгу, а не мой сын?

— Ядовитые змеи убили бы меня, — спокойно ответил Исгар, пригубив напиток из второго бокала.

— Что ты имеешь в виду? — едва смогла выдавить Эрри, чувствуя, как дрожит голос и немеют пальцы от страха. Как кружится голова и слабеют ноги. Потому отдала свой бокал Исгару, страшась расплескать сок на ковёр цвета сухого песка.

Глядя на сына, она испытывала в тот момент такой ужас, что только вбитое воспитанием самообладание не позволило впасть в истерику и не броситься к нему, отдирая замерших змей. Или это был больше страх того, что так она сделает только хуже?

Но Дэнниел был спокоен. Листал страницы, хмуря брови и осмысливая прочитанное. Ядовитые рептилии его совершенно не тревожили.

— Змейки стерегут книги, которые действительно важны. История Ордена, основы магии Арнгвирии. Не просто общие знания. Намного глубже и точнее. С опытом и ошибками предыдущих поколений. Они оберегут книги от любого человека, в жилах которого не течёт кровь с примесью магии. Но для вас они не представляют угрозы.

— Я не член Ордена, — выдавила Эрри и на всякий случай отвернулась, дабы не сорваться.

— Может быть, — сказал Исгар, отставив бокалы и беря её за руки. Тепло его рук немного успокоило. По крайней мере, начали отогреваться онемевшие ледяные пальцы. — Твой отец старался уберечь тебя от всего этого. Но только члены ордена знают, удалось ли ему это. Да и если ему удалось тогда, то я не уверен, что и теперь удастся.

Эрвианна кивнула, соглашаясь с его словами, но тут же насторожилась.

— «Не уверен, что удастся». Что ты этим хочешь сказать?

— Сейчас сама узнаешь, думаю, — кивнул Исгар на зеркала, уже отражающие совершенно другие места.

Дэнни быстро закрыл книгу. Настолько быстро, что у Эрвианны снова онемели ноги и на лбу выступил холодный пот. И только когда книга снова оказалась на полке, она смогла немного взять себя в руки.

— Дэнниел, в следующий раз спрашивай разрешения, прежде чем брать книги в этой библиотеке, — прошипела она не хуже змеи.

— Я уже получил разрешение, мама. Но раз ты так хочешь... — сказал он совершенно спокойно, встав рядом с Эрри и заложив руки за спину.

И Эрвианна в который раз почувствовала, как на самом деле далека от собственного сына. Настолько, что это расстояние ей придётся преодолевать не день и не два. Месяц? Год? И сможет ли его преодолеть мать, которая более двух лет была далека от собственного ребёнка? Не стала ли она ему совершенно чужим человеком?

— Ему нужно немного времени, — прошептал на ухо Ис и крепко обнял Эрри за плечи.

И это хорошо. Потому как Зеркала снова пошли рябью и из них начали появляться члены Ордена Многоликих.

Герцог Харимэ, Тормен с женой.

Валения, совершенно не удивившая своим появлением Эрвианну.

Все они были спокойны. Никто не проронил ни слова, кроме слов приветствия, сопровождаемых церемонными, ничего не значащими кивками. Они ждали. Дурное предчувствие, ненадолго оставившее Эрри, вернулось и затянулось узлом в животе. И не зря.

За зеркальной гладью остался один-единственный человек.

Королевский палач, которого так боялась мать. И это совершенно сбило с толку герцогиню Байе.

Но стоило графу Атори сделать шаг вперёд, как зал качнулся и закружился.

Эрвианна не верила своим глазам. В нескольких шагах от неё стоял никто иной, как Бремор де Саменти. В точности такой, как она его помнила.

— Не может быть! — прошептала Эрри, едва не повиснув на руках Исгара. — Это злая шутка?

— Нет, девочка моя. Проходя сквозь зеркала, мы теряем личины. Это действительно я.

Эрвианна молчала. Боялась, что едва откроет рот, сорвётся на истеричный визг. Потому молчала. Впервые за много дней ей захотелось выпить. И чего-то покрепче, чем просто терпкое кильнское. Наверное, талливийский виски был бы более кстати.

— Ты знал? — спросила она, закрыв глаза, дабы немного унять кружащуюся комнату, но все прекрасно поняли, к кому был обращён вопрос.

— Были некоторые догадки, — прочистив горло, но так и не убрав руки, ответил Ис, — Я был уверен, что твой отец не мог умереть просто так. Хотя, если честно, я удивлён не меньше твоего.

Эрри медленно вдохнула, задержала дыхание и так же медленно выдохнула. Мысли путались и совсем не желали оформляться в слова, а тем более — фразы. Столько вопросов. Столько боли, отчаянья, горя...

— А... Ро...Роневан? — выдавила она, всё же собравшись с силами и взглянув отцу прямо в глаза.

Он не изменился за два года. За эти проклятые два года.

— Роневан мёртв, Эрри, — сказал Бремор де Саменти, опустив взгляд в пол. — Мне жаль. Но он сам так решил. Для сына.

— Правда? Для сына он решил пожертвовать своей жизнью?

— Эрри, мы поговорим об этом позже, — подала голос Валения.

— Замолчи вообще! — всё же сорвалась Эрвианна, вырвавшись из рук Исгара. — Ты... ты чудовище. Вы оба... чудовища, неспособные думать ни о чём, кроме как о власти и политике. Втянувшие в это моего сына, меня. Кстати, а где мой дорогой брат?

— Он сейчас движется с войсками в сторону столицы, — холодно ответил герцог Саменти. — И если ты не успокоишься, то погибнет из-

за этой истерики. Исгар, будьте добры, уведите мою дочь. Ей нужно немного прийти в себя.

Бремон де Саменти провёл рукой по зеркалу, и по ту сторону показалась её комната в этом замке.

— Ступай. Мы поговорим немного позже, — тихим упавшим голосом сказал отец, но в следующую минуту уже взял себя руки и добавил жёстко: — Герцог Кильн, не задерживайтесь. Вы нужны нам здесь.

Эрри хотелось развернуться и бежать. До тех пор, пока хватит сил переставлять ноги. Но самолюбие, поддерживаемое сильной рукой Иса, дало сил пройти к зеркалу, держа спину ровно. Его хватило даже на то, чтобы вежливо кивнуть всем присутствующим, прежде чем покинуть торжественный зал, в котором остались все, кому она не могла больше доверять. А ещё там остался её сын, которому там, в этом змеином гнезде, не место. Но Дэнниел спокоен, чувствуя, что его они не укусят. И Эрри понимала, что бросившись его спасать сейчас — она сделает только хуже.

— Я вернусь, как только всё закончится, — пообещал Исгар, проводив Эрвианну до кресла и помогая ей сесть.

Но как только собрался уйти, она схватила его за руку, пытаясь задержать, и тихо, почти не слышно, прошептала:

— Не дай им убить моего сына.

Исгар хотел сказать, что всё будет хорошо, что ничего непоправимого не случится, что ей не о чём волноваться... Но он не смог ей соврать, даже если бы эта ложь была бы ей во благо. Потому просто кивнул:

— Я сделаю всё, что в моих силах.

И Эрвианне стало немного легче. Сейчас ей не нужно было много, достаточно чувства, что она не одна и есть хоть один человек, которому ещё хочется доверять. И по иронии — это человек, которого она долгое время считала предателем.

Она казалось себе рыбой, попавшей в сети. Умело расставленные сети. Вот только для чего? Не для того же, чтобы просто поддерживать наследника арнговирийского трона. Тогда к чему это? Зачем?

— Эрри, девочка моя, — вывел из задумчивости голос Нэнси, и Эрри поморщилась, совершенно не желая видеть сейчас рядом ещё одного предателя. — Я понимаю, что тебе сейчас неприятно меня

видеть, но...

— Ты права, я не хочу тебя ни видеть, ни слышать, — всколыхнулась и выплеснулась старательно сдерживаемая Эрвианной злость. — В первую очередь потому, что я даже не знаю, кто ты. Столько лет рядом. Я помню тебя столько же, столько себя. Ты, Нэнси, была мне ближе, чем мать с отцом. И оказывается, я совершенно не знала, кто ты на самом деле. И да, я действительно не хочу видеть тебя, если ты не скажешь — кто ты на самом деле?!

И только умолкнув, Эрри выдохнула и осознала, что сорвалась на крик. Собственный голос звенел в ушах. Захотелось выругаться, но она ограничилась только мысленным ругательством на свою несдержанность.

Пусть нервы сдавали, но герцогиня Байе, намеревающаяся сохранить сыну жизнь, должна быть сильной. Иначе кто знает, чем это всё может закончиться.

— Прости, я немного сорвалась, — выдохнула Эрри, поднявшись с места. Налила себе вина и тут же отпила большой глоток. — Это всё слишком. Мне нужно собраться с мыслями.

Нэнси поджала губы, но смолчала. Она прекрасно понимала, что собраться с мыслями её подопечная будет сегодня так, как привыкла — напиваясь. Вот только остановить её теперь не могла. Впрочем, она не могла этого сделать и ранее, а уж теперь...

— Простите, госпожа, — согнулась она в поклоне и попятилась к двери. — Доброй ночи.

Но едва дверь за служанкой захлопнулась, как Эрри отставила бокал и растёрла виски холодными пальцами.

Судя по всему, ей предстоит разговор с отцом. И Эрвианна планировала вынести из него больше, чем просто заверения в том, что ему безгранично жаль. Её хотят использовать. Иначе не тащили бы в зал, где собираются члены Ордена.

Сейчас Эрри даже жалела о вспышке гнева и злости. Нужно было остаться. Услышать, о чём они будут говорить, что планировать. Меньше всего хотелось снова оставаться в стороне от жизни своего единственного ребёнка.

Теперь нужно было всё исправить. И единственный выход — разговор с отцом.

Но именно это её страшило больше всего.

Время. Нет в мире более непостоянной величины. Оно превращается в мгновение, когда ты пытаешься оттянуть событие, и становится вечностью, когда ожидаешь.

Эрвианна де Байе сидела в темноте пустой комнаты, не позволив слугам даже разжечь камин, и переживала свою вечность. Бесконечное ожидание в надежде, что смогла предугадать события. Секунды, застрявшие в промежутках между конвульсивными дёрганьями секундной стрелки, растянувшиеся в минуты и часы. В темноте и тишине. Но так даже лучше. Её ничто не отвлекало от раздумий и планов. Отец, если он всё такой же, каким она его помнила, непременно придёт. Как бы ни сложилась их жизнь в последние годы, какими бы ни были их цели: вернуть на престол Халединга или просто сохранить сыну жизнь — Эрри с отцом похожи. Эрвианна знала ещё одно — отец всегда её любил. И надеялась, что любит до сих пор.

К тому же они не просто так притащили её во дворец. Ордену что-то нужно от Эрри, а значит, она может попробовать поставить свои условия. Оставалось только надеяться, что Бремор де Саменти уступит ей не как член Ордена Многоликих, а как любящий её отец.

Да, Эрри была зла на родителей, но для обид ещё будет время. Не сейчас. Позже.

Тихий ровный стук в дверь разлетелся по комнате громом. Эрвианна вздрогнула, не в силах удержать выветрившееся спокойствие, но на короткое «Войдите!» самообладания всё же хватило.

Чуть слышно взвизгнули давно не смазанные дверные петли. На чёрный пол легла полоска света, внутри которой поместился чёрный силуэт.

В горле пересохло, и Эрри неосознанно потянулась за бокалом так и не выпитого вина. Всего глоток терпкого кильнского. Глоток смелости и силы — удержаться от ненужных истерик и обвинений.

Эрвианна поставила бокал на столик и зажгла свечу, чуть поморщившись от резкого света.

Дверь закрылась и снова повисла тишина. Давящая. Тяжёлая.

— Скажи, папа, ты хоть немного сожалеешь от том, что мне пришлось пережить за последние годы? — спросила Эрри, так и не набравшись храбрости обернуться.

— Сожалею ли я? — спустя нескончаемо долгое время заговорил Бремор де Саменти. — Эрвианна, моя маленькая светлая девочка, моё

сердце разрывалось от горя и боли всё это время. Я мечтал только о том, чтобы мой дар не достался моим детям. Что вы с братом сможете прожить относительно нормальную жизнь. Быть счастливыми в браке, родить и воспитать детей, не оглядываясь на закон и не боясь, что рано или поздно окажетесь на костре. Но... как ты понимаешь, мои надежды не сбылись. Твой дар проявился рано. Все эти события: восстания, переворот... Единственное, чего мне хотелось — защитить вас. И я не мог. Не так, как хотел бы...

Эрри поджала губы, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Но когда заговорила, голос не дрожал и не срывался:

— Ты хочешь, чтобы я тоже участвовала в заговоре?

Бремор де Саменти прошёл по комнате и опустился в одно из мягких кресел, прикрыв глаза.

Эрри осторожно повернулась в его сторону, замерла, разглядывая его лицо. Сейчас он казался усталым. Словно весь мир давил на его плечи. Хотелось обнять его, как когда-то, снова почувствовать себя в безопасности. Но Эрвианна легко подавила в себе это чувство.

— Ты можешь не помогать нам, — всё же сказал отец, посмотрев Эрри прямо в глаза. — Я не посмею тебя принуждать. Если ты хочешь, можешь переждать пока здесь. Это место выдержит всё. К тому же мне будет спокойней, если хоть кто-то из близких мне людей будет в безопасности. Но ты мне нужна, Эрри. Без тебя у меня ничего не выйдет.

Эрри едва сдержалась, чтобы не поморщиться. Это были лишь слова. И цель их — совесть Эрвианны. Возможно, два года тому, когда она была ещё доверчивым ребёнком, верящим в человеческую чистоту, поверила бы и бросилась помогать отцу. Просто потому, что он попросил. Но нынешняя герцогиня Байе — не маленькая девочка, а взрослая женщина, которую лишь чудом не сломали обстоятельства.

Два года она думала, что наибольшую боль познала в невыносимом браке. Сейчас же, чувствуя, как тонкой коркой изморози покрывается душа, понимала, что все издевательства сен Фольи вынести было легче, чем один этот разговор.

Нет, Эрри не сомневалась, что отец её любит. Но вот в том, что они похожи... Эрвианна не смогла бы, глядя в глаза дорогому человеку, просить его пробежать по раскалённым углям. И уж тем более собственного ребёнка. И это было гораздо больнее, чем все побои и

издевательства покойного, слава Великим, мужа.

— Я сделаю всё, что нужно, — проглотив горький ком, сказала Эрри. — Но на своих условиях.

— Конечно, моя светлая Эрри. Всё, что пожелаешь.

— В первую очередь я сама буду распоряжаться своей жизнью, ни один член моей семьи, ни ты, ни мать, ни брат, не станут препятствовать мне и заставлять делать то, чего я делать не желаю. Никто без моего ведома не станет распоряжаться жизнью и будущим моего сына. Станет он королём Арнгвирии или нет. И я хочу знать всё, а не только то, что ты считаешь нужным мне рассказать. С самого начала всего этого кошмара и до планов на будущее. Я не собираюсь послушно исполнять чужую волю. Даже если это твоя воля.

Бремор де Саменти на мгновение замер, раздумывая над её словами. Но через мгновение улыбнулся:

— Иного я и не ожидал от своей дочери.

“...Всё началось с поражения. самого нелепого поражения за всю историю королевства.

Федерик Второй Халединг даже подумать не мог, что именно при его правлении прервётся правящая династия Арнгвирии. Всё же если веками трон переходил от отца к сыну, и ни один человек не посмел оспорить этот закон или бросить вызов королю, то забываешь о необходимости отстаивать свои права.

Это была его ошибка. Ошибка, за которую теперь придётся дорого заплатить. Кровью тех, кто остался верен ему.

Федерик смотрел на усталых людей, с трудом собранных под его знамёна, и прекрасно понимал, что их держит в стенах Валье только вера в честь и совесть, а не в своего короля. Да что сказать, он и сам не очень-то в себя верил.

— Скажи, Бремор, — обратился он к своему первому советнику, всё так же разглядывая своих воинов у подножья башни, — есть ли смысл в этой последней битве? Я прекрасно знаю, что нам не победить.

— Пасть в бою лучше, чем от секиры палача, — ответил герцог Саменти, сняв свои странные, нелепые очки и, положив их на стол, устало потёр глаза. — Кровь обязывает вас сражаться. Иначе, сдавшись, вы признаете, что Вистер имеет права на трон, равные вашим, и все те жертвы, которые были принесены этой войне — бессмысленны. Имеете ли вы тогда право сдаться, ваше величество?



Федерик грустно улыбнулся и отвернулся от окна, словно там разверзлось пламя Преисподней.

— Ты всегда умел подобрать слова, которые не оставили бы меня равнодушным. За это я и люблю тебя. И за верность, Бремор.

— Вы так говорите, словно прощаетесь, ваше величество. Но ведь вы знаете, что вовсе необязательно ни вам, ни принцу присутствовать на поле боя. В Ордене достаточно Безликих, и мы могли бы сделать так...

— Не заставляй меня в тебе разочаровываться, — прервал его король. — Я лучше приму смерть, чем, поджав хвост, сбегу неизвестно куда. Ластиан тоже на волосок от смерти. Его рана... Я уже видел подобные ранее. И моих знаний достаточно для того, чтобы понимать — дурной запах — признак скорой кончины. У меня остался только Роневан. Но он слишком горд, чтобы признать наследие крови. В этом он больше Байе, — последние слова Федерик буквально выплюнул, ощущая ярость, которая так и не оставила его за все эти годы. — Но даже если он переступит свою гордость, то его всё равно либо казнят, либо он отречётся от трона, что лишит прав и всех его детей. Единственная надежда — наш с тобой внук. Он последний в роду Байе, потому его не тронут. Ему не придётся присягать Вистеру, потому что он ребёнок. И у вас будет время, чтобы собраться с силами и всё исправить. Смиле полагается на грубую силу. Ты — на ум и хитрость. И я точно знаю, что ты справишься с этим заданием.

Бремор де Саменти поджал губы, впервые не зная, что сказать.

— Не раздумывай над ответом сейчас. У тебя будет время. Остаешься в живых и исполни мой приказ.

Герцогу Саменти ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

— Да, ваше величество. Я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы исполнить вашу волю.

Федерик скупно улыбнулся, словно тем пытался приободрить верного советника.

— Даже не подумал бы, что, давая разрешение на брак моего бастарда и твоей дочери, я буду уговаривать тебя посадить на трон их сына. А теперь формальности. Я напишу указ, которым признаю Роневана де Байе своим законным сыном и наследником, как и всех его потомков — наследниками со всеми правами, обязанностями и очередью на престол. К нему будут прикреплены бумаги и свидетельства, которые тебе удалось добыть. Это для того, чтобы ни у

кого не возникло сомнений. Они, конечно же, будут всё равно. Но уверен, ты с этим справишься...

Король на время умолк, погрузившись в свои мысли, и неожиданно спросил:

— Ты любил когда-нибудь?

Вопрос застал Бремора врасплох, потому он ответил не сразу и осторожно подбирая слова:

— Мне повезло, ваше величество. Я женился на прекраснейшей женщине, которую могли создать Великие. И да, за неё я готов отдать свою жизнь.

— А титул? Ты бы пожертвовал титулом и положением ради неё?

Советник снова задумался, но Федерик не стал ждать ответа. Не ответ ему был нужен, а человек, который выслушает его.

— Я любил её. Амайю. Она была необычна. Не жеманничала и говорила в глаза престолонаследнику, что думала. Вспоминая её — ту, совсем юную, я не сказал бы, что Амайя была красива, но тем не менее я спустя столько лет помню каждую черту её лица... Странно, правда? Знаешь, а ведь я хотел на ней жениться. Но в таком случае отец угрожал лишить меня наследства и всех прав на трон. Я не выбрал сразу. Замялся, задумался, засомневался. И пока раздумывал — стало поздно. Женщина, которую я любил, стала женой другого человека. А после выяснилось, что мой первенец называет этого же человека своим отцом. И самое ужасное то, что герцог Байе до самой смерти был одним из самых преданных людей короны. Ты себе даже представить не можешь, каково это...

Король снова задумался, но в этот раз выражение его лица было другим. Он сожалел. А нет ничего хуже, чем сожаление об упущенных возможностях.

Герцог Саменти тоже задумался, но о другом. Он думал о том, как сделать то, о чём просил король. Не самое лёгкое задание.

— Ваше величество, я вынужден вас оставить на некоторое время. Штурм может начаться в любой момент. И мне нужно многое успеть...

— Да, ступай. Я подготовлю бумаги сам, — кивнул король, присаживаясь за стол и беря бумагу и письменные принадлежности.

«Непосильных задач не бывает. Просто нужно правильно рассчитать ходы. Выждать время... И всё получится. Всё обязательно получится».

В свой кабинет Бремор влетел подобно урагану, даже невозмутимая Безликая, застывшая у окна, словно изваяние, вздрогнула.

— Ваше сиятельство, — поклонилась она. — Чем я могу быть полезна?

— Прикажи найти мне младшего Кильна. Мне необходимо с ним поговорить, — бросил герцог Саменти, зашуршав бумагами, ровными стопками сложенными на столе.

Некоторые он выбрасывал. Некоторые откладывал на будущее. Некоторые складывал в шкатулку.

Даже когда Исгар Кильн прибыл в его кабинет, не прервался, боясь упустить что-то важное. И только когда все нужные документы были в шкатулке, он передал их Безликой — для лучшей сохранности.

Исгара было сложно убедить в необходимости именно этих действий. Бремор ещё не знал, что будет дальше. Потому решил просто держать связь через Безликую. А самому умереть.

Битва под Валье и битвой толком не была.

Федерик не внял разумному совету пересидеть осаду в стенах крепости. Он не сдался, но битва была проиграна уже в тот момент, когда ворота за его спиной закрылись. Рядом с ним остались немногие. И Бремору пришлось долго уговаривать свою совесть. Не смея ослушаться приказа короля, он глядел, как вместо герцога Саменти на его коне восседает Безликий, готовый пожертвовать жизнью по приказу короля. А ему, как и Кильну и многим другим, приказано жить.

Нужно было время. Много времени, чтобы снова оказаться при дворе. Королевского палача Бремор убил сам, переняв его личину. А с помощью Исгара де Кильна стал главой тайной канцелярии и доверенным человеком короля Вистера. Конечно, пришлось много раз доказывать свою верность, присутствовать на допросах и искать предателей короны. Но скоро это помогло расчистить двор от тех, кто был верен узурпатору. И сплести прочные сети, в которых с каждым днем всё больше запутывался Вистер Первый.

Так он через проверенного человека надоумил Медвену сен Риелс травить короля. Потихоньку распуская слухи, что король слабеет умом. Дворцовые слуги в этом славные помощники.

От Вистера стали отворачиваться те, кто так яро его поддерживал. И это радовало.

Но Бремору де Саменти, или лучше сказать Роберту сен Атори, так

и не удалось за почти два года отыскать место, где прячут его внука. Порой это доводило его до бешенства, хотя на деле он не был человеком, склонным проявлять эмоции. Но это...

Особенно вместе с докладами о том, как живёт его дочь. Ещё никогда герцог Саменти не чувствовал себя таким беспомощным.

И все силы направлял на то, чем мог хоть немного управлять. То, что у него получалось сделать. И воплотить свои планы в жизнь.

Но вот неожиданное желание короля заключить союз с Хостией в планы Бремора не входило. Потому он предпринял всё возможное, чтобы этой помолвки не состоялось.

Осталось не так много. Само восстание...»

Эрвианна слушала всё это молча, не перебивая и стараясь не злиться. За коротким, длиной в полстакана виски, рассказом оказалось множество сломанных судеб, сотни отнятых жизней. И всё ради власти. Но самое жуткое было то, что самой Эрри не выйти из этой игры, в которую она играла, сама не понимая того.

— И зачем тебе я? — сделав глоток вина, спросила Эрвианна.

Бремор де Саменти привычным жестом снял очки и положил их на подлокотник кресла.

— Как бы то ни было, а Вистер был прав, решив заключить союз с Хостией. Мы не можем упустить такой возможности. Но Колливэ не так проста, как хочет казаться. Её благосклонность может сыграть немалую роль, когда будут решаться вопросы войны или мира. И ты единственная, кто сможет договориться с ней.

— С чего такая уверенность? — выгнула бровь Эрвианна.

— Правящая династия Хостии — маги. Сильные маги. Как думаешь, чего бы хотела королева, которая вынуждена скрывать свои возможности?

— Свободы действий.

— Именно. Пообещай ей эту свободу. К тому же Колливэ приблизила тебя...

— Ты знал, что так будет?

— Предугадывал. Она чужестранка. Во дворце у неё никого нет, кроме её служанок. Потому неудивительно, что она обратила внимание на тех, кто, скорее всего, примет её сторону. Я даже не удивлюсь, если сейчас она решила сблизиться с ещё одной несчастной.

— Зервиной?

Бремор кивнул.

— С ней даже проще. Стоит только пообещать, что у неё будет нормальная жизнь.

— Не думаю, что Зерви этим можно подкупить. Она прекрасно знает, от кого на самом деле зависит её жизнь.

— Кто знает...

— Я так понимаю, мне придётся вернуться ко двору? — сдавленно спросила Эрри, сжав подлокотник кресла так, что побелели костяшки пальцев.

— На время. Только для встречи с принцессой. Думаю, это произойдёт не так сразу. Безликая даст тебе знать.

— Ты хотел сказать, Нэнси? — почему-то раздражённо исправила Эрвианна отца.

— Как тебе будет угодно. А сейчас прошу прощения, моя светлая девочка, но у меня очень много дел, — сказал Бремор, поднимаясь с места, и Эрри поднялась вместе с ним, желая проводить хоть до двери.

— Удачи, отец, — сказала она, позволяя себя обнять, но так и не набравшись сил ответить на эти объятия, продолжая просто стоять, сжав руки в кулаки.

Она не смогла пошевелиться, даже когда он ушёл, оставив по себе запах виски и тяжесть чужих тайн. Всё так же стояла, стискивая кулаки, и убеждала себя в том, что другого пути у неё нет.

## ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Следующие несколько дней Эрри пыталась осмыслить и принять то, что услышала.

Жутко хотелось сбежать вместе с сыном, но для этого нужны деньги и везение. Или знание магии, как у членов Ордена. На следующий после разговора с отцом день Эрвианна спустилась в библиотеку замка Кильн вместе с Дэнни, но подступиться к нужным книгам так и не решилась.

— Разве ты не боишься этих змей? — спросила она, присаживаясь рядом с сыном и пытаясь заглянуть в книгу, которую тот увлечённо читал. Но каждая такая попытка сопровождалась угрожающим шипением маленьких металлических змеек, и пришлось эту затею оставить.

— Они совершенно безобидные, — с детским восторгом поделился Дэнниел, подставляя ладошку одной из гадин, которая мгновенно откликнулась и заползла в рукав рубашки.

Всё это выбивало на лбу Эрвианны холодный пот, но она находила силы улыбаться и делать вид, что согласна с сыном. Между ними и без того была огромная пропасть. Не стоило делать её ещё больше. Иногда Дэнни пускался в объяснения строений магических потоков, пространственных изломов и стационарных порталов, но единственное, о чём могла думать Эрвианна в это время — откуда сын столько знал о магии.

После очередного совершенно непонятого герцогине Байе объяснения она решилась и задала мучивший её вопрос.

— Это любопытно, — совершенно серьёзно ответил сын. — Разве тебе не интересно, как так получается, что ты можешь изменить свой облик? Почему всё происходит так? От чего зависит, получится перенять личину или нет?

Все эти разговоры и вопросы заставляли нервничать не меньше, если не больше, чем ползающие по Дэнниелу змейки. Но в то же время подобные разговоры разжигали интерес. Всю жизнь Эрвианна прятала свои способности, как нечто постыдное. Даже Роневан не знал о её изъяне. Отец всегда говорил, что от того, сумеет ли Эрри держать в

секрете свой дар, зависит не только её жизнь, но и жизнь всего рода Саменти. И послушная дочь делала всё, что только могла — лишь иногда всё же играя с образами, чтобы не забыть совсем, как это.

Разговоры о магии с сыном теперь становились для неё в один ряд с чем-то постыдным, о чём с сыновьями разговаривают отцы немного позже. И Эрвианне приходилось одёргивать себя. Напоминать о том, что он будущий король и ему не стоит бояться своих умений. Пусть даже таких.

Будущий король. Сама эта фраза вселяла в Эрри ужас. Порой Дэнни рассуждал о своём долге крови, и Эрвианна с застывшей на губах улыбкой проклинала отца и мать за то, что всё это вложили в его голову. С другой стороны, невозможно воспитать льва, обращаясь с ним, как с котёнком. И пусть и не хотелось, но Эрри вынуждена была признать, что для наследника престола подобные мысли были правильными и нужными. А как мать она готова была взвыть от боли и отчаянья.

В этот вечер замок Кильн был необычайно пуст. Напряжение витало в воздухе невыносимой тишиной, давящей на плечи, пригибающей к земле. Эрри старалась ступать тихо, но эхо шагов разлеталось по коридорам, заглядывало в пустующие покои, металось между стен коридоров, прежде чем просто растаять. Вздрагивала, словно в испуге, золотистая пыль в шарах-светильниках. Но по-настоящему страшно становилось почему-то Эрвианне.

Её вечный страх таился в пустых тёмных ответвлениях коридора. Страх темноты и одиночества. Только сейчас Эрвианна поняла, чего боялась на самом деле с самого детства — остаться в темноте один на один с самой собой. Именно темнота лучше всего рисует чудовищ. И порой достаточно единственного луча света, чтобы понять, как глупо выглядит твой страх — но нужно ещё найти этот луч.

И только она подумала об этом, как одна из дверей открылась, и в коридор вышел Исгар, едва не налетев на Эрвиану.

— Эрри? Что ты здесь делаешь среди ночи? — не скрывая удивления, спросил Исгар.

Он выглядел уставшим. Что и неудивительно. Подготовка к войне — дело, выматывающее силы не только физические, но и душевные. И пусть эта усталость залегла тенями под глазами и резче обозначила черты лица, в остальном он оставался тем же. Спокойным. С лёгкой

улыбкой на губах и ямочками на щеках. И Эрри поймала себя на том, что рядом с ним ей становится немного легче. Отступают чудовища, таящиеся в темноте... и хочется спрятаться от всех своих тревог и бед в его объятьях, снова почувствовать себя не одинокой.

И это чувство уже даже почти не удивляло герцогиню Байе.

Но всё же она отмахнулась от непонятного желания оказаться в объятьях Исгара, снова почувствовать его губы на своих губах и огонь, растекающийся по венам...

— Укладывала спать Дэнни, — сказала она, опустив глаза, и неожиданно добавила, понимая, что не хочет уходить сейчас: — Я соскучилась по нему, и... мне кажется, что стоит отвернуться — и снова его у меня отберут.

— Это просто страхи, Эрри...

— Ты так действительно думаешь или просто утешаешь меня? Мы оба прекрасно знаем, что грядущее непредсказуемо. И...

Горло Эрвианны сжал спазм, словно удерживая её от страшных слов. Вот бы ещё и от ужасных мыслей избавил. Стёр из памяти картины прошлого.

Ис сделал шаг в сторону, пропуская Эрри в свои покои:

— Не стоит говорить об этом в коридоре. Зайдёшь на бокал... виноградного сока?

Эрвианна засомневалась, но всего на несколько мгновений. Она способна совладать с своими чувствами, а вот со страхами оставаться наедине не хотелось.

— Можно и на бокал вина, — тепло улыбнулась она, входя в покои Исгара де Кильна.

— Иногда мне кажется, что прошлое случилось не с нами. Что все воспоминания — лишь рассказанная кем-то плохая история, выдуманная бродячим менестрелем, — обронила Эрвианна, оставив бокал с недопитым вином на столик, приставленный к дивану.

Голос Эрри звучал мягко, убаюкивающе, устало. Словно не хотел тревожить покой и тишину, которые уютно разместились в небольшой гостиной покоев Исгара де Кильна.

Да и сама Эрвианна выглядела так, словно смирилась с неизбежным злом, приняла решение, которое не позволит отступить от выбранного пути. И всё же этот выбор её пугал. Как и путь, проложенный к не её цели.



Исгару было больно видеть Эрри такой. Прошлое, которое, казалось, не принадлежало им, изменило их, сделало жёсткими, или даже жестокими. Научило действовать во имя большего блага. Просчитывать следующий шаг умом, а не чувствами. И Исгар больше всего бы желал избавиться от этого прошлого. Оставить его ночным кошмарам и сюжетам пьес для бродячих театров, от которых будут рыдать зрители. Но это не так просто. Невозможно забыть две вещи — боль и любовь. А Эрвианна для него всегда была и тем, и другим.

Порой он позволял себе вспомнить тот поцелуй в часовне, но теперь — всё реже... потому что чувства начинали брать верх над разумом. А разум Исгару нужен был ясный. Особенно теперь...

— Ты правда не знал, что мой отец жив? — спросила Эрри, подняв на него взгляд.

Исгару всегда нравились её глаза. Необычные для арнгвирийки — цвета зрелого мёда. А ещё ему нравилась её улыбка. Не приклеенная маска, словно трещина в мраморе статуи, а настоящая, та, которой она улыбалась когда-то Роневану...

Воспоминание о погибшем друге немного отрезвило опьянённый близостью желанной женщины разум, и герцог Кильн, сделав глоток вина, дабы не выдать хрипоты, ответил предельно честно:

— Я мог только догадываться, что случилось под Валье. Бой был жесток. Много потерь с обеих сторон. Отряды под началом Федерика сражались так, словно их целью было пасть в бою, лишь бы не взойти на плаху. А после — бесконечные танцы по болотным кочкам. Многих оступившихся — утянуло болото дворцовых интриг. Безлика, приходившая через зеркала, ничего мне не говорила ни о тебе, ни о герцоге Саменти, ни тем более о Дэнниеле. Почти всё, что знаю — слухи, доносы нечистоплотных слуг и догадки. Ты понимаешь, что это сложно назвать достоверным знанием. Так что... Я действительно не знал, что твой отец жив. Да и если бы знал, то не смог бы рассказать тебе ничего без его разрешения, — криво улыбнулся он, рефлекторно коснувшись груди там, где всё ещё была печать.

Проклятая печать. Последнее время она всё чаще напоминала о себе. словно после всего, что Исгар сделал для династии Халедингов, Бремор де Саменти всё ещё боялся измены с его стороны. Смешно. Хотя королевский двор Арнгвирии знал столько измен, что подобное недоверие со стороны самого изворотливого интригана — не

удивительно. Хоть и обидно. Очень обидно.

С другой стороны — герцог Саменти не мог не знать о чувствах, которые Исгар много лет испытывает к его дочери. И это ещё одна причина не верить герцогу Кильнии. Кто знает, не выберет ли он в решающий момент женщину, которую любит. Ис и сам не был уверен в своём выборе.

Шуршание ткани шёлкового платья цвета молока отвлекло Исгара от мрачных мыслей.

Эрвианна подошла тихо, но в комнате, где самым громким звуком было биение их сердец, даже её тихие шаги казались оглушающими. И в то же время движения её были плавными, словно она не шла, а плыла по воздуху. И Исгар замер, откровенно любуясь этой невероятно красивой женщиной, подошедшей к его креслу.

— Он всё ещё не снял печать? — спросила она, коснувшись ворота рубашки, и замерла, глядя в глаза Исгару, словно спрашивая разрешения.

Знала бы она, какие демоны в этот момент боролись за его душу с его же совестью. Именно в этот момент, когда Эрвианна была так близко, когда обоняние щекотал тонкий запах её свежих благовоний, когда расстояние между ними сократилось до одного вдоха...

Её пальцы, коснувшиеся обнажённой кожи. Печать, сразу же откликнувшаяся лёгким покалыванием и багровой вязью, проявившейся на смуглой коже. И её чуть приоткрытые губы оказались так близко, что невозможно было оторвать от них взгляд.

— Я попрошу Дэнни помочь мне, и мы вместе выясним, как тебя избавить от этого... Думаю, вместе мы справимся... — сказала Эрри, сдавленно, словно сдерживала больше чувств, чем хотела бы.

— Не стоит дразнить твоего отца, — грустно улыбнулся Исгар, накрыв её пальцы своей ладонью, и ему показалось, что они чуть вздрогнули. — Да и Дэнниел вряд ли захочет...

— Я его мать. Он не слушается меня.

Хотелось бы верить в это. Но Исгар понимал то, чего пока не понимала или не хотела принимать Эрвианна. Её сын больше наследник престола, которому некоторое время внушают не только обязанности перед странной, но и азы дворцовых игр. И он не только Халединг или Байе, если ей так угодно, но и Саменти. И сколько бы Эрвианна ни старалась отречься от их страсти к интригам, у всех представителей

этого рода врождённый талант к этому искусству.

— Я не могу тебе запретить, — обронил Ис, убирая её ладонь от жгущей и зудящей печати, и поднялся на ноги. — Но меня она несколько не смущает. А тебе не стоит раздражать своего отца, — и снова повисло неловкое молчание, которое нужно было либо оставить и не тревожить, либо заполнить важными словами. — У меня завтра тяжёлый день. Твой отец велел отправить отряды в сторону столицы...

Исгар говорил то, что должен был сказать, но думал он совершенно о другом. Об открывшейся ключице, выглядывающей из-под съехавшей с плеча шали, в которой Эрри пряталась, как в коконе, словно искала защиты. О том, что хочет, чтобы она осталась сегодня с ним, но должен — попросить уйти...

— Мне страшно, Исгар, — хрипло призналась она, положив вторую, свободную руку ему на плечо. — Я не могу снова потерять тех, кого люблю. Дэнни, отца... Мать... Гилвера... — натянутая струной уфии тишина просила сказать то, о чём хотела промолчать Эрри. И Исгар ждал этих слов так, словно они должны были стать его приговором или помилованием. — Я не могу потерять тебя, Ис. Не могу снова...

Договорить он ей не дал, выпив все такие важные для него слова поцелуем. Сильным, жарким, страстным. Вкладывая в него все свои чувства, которые столько лет прятал, от которых отрекался, которые ненавидел...

И она отвечала. Отвечала не менее жарко и страстно, впиваясь тонкими пальцами в его окаменевшие плечи. Прижимаясь к нему, словно хотела быть ещё ближе...

Этому Исгар не мог противостоять, подхватив её на руки и унося в спальню. Расстёгивая сложные застёжки её платья и вынимая шпильки из волос. Позволяя ей снять с него одежду и вздрагивая от её ласк и поцелуев...

Герцог Бремор де Саменти будет в ярости.

Но эта мысль растаяла и улетела с её первым вскриком, похожим на всхлип. А после он уже не мог думать ни о чём, кроме женщины, которая — может, всего на одну ночь, но — всё же принадлежала ему.

## ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вездесущая сырость, плесенью вплетающаяся в узор по давно не белёным углам дешёвой таверны, пробирала до кости. Да и кости эти были уже достаточно стары, чтобы откликаться на непогоду ломотой, сколько ни грей их горячим вином и сговорчивыми женщинами. Годы выпивают из тела не только силы, но и тепло. И Кворт с этим смирился, греясь, как все, вином и таллибийским табаком.

— Не помню такого лета с тех пор, как был мальцом и жил у подножья Т`анийских гор. Там тоже и летом мокро, сыро было. А порой и снег выпадал, — сказал Урек, прикладываясь к кружке с грогом.

Забористая штука. Такой много не выпьешь, голова чумной станет. Но зато и холода как и не было. Жаль, Кворт себе этого позволить не мог. Его голова должна оставаться ясной.

— Я вообще такого не помню, — гнусаво пожаловался парнишка по имени Хугель и в который раз закашлялся.

Кворт нахмурился. Паренёк был совсем плох. Уже неделю заходилась таким надрывным кашлем, что казалось, вот-вот задохнётся. И как бы ни отмахивался старый солдат от непонятной ему самому тревоги, а всё же за пацана переживал.

Непонятно почему он прикипел к нему. Может, потому, что и сам был таким же в его годы. Верил в доблесть и славу, честность и правое дело. Может, потому не спешил развеивать грёзы паренька и не объяснял, что по правде военное дело — это кровь, грязь и деньги, которые большей частью пропиваешь, чтобы сбежать от призраков прошлого.

Пусть он ещё помечтает. Успеет ещё в жизни разочароваться.

— На, выпей, — протянул Кворт своё уже немного остывшее вино Хугелю. Самому пить не хотелось уже. Всё равно толку мало. — Согреешься, станет легче.

Хугель сын Агвеля поднял на него удивлённые глаза. И даже дрожать перестал.

Это немного злило Кворта — страх этого парня перед старшим товарищем. Иногда настолько, что хотелось спросить, какого демона он вообще увязался за ним в Байе? Чего было не остаться там, в отряде,

который собирал под свою руку Ягва Ол, управляющий землями близ Байе в отсутствие герцогини Эрвианны и в связи со скорой кончиной Тевора сен Фольи.

События почти двухмесячной давности снова нахлынули на Кверта туманом воспоминаний.

Тогда он уже простился с жизнью, сидя в полуразваленном сарае, одной своей стеной прилегающем к небольшой и не очень хорошей таверне, каких десятки по пути из Авена в хостийскую столицу Саланхаар. Тогда он думал, что это конец. И единственное, о чём получалось думать — что в принципе и вспомнить толком нечего. Когда-то, столько лет назад, что даже воспоминания эти выцвели, как разноцветные нитки, которыми Илейна любила вышивать свои платья, у него тоже была другая жизнь. Между жизнью молодого бесстрашного солдата и старого, не особо чистоплотного наёмника, готового на любую работу. И эта жизнь принадлежала Илейне. Спустя столько лет от этой невероятной женщины в памяти осталось только — её звонкий смех и цветные нитки, которыми она вышивала платья. А ещё дочь, сейчас живущая в небольшом городке близ хостийской столицы. Тулай.

Кворт привез жену из Талливии как пленницу. И сам не заметил, как позволил ей стать полноправной хозяйкой и его дома, и его жизни. Даже дочь она назвала талливийский именем. Тулай означает благословенная. И как бы сухой, как Бескрайние пески, вояка ни сторонился неожиданно обрётённой семьи, а всё же полюбил их.

А потому задуха, забравшая Илейну спустя год после родов, убила и его. Не совсем. Часть его души осталась в теле, которое жило, несмотря ни на что, но в остальном — любящего отца и мужа не стало. Тулай, приносившая своим присутствием больше боли, чем радости, стала для Кверта наказанием. И очень скоро, вопреки обещанию, данному покойной жене, он вывез её вместе с нанятой кормилицей в Хостию. Продал дом и даже спустя столько лет ни разу не посетил ни селение, в котором жил в то счастливое время, ни могилу Илейны.

Теперь он жалел о том, что так легко отрёкся от крошек, оставшихся от его счастья, но и вернуть время не под силу даже Великим. Остановить — да, вернуть — нет. Иначе разве было бы в писании предсказание о конце света?

Хугель снова закашлялся, отвлекая от грустных, наводящих уныние, мыслей.

Этот мальчишка немногим старше Тулай. Год? Два? Наверное, два, не больше.

— Иди ложись в общей комнате, — велел Кверт, поднимаясь и покидая застолье, напоминавшее поминальное своей тяжёлой тишиной. — Ближе к печке. И укроешься моим шерстяным плащом.

И снова этот перепуганный, удивлённый взгляд, на который уже даже злиться не было охоты.

Потому Кверт просто вышел из душной сырой таверны, накинув всё ещё мокрую куртку. Странно, как его не взяла болезнь.

В том сарае, в котором их держали на голой земле, а на голову то и дело капало с прохудившейся крыши, старику-вояке было не до здоровья. Он вообще с жизнью прощался.

Тем удивительней был визит девчонки в сером плаще. Особенно странным было то, как она обошла стражников. И даже не потревожила сон других пленников.

— И как тебя угораздило? — ворчливый тон совершенно не вязался с её мелодичным красивым голосом и казался чем-то нереальным. Видением, посланным духами-пересмешниками, призванными дразнить смертников. — За всеми вами нужен глаз да глаз.

Самообладания и выносливости Кверта хватило на то, чтобы усмехнуться во включенную бороду:

— В господских комнатах просто не хватило для меня места. Вот и пришлось...

Какое-то время она молчала. Кверт даже забеспокоился, не разозлил ли девчонку в сером плаще. Почему-то жутко не хотелось её злить. Но спустя невыносимо долгие несколько секунд она тихо рассмеялась, присев на корточки.

— Рада, что даже на пороге смерти ты способен шутить, — сказала она, и выдавший разное на своём веку солдат подумал, что если смерть может принять облик женщины, то именно так она и будет выглядеть. — За это я тебя и люблю.

— Ты сможешь мне сбежать? — не особо веря в такое везение, но и не желая упускать даже самый призрачный шанс, спросил Кверт.

— Можно и так сказать. Не я, а герцог Кильн, как оклемается. Потому постарайся не сдохнуть до того, как Истар поправится.

Легко сказать. А попробуй выполнить такое непростое поручение, будучи связанным по рукам и ногам.

— Но если вдруг... — продолжала между тем она, вкладывая в его ладонь нечто маленькое и холодное, режущее кожу острыми углами. — Сожмёшь это в руке и позовёшь меня... просто назови Безликой. Но не злоупотребляй. У меня много дел и вряд ли смогу подтирать тебе сопли каждый раз, как ты чихнёшь.

Кверт хмыкнул, но смолчал. Это и без того была немалая щедрость, потому просто кивнул, не особо задумываясь о том, видит ли она в почти сплошной темноте. Похоже, видела, потому как сразу же поднялась и так же порывисто, как и обычно, направилась к скрипящей на все лады двери.

— Стой, — всё же решился окликнуть её Кверт. — А герцогской милости не хватит на двоих?

— На кого, к примеру? — спросила она, не оборачиваясь.

— Хугель сын Агвеля, — выдохнул старый солдат, молясь только о том, чтобы девчушка не решила расспросить, с чего это Кверт на старости лет стал таким сентиментальным.

Она и не спрашивала. Но и отвечать ничего не стала.

Последующие несколько дней стали самыми длинными за всю долгую жизнь бывшего солдата. Но теперь была хоть надежда.

Кверт давно уже не боялся смерти. Но одно дело погибнуть в схватке, совсем другое — болтаться в петле.

Она сдержала своё обещание, чем немало удивила старика. Но вот к парнишке Хугелю уже успела подобраться хворь, съедающая его лёгкие. И Кверт, выдавший, как быстро такие болезни выпивают из человека жизнь, особых надежд не питал.

Сырой холодный ветер бросил в лицо мужчине, застывшему на крыльце, горсть мелкого крошева — не то снега, не то града.

Кверт зажмурился, сунув руки в карман, и, сам того не желая, зажал в кулаке остроугольную бляху.

— Безликая! — прошептал он так тихо, что его услышал только ветер, и замер, боясь пропустить её появление.

Но она не появилась. Не прилетела. Не упала с неба.

Магия. Кверт не любил магию больше, чем интриги. Но стоило признать, если бы ему были доступны такие умения, то Илей не умерла бы так глупо.

Ещё в Первых войнах за Кале с Талливией, когда запрет на магию не касался армии, и военные чародеи не казались чем-то странным и

постыдным, Кверт видел, на что способна эта магия. Она поднимала на ноги почти мёртвых и вытаскивала их напрямик из Преисподней. Не всех, конечно, но многих. И как бы ни была она противна человеку, привыкшему полагаться на калёную сталь, не признать то, что магия иногда полезна — не мог.

Кто знает, если эта девица знается с магией, ей удалось бы, может, подлечить пацана.

Но она не появилась. Потому вряд ли Кверту дано узнать это. Он вытащил из кармана металлическую пластину и поймал на неё тусклый луч света, вырвавшийся сквозь щель в двери. Ничего особенного. Мимо такой сто раз на рынке пройдёшь. Только гравировка забавная.

Но сейчас и она не радовала глаз. И ещё несколько мгновений посмотрев на то, как свет причудливо меняет рисунок гравировки, Кверт размахнулся и со всей злости закинул бляху куда-то в темноту.

— Туда тебе и дорога, — плюнул он вслед подарку Безликой. — Столько лет без тебя прожил, и сейчас обойдусь.

И, крутанувшись на месте, вернулся в тепло таверны, намереваясь тоже хоть немного поспать.

Но сон не шёл. Надрывный кашель Хугеля, не дававший спать никому в общей комнате, давил на нервы. А ещё неспособность помочь парнишке хоть как-то.

Потому, повертевшись с боку на бок, Кверт снова поднялся и вернулся в опустевший под утро зал.

Она сидела за столом.

Совершенно одна, в полумраке и тишине, держа в руках кружку. В тяжёлый дух питейного заведения, смешавшего запахи пригорелого жира, перегара и дешёвого табака, нелепо вплетался аромат горных трав и дорогущего саантского меда. И ещё чего-то, чему не смог подобрать определения Кверт. Хоть полагал, что нет в мире того, чего бы он не видел или не пробовал.

А ещё — неясный свет очерчивал маленькую пластину, точно такую же, как Кверт выбросил несколькими часами ранее.

— Какой ты неблагодарный, Кверт, — обиженно протянула она, прячась под широким капюшоном. — Знаешь, я немногим делаю подарки. Ты первый за несколько лет. И я обижена до глубины души.

Наёмник молчал. Что тут скажешь. Его застали врасплох, чего не случилось уже очень и очень давно. И теперь не просто было подобрать



нужные слова.

Да и что тут скажешь?

— Зачем звал? — спросила она раздражённо.

Но как теперь было просить о чём-либо? Потому Кворт снова замялся, чувствуя себя по-дурацки.

— Дай угадаю. Дело в мальчишке? Так?

— Так. Мне его жаль...

— Странно, — перебила Безликая его, — тебе не жаль оставленную на саму себя дочь, но жаль приبلудного мечтателя, случайно попавшегося тебе на пути.

— Да что ты...

— Я знаю достаточно, чтобы не понимать тебя, Кворт. Но мне это и не нужно, — сменила она эту скользкую личную тему. — Этот отвар поставит его на ноги за несколько часов. Через три дня ты должен быть в чёрных кварталах Авена и сделать всё, как мы условились, — подвинула она кружку на край стола. — А это, — коснулась она пластины, лежащей на столе, — я заберу, раз тебе оно не нужно. Думаю, найдётся человек, которому больше нужна будет моя помощь.

Кворт не нашёлся, что ей ответить. И даже обрадовался, когда она поднялась и быстрым шагом вышла из спящей таверны.

И пусть после этого разговора он чувствовал себя не очень — взял кружку, на ощупь оказавшуюся тёплой, и отправился в общую комнату.

— На, выпей, — излишне грубо растолкал он Хугеля. — Надоело уже слушать, как ты захлёбываешься. Спать охота.

Мальчишка послушно выпил и снова упал на набитый соломой тюк.

И пусть перестал кашлять и дрожать, но Кворт всё равно не смог уснуть до самого рассвета, так и не поняв, почему ему так мерзко на душе.

Вистер Первый запивал дурные вести хорошим вином. И всё равно на языке оставался привкус гнили, который невозможно вытравить ничем.

Предательство всегда имеет странный привкус.

Больше всего злило то, что он же чувствовал — молодому герцогу Кильнии доверять никак нельзя. И не ошибся ведь! Так как проглядел? И почему проглядел не только он?

Всё же права была Медди — доверять нельзя никому, кроме неё.

Да и ей доверять не особо-то и можно. Кто знает, что в её голове? Разве способна на преданность женщина? Женщины вообще не имеют понятия ни о преданности, ни о чести. Как пример — Эрвиана де Байе, пропавшая вместе со смертью герцога Гиуре. И теперь монарх не сомневался, что бунты в Байе впахивали именно с её легкой руки и попустительства. А теперь, с предательством Кильна и смертью сен Фольи, пришлось срочно отправить регулярные войска на подавление восстания. Три отряда по двенадцать десятков человек... почти четверть всей регулярной армии. Прокормить больше арнгвирийская королевская казна себе позволить не могла. Но этого должно хватить. В Байе не так много обученных солдат, а против крестьян с граблями и того много.

Да, всё зло от женщин. В этом Вистер убедился, и не раз. Всё, что им интересно — деньги и тщеславие. Ну, за исключением Ивсталии.

Вистер тяжело вздохнул, потревожив сизый пепел в пепельнице, и тот разлетелся, оседая на столешницу, книги, листы бумаги...

Спустя почти целую жизнь рядом с женой, которую выбрал для Вистера отец двадцать восемь лет тому, король вдруг осознал, что она единственная, кто не требовал и не просил от него совершенно ничего. Даже внимания. И это понимание злило больше, чем предательство Кильна. В основном из-за того, что сам он никогда не ценил её молчаливую поддержку и верность. И это мерзкое чувство, словно Вистер остался ей должен и расплатиться не мог, раздражало и доводило до бешенства.

Лучше думать об Исгаре де Кильне. Хотя нет. Просто Кильне. Титула ему не видать теперь, как и земель герцогства, славящегося своими виноградниками и тайнами виноделия. Есть более достойные...

С другой стороны, забрать родовое имя и титул — это даже не казнить. Это вырвать с корнем целый род. Высшая знать такого не простит. На этот раз точно. Она и так разбегается со двора, как крысы с тонущего корабля. Не сегодня-завтра в Авенском дворце останутся только слепые идиоты и парочка мелких графов, надеющихся выслужиться и перебраться на местечко потеплее.

Потому — только показательная казнь. Хотя и здесь не так всё просто. Исгар — последний мужчина в роду Кильнов, и эта казнь тоже будет попранием вечных устоев Арнгвирии.

Нужно что-то другое...

— Роберт! — выкрикнул король так, что только успокоившийся

было пепел снова испуганно разметался в стороны.

Дверь открылась так тихо, что Вистер испугался — не очередной ли это приступ. В последние дни приступы паники случались всё чаще и сводили его с ума. Иногда он терялся между реальностью и видениями. Но признаться, даже себе самому, что это жуткая болезнь и с ней нужно бороться — не мог. Болезнь — это слабость, а слабостей Вистер себе позволить не мог.

— Ваше величество, — поклонился королевский палач и замер с опущенной головой.

Вот этому человеку король Арнгвирии доверял безоговорочно. Именно он сумел не раз доказать свою верность.

— Роберт, я могу говорить с тобой откровенно? — спросил монарх устало.

Граф Атори набрался смелости и поднял глаза на своего короля:

— Как вы считаете нужным, ваше величество. Если вы полагаете, что я достоин такого доверия, то для меня это станет огромной честью, — ответил он так, как хотел бы слышать Вистер.

Но король всё же медлил, тщательно подбирая слова для этого разговора.

— Ты когда-нибудь задумывался, какова цена доверия, Роберт? — спросил король, не рассчитывая услышать ответ от человека, который даже жениться не изъявил желания. — Ценой доверия чаще всего становится предательство. Исгар де Кильн расплатился со мной именно так. А цена предательства — смерть.

— Велите доставить его для королевского суда во дворец? — спросил граф Атори, лишённым любого эмоционального окраса голосом.

— Если бы всё было так просто. Нет, я не желаю ждать, когда он состряпает себе наследника, чтобы можно было со спокойной душой лишить Исгра головы. Я хочу его смерти немедленно. И поручаю тебе это дело.

По лицу Роберта сен Атори невозможно было прочитать ни единой эмоции, потому король продолжил, полагая, что натянутое молчание — всего лишь способ поднять цену за порученную работу:

— После смерти Кильна герцогство осиротеет. У него нет наследников, его мать давно вдова и кто знает, как на её здоровье отразится смерть последнего ребёнка. И мне придётся решать судьбу

одного из самых богатых уголков нашего королевства, — монарх сделал паузу, позволив обдумать его слова. — Ты не думал о том, что мог бы получить больше, чем титул графа и пара десятков акров земли у моря? Не думал, что смог бы управлять и большим количеством земель?

— Это не является моей целью, — сдержанно ответил Роберт. — Но если ваше величество считает своего скромного слугу достойным, то я с радостью приму как его дары, так и наказания.

Вистер улыбнулся:

— Ты как скользкий угорь. Когда-то я знал такого же человека — Бремора де Саменти, если тебе о чём-то говорит это имя.

— Больше, чем хотелось бы, — ответил сен Атори, позволив себе скупую усмешку.

— Слава Великим, его жизнь оборвалась. Иначе бы в этом королевстве не было покоя никому, кто так или иначе перешёл ему дорогу. Вот он, так же, как ты, умел дать ответ, не отвечая на вопрос. Мне кажется, этому не научиться, это талант.

— Не думаю, что стоит так переоценивать столь скромные умения.

— Не скажи... Но сейчас не о Бреморе. Доставь мне голову Исгара, и герцогство Кильн — твоё со всеми правами, включая право наследования.

— Как прикажете, ваше величество, — поклонился Роберт сен Атори.

Вистер усмехнулся. Зная этого человека, теперь смерть Исгара от несчастного случая или неожиданной болезни — дело решенное. И если кто и заподозрит неладное — не докажет совершенно ничего.

— Можешь быть свободен, — сделал он знак удалиться, но когда глава тайной канцелярии уже был у двери, спросил: — кстати, Визелий Авенский — до меня так и не дошли слухи о его неожиданной скоропостижной кончине.

— Всё будет решено очень скоро, ваше величество. В день осеннего равноденствия, когда пэйре обязан будет выйти к народу и благословить королевство. Лучшего времени вряд ли получится дождаться.

— Хорошо. Тебе лучше знать, но не смей меня разочаровывать, Роберт. Я ненавижу разочарования.

— Разве я посмею разочаровать короля? Это было бы непростительной глупостью с моей стороны, — ответил граф и вышел

из королевского кабинета, оставив Вистера с оживившимися пауками.

Королевскому палачу сейчас не было дела до приступов его монарха. Время поджимало. Если Вистер требовал крови — ее нужно дать ему.

— Вы выглядите озадаченным, ваша светлость, — заступила ему дорогу Зервина де Смиле. — Дела королевства совершенно лишили вас покоя.

— О, что вы! — усмехнулся Роберт, чувствуя глухое раздражение. — Служение королю — вся моя жизнь.

— Как, должно быть, она скучна, если всю жизнь приносить своему монарху брошенную палку и вилять хвостом.

— Ну, всегда можно её раскрасить во все цвета радуги... — несколько грубо намекнул глава тайной канцелярии, что слабости Зервины де Смиле далеко не секрет для него. Да и для любого, кому хоть сколько-то есть дело до дворцовых интриг и сплетен.

Но Зерви не так просто было задеть. На это замечание она лишь улыбнулась, словно подобные замечание были смешны ей.

— Ваше желание выслужиться мне понятно. Не понятно, как вы живёте со своей совестью, граф. Или ей не нашлось места в вашей жизни?

— Как все, — раздражённо ответил граф. — А сейчас прошу простить, но у меня много дел государственной важности.

— Конечно, — кивнула Зервина, повернувшись в пол-оборота. — Надеюсь, ваши дела не разойдутся с заветами Великих.

— Ваше сиятельство, у меня совершенно нет времени на окольные разговоры. Если вам нечего сказать мне прямо — оставьте свои мысли при себе.

Зерви засомневалась, закусив губу, но в принципе ей терять особо было и нечего, а сия особенность развязывает руки, потому решила. Толкнула ближайшую дверь, ведущую в маленькую библиотеку с мягкими диванами и огромными окнами. Комната оказалась пуста, и это было весьма кстати.

Зервина, немного помедлив, всё же сказала:

— Оставьте герцога Кильна и герцогиню Байе. Эрри достаточно натерпелась, пусть хоть немного поживёт для себя. Я знаю, вам под силу сделать так, чтобы их считали мёртвыми. И полагаю, единственный шанс для них на нормальную жизнь — это смерть. У

меня достаточно средств, чтобы вознаградить вас за беспокойство...

Граф Атори молча смотрел на эту странную женщину, силясь понять, к чему весь этот разговор. Если Вистер решил проверить его на преданность... что же, всякое возможно. Но Зерви выглядела немного испуганной и достаточно решительной, чтобы и правда просить о подобном по собственной воле.

— Вы не в своём уме, ваше сиятельство. Вам стоит немного отдохнуть и обдумать свои слова и действия. Иначе они могут плохо сказаться на вашем же благополучии.

И, не желая больше продолжать этот разговор, Бремор де Саменти под личиной королевского палача поспешил в свой кабинет. Ещё столько всего нужно сделать. Проследить, чтобы план не дал сбоев. Пока всё идёт так, как задумано. Четверть авенских войск в пути к Байе. С остальными справиться будет проще. И ещё нужно бы поговорить с Эрвианой. Лучше бы уладить все вопросы с хостийкой до начала всего. Чтобы после не иметь неожиданных проблем.

В общем, Бремор не был настроен утешать распереживавшуюся Зервину де Смиле. Хотя, стоило признать, её смелость восхищала. Как бы в ненужный момент девица чего не выкинула. А впрочем, что она уже может изменить?

## ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Солнце поднималось из-за горизонта, прокалывая серые тучи тонкими острыми лучами, пробегающими по мокрой земле и теряющимися в зазеленевших виноградниках. Иногда они заглядывали в настежь распахнутое окно, перепрыгивали с тумбы на пол, а после на кровать, и снова стыдливо исчезали.

Эрри, лёжа на животе, лениво вычерчивала пальцем узоры на груди Исгара.

В голове было непривычно пусто, а на душе — спокойно. И пусть это всего лишь иллюзорные мгновения минутного счастья, Эрвианна, набравшись смелости, позволяла себе эту маленькую слабость, заканчивающуюся с рассветом.

— Тебе пора, — наконец сказала она, чуть хрипловато и явно нехотя. — У нас много дел до полудня. Когда вы выступаете?

Исгар перевернулся набок, оказавшись лицом к лицу с Эрри. В этот момент он был необычайно хорош собой. И Эрвианна поймала себя на том, что не желает отпускать его ни сейчас, ни завтра, ни когда-либо в этой жизни.

— Ты невероятно красива, — сказал он, заправив непослушную светлую прядь ей за ухо. Невинная ласка, а в глазах Эрвианны снова зажёгся тот огонь, который сводил с ума мужчину, так давно желавшего и любившего её. — Если так сложится и мне не повезёт в грядущих битвах, то я хочу, чтобы ты знала — я уйду счастливым.

Эрри нахмурилась, тут же растеряв всю лёгкость и солнечность момента. Даже тонкие лучи испуганно разбежались, а в комнате стало темнее.

— Очень рада, что смерть тебя не пугает, — раздражённо сказала она, поднимаясь с кровати и заворачиваясь в тонкую простыню. — Меня она тоже давно не пугает. Знаешь, чего я боюсь? — и, не дожидаясь, пока Ис начнёт строить догадки, сама же ответила. — Я боюсь остаться одна. Снова терять близких, любимых, видеть смерть, но оставаться в живых. Но умереть я боюсь тоже, Ис. Боюсь оставить Дэнни одного. На моих родителей, которые выше всего ставят интересы правящей династии. А моему сыну нужен хоть один человек, который

будет думать в первую очередь о нём самом.

С каждым словом она распалась всё больше, чувствуя, как разум снова затягивает инеистый туман страха. И оттого вздрогнула, оказавшись в крепких и тёплых объятьях.

— Прости! Сказал, не подумав.

Эрвианна грустно улыбнулась, устроив голову у Исгара на груди и чувствуя некоторую неловкость за эту вспышку гнева.

— Знаешь, ещё меня... не пугает, скорее — повергает в уныние то, что чем бы всё это восстание ни закончилось, оно — только начало. Если победа будет нашей — началом страха интриг и противостояния тем, кто станет сомневаться в справедливости, кто захочет быть у трона и власти. Если Великие готовят нам поражение — тогда, если получится выжить, вечные гонения и бега. В любом случае покоя мне не видать. Единственное, на что я надеюсь — что мой сын, его дети, дети его детей смогут немного укрепиться на троне или найти своё место не на землях Арнгвирии, чтобы обрести хоть немного покоя.

Исгар молчал, лишь крепче обнимая Эрри. Что тут скажешь? Что всё не так? Всё так. До единого слова и звука. До последнего страха и мысли. Всё именно так.

И всё, что он мог — поддерживать её, чего бы это ни стоило.

— Тебе пора, — снова повторила Эрри, повернувшись в его объятьях, поднявшись на носочки и легко коснувшись губами его губ. — Отец будет ждать отряды из Кильнии завтра в устье Дойнэ. И я бы не хотела, чтобы из-за меня ты после загонял лошадей, дабы успеть вовремя, — грустно улыбнулась она, коснувшись кончиками пальцев места печати.

— Ты права, — сказал Исгар, нехотя отпуская её.

Что ж... У них ещё будет достаточно времени.

Эрри же не была так уверена. Чувствуя пустоту и немного горечь, она отпускала его от себя с тяжёлым сердцем, цепляясь за край кровати сведёнными судорогой пальцами и молясь только о том, чтобы выдержать и не разрыдаться.

— Ты в порядке, Эрри? — спросила Нэнси, застав герцогиню де Байе спустя полчаса сидящей на кровати в одной простыне.

— Лучше обычного, — оживилась Эрри. — Хорошо, что ты здесь. Ты просто обязана сделать меня неотразимой, чтобы Исгар вернулся ко мне, даже если небо вздумает упасть на землю.



— Это не будет сложно, — сдержанно улыбнулась Нэнси, радуясь, что лёд между ними, наконец, треснул, и, не теряя ни минуты, взялась готовить примочки и снадобья, чтобы спустя некоторое время сиятельная герцогиня Байе появилась перед Исгаром без малейшего намека на усталость и тревогу.

“Мужчина, идущий на битву, в первую очередь должен думать о своей жизни, а не беспокоиться о душевном спокойствии своей женщины”, - некогда говорила Амайя из Байе. И это то немногое, с чем Эрри была полностью согласна.

Принцесса хостийская Колливэ, закусив кончик писчего пера, напряжённо обдумывала текст послания своему отцу. И ни слова, кроме традиционных витиеватых приветствий, написать не могла. Просто не могла придумать, как выполнить просьбу короля арнгвирийского о военной помощи из Хостии.

Второй месяц Арнгвирия омывалась кровью в очередной войне за власть. Второй месяц дворец сотрясали известия о поражениях и утратах. Второй месяц в огромных залах витало напряжение и металось звонкое эхо как свидетельство одиночества короля Вистера. Точнее, его семьи.

Сам король всё же возглавил войско. То есть то жалкое нечто, что от него осталось. На самом деле Колливэ ожидала большего внимания к армии от короля, бывшего ранее полководцем, и искренне удивлялась, как ему удалось за столь короткий срок лишиться своего главного преимущества. Пусть не полностью, но малочисленный сброд, который держался либо на нежелании жить мирной жизнью, либо отчаянно цепляющийся за образ Вистера-победителя, коим тот уже более двух лет не был, вызывал больше жалости, чем страха. Да и сам король смотрелся верхом не очень-то вдохновляюще.

Хостийская принцесса невольно сравнивала его со своим отцом. Правитель её родины был воином не на словах или по прошлым заслугам. Арнгвирийский же монарх — напоминал старуху, примеряющую свой свадебный наряд почти полвека спустя. Смотреть противно было. Но Колливэ, провожая его, улыбалась, стоя рядом с принцем Овилем и королевой Ивсталией, едва способной держаться на ногах. Здоровье королевы ухудшалось день ото дня, и скрывать это за дорогими украшениями и белилами уже не получалось. Колливэ видела и знала, что королеве Арнгвирии осталось недолго. А последние

события в королевстве и вовсе высосали из неё и те немногие силы, что позволяли ей не пасть лицом в грязь перед своим двором.

И положив руку на сердце — Колливэ не особо заботило душевное состояние арнгвирийской правящей династии. Больше потому, что сама принцесса хостийская к ней всё ещё не принадлежала.

По сути, Колливэ могла бы собрать свои пожитки и уехать в Хостию. Никто не посмел бы остановить её, иначе это могло бы расцениваться как открытый вызов хостийскому правителю. А подобная дерзость не по силам Арнгвирии. Не прошло бы и пары недель, а принцесса снова была бы дома, под опекой отца и братьев, в безопасности. Вот только принцесса Хостии уже мысленно примерила на себя корону Арнгвирии и ей это украшение нравилось.

Порой она думала о том, что смогла бы сделать для своего королевства. Как бы обходила запрет магии. Где бы прятала артефакты и зелья, закупленные у талливийских и хостийских торговцев. И отказываться от своих планов совершенно не хотелось. Вот только что сделаешь?

Огромная чёрная капля сорвалась с кончика пера и, упав на бумагу, растеклась уродливой кляксой.

— Проклятье! — ругнулась принцесса, зло сминая лист и измазывая руки в чернилах.

Две служанки тут же подняли головы, ожидая распоряжений госпожи, но та мотнула головой, отдав молчаливый приказ заниматься своими делами.

Может, это и к лучшему, возможно, с нового листа всё же получится написать это шарамово письмо. Ещё одно останавливало принцессу — она просто терпеть не могла просить кого-то о чём-то. И больше других ненавидела просить о чём-либо своего отца.

Не потому, что боялась отказа. Она прекрасно знала, что стоит написать ему — и войска, усиленные магами, перейдут границу. Вот только станет ли она тогда настоящей королевой, если будет раз за разом обращаться к отцу? Да и что это за король, если скулит о помощи у ног монарха соседнего государства, чтобы усмирить свой народ?

Колливэ поморщилась, глядя на чистый белый лист бумаги, и бросила перо в чернильницу.

— Сайха, принеси мне чай, — велела она, откинувшись на мягкую спинку стула.

Темнокожая хостийка плавно, но стремительно и быстро поднялась и, склонившись, попятилась к двери.

— Госпожа, вас что-то гложет? — осмелилась спросить вторая служанка, отложив в сторону рукоделие.

— Меня всё гложет, — ворчливо ответила принцесса и тут же перевела разговор в другое, не менее интересное, русло. — Скажи, ты тоже это чувствуешь? Магию, — пояснила Колливэ, заметив озадаченность на лице Илсмэ.

Девушка улыбнулась, чуть заметно, ровно настолько, чтобы это нельзя было счесть неуважением к монаршей особе:

— Да, ваше высочество. Очень чётко. Но я не настолько сильна, как вы, и могу ошибаться.

— Это вряд ли... Здесь и магом быть не очень-то нужно, чтобы чувствовать. Посмотри на этих дамочек, что то и дело подносят нюхательные соли к лицу. Они тоже чувствуют, просто не понимают что. Судачат, что там, где прошла армия настоящего короля — на земли вернулась весна. Какое невежество. Пара хороших стихийников — и весна была бы здесь ещё в тот день, как я прибыла во дворец. И всё же меня радует, что арнгвирийцам не чужда настоящая сила. Пусть они и используют её под видом благословения Великих богов, — усмехнулась принцесса. — Да и сам этот дворец... Мне вот любопытно, знает ли Вистер о том, что его пенаты защищены от магического воздействия. Мои «уши» смогли добраться только в его спальню, чего мне совершенно не хотелось, в покои королевы, поведав мне то, о чём я и так догадывалась. А вот в кабинет короля, советников, да и в покои герцогини де Байе, как ни странно, забраться не получилось. Это меня угнетает. Такое лицемерие — магическая защита на покоех королевского дворца в королевстве, где магия под запретом!

— Нынешний король может и не знать некоторых нюансов, а предыдущий — позволял себе забывать об этом законе, если в том были интересы государства, — неуверенно заметила служанка.

— Илсмэ, сразу видно, что ты строила глазки Рухру на занятиях мастера Солах, вместо того чтобы внимательно слушать. Такая защита требует постоянного контроля и вливания магической энергии. Иначе никогда не знаешь, когда она начнёт сбойть.

— Вы правы, ваше высочество. Вам лучше знать, — покорно согласилась служанка.

С тихим скрипом открылась дверь и в комнаты вернулась Сайха, держа поднос с чашкой исходящего паром чая.

Склонив голову служанка приблизилась к столику, за которым Колливэ предпочитала пить чай в это время суток.

Принцесса хостийская молча наблюдала, как она накрывает столик, и, как только Сайха отошла в сторону, пересела на огромные мягкие подушки, лежащие прямо на полу.

Чашка исходила ароматом медового тауни, разнося его по комнатам, а сырой западный ветер, заглядывая в покои, подхватывал и выносил на улицу, смешивая с вонью столицы.

Колливэ сделала глоток и замерла, чувствуя на языке лёгкую горечь и медовую сладость одновременно. Чуть улыбнувшись, она обернулась к Илсмэ, сделав только им двоим известный знак, и та, мгновенно вскочив, бросилась на Сайху, свалила с ног и оседлала, приставив к горлу традиционный хостийский изогнутый кинжал.

Всё произошло столь быстро, что Сайха или тот, кто был под её личиной, даже испугаться не успела, а уж тем более прийти в себя после того, как приложилась затылком о пол.

— Назови мне хоть одну причину оставить тебе жизнь... — прошипела Колливэ, отставив чай, но так и не обернувшись к неожиданному визитёру. Служанка, знавшая свою госпожу с самого детства, никогда не добавила бы в чай мёд до того, как принцесса насладится чистой горечью настоя.

Сайха сглотнула, и тут же облик её поплыл, начал меняться. Кожа, глаза, волосы посветлели. Черты лица становились острее, тоньше, теряя привычную пухлость хостийек и приобретая точённость арнгвирик.

И вот уже на полу лежит не знакомая с детства Сайха, а раздражающе спокойная и уверенная в себе герцогиня Эрвианна де Байе.

— Если бы мне нечего было сказать, я бы вряд ли пришла к вам, ваше высочество, — совершенно игнорируя нож у своего горла и глядя на принцессу, заметила герцогиня Байе. — Надеюсь, что не зря проделала столь опасный путь, и меня выслушают.

В Колливэ отчаянно боролись благоразумие и интерес. По сути, стоило тут же позвать дворцовую стражу и отдать предательницу для дальнейшего королевского суда. Но шарамово любопытство... Ведь

ясно же, что герцогиня не так проста, как казалась поначалу. И возможно, ей и правда есть что сказать...

— Илсмэ, — сделала она знак рукой, и девушка, которая мгновение тому готова была перерезать Эрвианне горло, любезно улыбнувшись, убрала оружие и даже подала ей руку, помогая встать.

Но не стоило обманываться, точно такой же короткий знак может оборвать жизнь Эрри в один миг.

— Я вся внимание, — сказала Колливэ, жестом приглашая Эрри присесть на одну из огромных подушек.

В центр Авена, к Главному храму, стекались верующие, дабы воззвать к Великим и просить у них защиты и милости. Смешались, как зёрна с разных кустов в одной горшке, представители разных народов. Рядом с успешным торговцем мялся тощий попрошайка, а подле того раскрашенная дешёвая шляха, то и дело облакачивающаяся на крестьянку с узелком в руках.

В день равноденствия даже боги равны, а разве люди выше богов, чтобы разделяться на лучших и худших?

Король Вистер Первый, сжимая поводья в кулаке и исходя потом от страха, застыл в воротах королевского дворца и смотрел на то, как, кланяясь, его подданные спешат затеряться в улочках, вместо того, чтобы приветствовать его, как ранее. Его боевой конь, в отличие от хозяина не растерявший боевого запала, пританцовывал, норовя сорваться с места в галоп, и Вистеру приходилось прикладывать немало сил, чтобы его сдержать.

— Ваше величество, что-то не так? — спросил Адер сен Риелс.

Король не ответил, бросив на него короткий взгляд, которого хватило, чтобы граф поспешил раствориться среди немногочисленных придворных.

Вистер Первый боялся. Боялся настолько, что шарамова паника сковывала его по рукам и ногам. В каждом прохожем или простом зеваке он видел своего будущего убийцу. Безумие. Просто безумие, но он ничего не мог с собой поделать! В день осеннего равноденствия он должен был стоять среди своего народа и возносить молитву, тем самым показывая, что он такой же человек, как и они. Но всё, что мог — смотреть на действие отсюда.

— Ваше величество! — напомнила, выглянув из-за тонкой занавески, Ивсталия, сидевшая в карете хостийской принцессы. — Мы

опоздаем на службу.

Можно подумать, он не знал. Ещё злило то, что Авенский Главный храм так и остался под рукой Визелия, несмотря на заверения Роберта сен Атори. И преклонять колени для благословения перед этим худосочным индюком — то ещё испытание гордости Вистера. Хотя надежда, что глава тайной канцелярии всё же исполнит обещанное и сегодня всё это закончится — немного успокаивала короля. Пусть он и преклонит колени сегодня, но это будет последнее унижение, которое ему придётся снести.

— Просто задумался, — глупо оправдался Вистер. Лучше бы промолчал...

Можно подумать, никто не подозревал о шатком душевном состоянии своего монарха. И всё же он постарался принять вид самый величественный, оглянувшись на толпившихся пеших придворных. Но взгляд наткнулся на весело щебечущую с Зервиной Смиле принцессу хостийскую, и мысли снова сменили русло:

“- Ваше высочество, — обратился Вистер к Колливэ, едва разыскав её в многочисленных путаных коридорах королевского дворца.

Пока мало кто знал, что Вистер позорно бежал с поля боя под Арном, маленьким городком на окраине герцогства Саменти. Но долго это скрывать не получится. Прикрывшись стратегической необходимостью, Вистер с немногочисленным отрядом вернулся во дворец Авена, оставив тех немногих верных ему людей на поле боя одних, едва стало ясно — битва проиграна. И сейчас был полностью уверен, что больше верных подданных у него не осталось. По крайней мере, он бы не стал хранить верность тому, кто предал его.

Некогда он объявил войну Федерику, обвинив его в самом страшном преступлении — предательстве. Сейчас же поступил ещё хуже. Федерик Второй принял решение пожертвовать одним офицером — и потерял всё. Вистер Первый — пожертвовал пятью сотнями пешек и, похоже, результат тот же.

Осталась надежда на короля Хостии и его отряды:

— Дитя, надеюсь, вы в добром здравии? — издалека начал Вистер.

— Более чем, ваше величество. Благодарю за беспокойство, — тон её был вежливым, но более официальным, чем обычно. Или это снова приступ проклятой паранойи? — Надеюсь, и ваше здоровье крепко?

Вистер вымученно улыбнулся и слишком поспешно кивнул:

— Да, всё прекрасно! — заверил Вистер, не обратив внимания на то, как едва заметно поморщилась на его слова Колливэ. — Я хотел поинтересоваться — ты выполнила мою скромную просьбу?

Просьба была не скромная, и король понимал это. Как и то, что отсидеться в кустах, пока воины другого государства сражаются за него... Хотя не за него, а по велению своего короля. Но отсидеться не получится всё равно.

— Конечно, ваше величество. Разве я смогла бы отказать своему будущему свёкру в такой малости? Отец обещал помочь по мере сил. А ещё он интересовался, когда всё же состоится помолвка. По нашим законам, женщина не может жить под одной крышей с мужчиной, не имея рядом близкого родственника. Я заверила его, что всё вот-вот наладится, и что это бунт немного путает планы... Но вы же понимаете, хостийцы народ горячий, и порой их нужно задобрить...

Вот почему Вистер избегал принцессы хостийской все эти дни. Попросив её о помощи, придётся отплатить...

— Колливэ, дитя мое, я даю слово, что не останусь в долгу, — натянуто улыбнулся король и тут же засуетился, спеша покинуть принцессу на её темнокожих служанок. — Прости, дорогая дочь. Дела!

— О! Не смею вас задерживать, — склонила голову принцесса и проводила удаляющуюся фигуру короля задумчивым взглядом”.

Воспоминание было горьким, как полынь, больше потому, что самой помощи и спустя почти три недели так и не пришло. Даже намёка на неё не было.

И король душил свои подозрительность, злость и бессилие по мере сил, а порой — просто топил их в вине, слушая плохие новости о ходе сражений.

Наконец, снова поймав на себе множество озадаченных взглядов, Вистер всё же тронул коня, пуская его вперёд. Жаль, среди придворных не было Медвены. В последние дни она или мучается от боли, или ведёт себя столь странно, что король не в силах вынести её общества. На днях Вистер застал её стоящей на подоконнике и напевающей колыбельную о маленькой птичке. И сегодня король настоятельно рекомендовал её брату оставить Медвену во дворце. Как бы ни была она близка ему, но само присутствие Медди рядом с тронном становилось неуместным. Её стоило заменить, и как можно скорее. Отдать замуж... За кого-то, не вызывающего доверия. Она достаточно верна, чтобы исполнить эту

просьбу короля. Об этом он так же говорил со своим казначеем, и похоже, Адер сен Риелс разделяет взгляды короля. Хотя если бы даже и не разделял, это вряд ли что-то изменило бы.

Конь резко рванулся влево, встряхнув короля и заставив вернуться к реальности.

Вистер едва смог сдержаться, чтобы не повернуть обратно. Только выдвинувшаяся следом толпа придворных сдержала его. Да ещё остатки гордости.

До самой площади король ехал с чувством, что его загоняют в волчью яму. Набежавшие на солнце тучи рычали диким зверьём, не то угрожая, не то предупреждая его об опасности. То и дело лопаюсь тонкими, слабыми по осени, молниями.

У самой центральной площади Вистер спешился.

Этот путь придётся проделать пешком и без оружия, что вконец выбивало почву из-под ног короля.

Но всё же Вистер перекинул ногу через круп коня и спрыгнул на землю, сразу самому себе показавшись маленьким, как Овил, которого с коня ссадил один из дворцовых стражей, сопровождавших королевский двор.

Сделав пару глубоких вдохов и постаравшись не обращать внимания на пауков, которые тут же поползли из узких переулков, примыкающих к центральной площади, Вистер направился к Храму, подавляя желание обернуться на стражников за спиной.

С каждым шагом ему всё сильнее казалось, что он идёт по тонкому льду, а порой ему чудилось, что слышен треск под ногами. Или это были традиционные семечки рогделии, которыми засекали площадь, чтобы задобрить Великих... И всё же хруст этот отдавался в ушах хрустом ломающихся на поле боя костей.

Очередной приступ подкрадывался перешептыванием, смехом, разноголосьем толпы. Затягивал зрение туманом видений, в которых чудилось, что каждый обращённый на него взгляд полон злости, ненависти и жажды крови...

Вистер сглотнул и опустил взор, сегодня традиционное проявление смирения ему на руку. Лучше так, чем его подданные увидят в его глазах ужас, который внушают своему королю.

Шаг за шагом смыкалась позади толпа, отрезая путь к отступлению.



“Нужно было остаться во дворце. Плевать, что обо мне подумали бы...” — подумалось королю — и тут же затерялось в тишине, пологом упавшей на главную площадь.

К народу вышел Визелий Авенский, пэйре главного храма Арнгвирии, замерев на самом верху ступеней в храм.

Такой же тощий и ещё более жёлтый, чем его помнил король. Видимо, и правда провел эти месяцы в постах и молитвах. Что добавляло ему уважения в глазах зашептавшей, зашуршавшей толпы.

Голос Визелия, трескучий, как тростник, брошенный на угли, резанул слух короля так, что тот поморщился, но так и не уловил смысла слов, будто они были сухим песком, прошедшим сквозь крупное сито, не оставив на память и песчинки.

Зато ожила толпа.

Закопошилась потревоженным муравейником.

Закружился мир вокруг обезумевшего короля, смазав лица, силуэты, голоса.

Ужас, даже не страх, накатил на короля и подступил к горлу тошнотой. Лишающий остатков самообладания и оставляющий единственную мысль — бежать. Что он и собирался сделать, обернувшись.

Но куда бы ни упал взгляд — вокруг были пауки. Сотни огромных пауков с красными бусинами глаз, щёлкая челюстями, надвигались на него. Кто-то пытался удержать Вистера, но он вывернулся и попятился, не улавливая смысла выкриков кого-то, кто ему был знаком, но кого невозможно было узнать в облике паука.

Король неосознанно сделал шаг назад, но то ли споткнулся, то ли поскользнулся и, не удержавшись на ногах, упал на холодный скользкий камень.

Скользкий?

Вистер поднёс к лицу ладонь, силясь понять — действительно ли камень был мокрый от крови или это очередной выверт подсознания.

Но шарамовы пауки не оставили ему времени для размышления.

Вистер зажмурился, чтобы не видеть, закрыл руками уши, чтобы не слышать, но всё равно ему чудились крики, визг и вопли. Хрип умирающих и приказы стражников. Трескучий голос Визелия Авенского...

Глухая боль прострелила затылок, и мир заволочла темнота...

И слава Великим, потому что больше Вистер не выдержал бы этого кошмара.

А так...

## ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Всё завертелось с такой скоростью, что Эрвианна едва могла ориентироваться в происходящем.

Поначалу она не очень-то представляла, как всё выйдет и выйдет ли вообще...

“Бремор де Саменти, уставший, но упорно чертящий стрелки и кривые линии на карте, расстеленной на большом столе в подвалах замка Кильн. Порой он поднимал глаза на склонившегося рядом герцога Харимэ или внимательно слушающего его пояснения Исгара, слушал их замечания, кивал или спорил... Молчал только Дэнни, присутствуя на совете за этим столом скорее номинально, нежели действительно участвуя в планировании.

Эрвианна прекрасно понимала, что это его обязанность как будущего правителя, и всё же чувствовала себя неудобно. Куталась в пуховую шаль, прячась от дурного предчувствия.

Отцовские сдвинутые брови и поджатые губы свидетельствовали о полной сосредоточенности на занятии, и Эрри не решалась его потревожить. И не пришлось, потому как он заметил её сам.

— Эрри, светлая моя девочка, — улыбнулся отец, глядя на дочь через толстые стёкла нелепых очков. И, увидев что-то, видимое только ему, обернулся к мужчинам, присутствующим здесь: — Думаю, мы могли бы прерваться. Продолжим через час.

Эрри, дежурно улыбаясь, рассеянно кивала. И только однажды, встретившись взглядом с Исом, улыбнулась искренней и теплее. Что, конечно же, не укрылось от Бремора де Саменти.

— Вижу, Кильн таки добился желаемого, — заметил он, протянув дочери бокал сладкого кильнского вина. — Видят Великие, на его примере можно доказывать, что терпение и упорство — залог успеха даже в делах сердечных...

— О чём ты? — нахмурилась Эрвианна, оставив нетронутый бокал на стол подле карты.

Бремор же наоборот — сделал несколько больших глотков, желая утолить жажду в пересохшем горле.

— Только не говори мне, будто ты не знала, что он влюблён в тебя

уже... шарам его знает, сколько лет.

— Даже не представляла, — пожалала плечами Эрри.

За столько времени она уже усвоила — прошлое нужно оставлять в прошлом. Иначе будущего может и не быть. А вот к чему завёл этот разговор отец — было любопытно.

— Каюсь, этой его слабостью я воспользовался, желая склонить его к нужным нам действиям. Поверь, это было не очень сложно. Думаю, он уже не первый год завидовал Роневану... — Эрри отчаянно старалась держать удивлённое и немного расстроенное выражение лица, понимая, что сейчас отец пытается настроить её против Исгара. Для чего? Несложно догадаться. Королева-мать — ещё одна возможность укрепления внешних связей путём династического брака.

— Давай мы поговорим об этом позже. Я пришла обсудить свой визит к Колливэ.

Бремор натянуто улыбнулся, осознавая, что не так просто будет склонить дочь к нужным ему действиям. Но и правда, торопить события не стоило. Всякое может случиться... Слишком зыбкая почва под ногами.

— Безликая должна быть здесь с минуты на минуту, — мгновенно переключившись на дело, сказал отец. — Вы отправитесь во дворец вместе, по зеркалам. Она уже выбрала служанку, личину которой ты примешь, и по пути объяснит нюансы. Надеюсь, ты понимаешь риски?

— Более чем. Если Колливэ не захочет со мной разговаривать — меня ждёт плаха, — стараясь выглядеть спокойной, заметила Эрри. — Боюсь, выбора особого у меня нет.

— Мне очень жаль... — начал Бремор, но Эрри прервала его коротким жестом.

— Я делаю это для своего сына. И поверь, мне больше по душе было бы забрать его и сбежать за Сианское море в Дорх, туда, где нас никто не знал бы и вряд ли нашёл бы. Но увы, ты постарался внушить ему мысли и желания, с которыми я не смогу бороться, и если я сделаю то, что хочу — Дэнни возненавидит меня...

— А ещё ты не оставишь Кильна, — насмешливо заметил Бремор.

— Как и ты не оставил бы мать.

— Ты права, — усмехнулся герцог Саменти.

Одно из напольных зеркал пошло рябью и отразило девушку в сером плаще.

— Ты готова? — поинтересовался отец, кивнув на зеркало.

Эрвианна не была готова и даже не считала, что готова, но разочаровывать отца не стала и поднялась с места, утвердительно кивнув.

— Тогда пусть тебя берегут Великие”.

Сейчас Эрри понимала, защита Великих ей была бы как нельзя более кстати.

Личина темнокожей Сайхи сползала, трещала, и на её удержание уходило больше сил, чем на пешую прогулку по Авену.

— Смешайтесь с моими служанками, — велела Колливэ, заметив, как тяжело давалось Эрвианне удержание образа Сайхи.

И Эрвианна не упорствовала.

“Ты поймёшь, когда всё начнётся. Будь возле принцессы, чтобы она не сомневалась в том, что ты так же рискуешь, как она. Хостийцы ненавидят чувствовать себя обманутыми”, - велел отец, и Эрвианна планировала придерживаться его наставлений до последней буквы.

Но не тут-то было...

Всё началось внезапно.

Секунду тому Визелий взывал к благочестию — и вот уже падает первый стражник короля, окрашивая брусчатку вокруг себя в бордовое.

Вскрикнула женщина, выронив узелок с нехитрой снедью. И ещё один стражник стал заваливаться набок, так и не поняв, что произошло.

То тут, то там Эрвианна замечала людей в тёмных грязных плащах, рассекающих всполошённую толпу, как раскалённый нож — масло.

— Шарам, — выругалась одна из служанок Колливэ, и в её ладони скользнули из широких рукавов тонкие кинжалы.

Её примеру последовали и остальные спутницы принцессы хостийской, окружив её со всех сторон.

Эрри едва успела уклониться от летящего в неё кинжала, да и то благодаря Илсмэ:

— Встаньте возле её высочества, — велела она, но Эрри её не слышала, глядя, как обезумевшая, почувствовавшая кровь толпа, словно волны, смыкается вокруг королевы.

Даже спустя какое-то время, когда уже схлынет шок от увиденного и пережитого, Эрри не сможет себе объяснить, как Ивсталии удалось оттолкнуть Овила. Но именно её отчаянный поступок и стал причиной того, что сама Эрвианна бросилась к мальчику. Не к принцу

арнговирийскому — просто к испуганному ребёнку, оказавшемуся в центре ужасных событий. И скользкая мысль, что отец бы точно не одобрил её действий, растворилась в огромных глазах сына её злейшего врага.

Никто уже не слышал, как Визелий Авенский взывал к человеколюбию, смирению, прощению. Визелий и сам не слышал себя за гвалтом и криком, накрывшими центральную площадь в день равноденствия.

Оголодавший народ хотел справедливости, точнее — мести. Хотел крови.

Эрри — не иначе как чудом — удалось выбраться, протиснуться в узкую улочку. И, таща за руку неестественно тихого мальчика, она думала только о том, чтобы выбраться отсюда живой и не встретить по пути никого, кто прельстится дорогими нарядами и украшениями. Ну и ещё — самой Эрвианной. Сама мысль, что такое возможно, повергала Эрри в ужас, но и вернуться она уже не могла. Вряд ли получится пробраться сквозь беснующуюся толпу обратно к Колливэ. Да и сомнительно было, чтобы принцесса стояла и ждала возвращения герцогини. Даже если это её будущая свекровь.

Узкий переулок то и дело пересекали другие такие же узкие переулки. Их было такое количество, что Эрри сбилась со счёта и уже не надеялась выбраться без посторонней помощи...

И именно в тот момент, когда впереди уже показался выход, путь ей заступили двое в таких же чёрных плащах.

Эрвианна задохнулась от страха, резко развернулась, но Овил, напоминающий всё это время тряпичную куклу, споткнулся и упал.

Этого хватило, чтобы саму Эрри один из мужчин схватил за волосы, а второй, отбросив мальчика к стене, попытался схватить её за ноги.

Эрри забилась так отчаянно, что затрещали в мужском кулаке волосы, но ничего изменить не получилось...

— Оглуши её, — велел тот, кто пытался поймать ноги Эрри. — Свяжем и пусть лежит у Тэйлы. За неё много дадут. Кажется, семья её не из бедных.

Значит, всё, что им нужно — деньги.

Но предложить выкуп Эрри не успела.

В переулке послышались громкие быстрые шаги и выкрики.

Затылок всё же прострелила невыносимая боль, и Эрри со стоном упала на землю, но сознания не потеряла.

— Ну же, Эрри, девочка моя, — услышала она красивый мелодичный голос Безликой сквозь звон стали. — Почему ты не послушала отца? — ворчливо спросила она, помогая ей встать.

— Овил! — вместо ответа позвала Эрри, протягивая ладонь, и крепко сжала небольшую ручку.

— О, Великие! Ты ненормальная! — воскликнула Безликая. — Эрри, ты понимаешь, сколько проблем создала нелепым поступком?

— Заткнись, Нэнси! Не знаю, как ты, но я не смогла бы жить, зная, что стала причиной смерти ребёнка.

И Нэнси действительно заткнулась, молча таща на себе Эрвианну по улочкам, выведшим их напрямик к задней калитке во двор главного Храма Авена. Она не проронила ни единого слова, но её молчание было красноречивей всех слов.

— Я оставлю тебя. Кварт не справится сам... — сказала Безликая, оставляя Эрри на попечение послушников и перепуганного Визелия Авенского.

Эрвианна же ощутила навалившуюся на усталость, и всё, на что ещё хватило её сил — прижать мальчика к груди, словно тем самым хотела уберечь его от всего, что ему довелось пережить...

Безликая нашла Кврта и мальчишку там, где оставила. Там же был и труп одного из напавших на герцогиню Байе головорезов.

Вот почему она не любила иметь дело с городским дном. Оно всегда имело на всё своё мнение, и никогда не знаешь, чего от этого сброда ожидать. И пусть всё действительно прошло так, как и планировал герцог Саменти — вот только Эрвианна повела себя не так, как от неё требовалось. Как результат...

Безликая подошла к Хугелю, изо всех сил пытающемуся зажать жуткую рану на животе Кврта. Паренёк так старался, что даже не заметил, что стеклянные глаза его старшего товарища смотрят в небо.

— Оставь, — велела она, положив руку ему на плечо. — Ему уже не поможешь.

Слова тяжёлыми камнями падали на плечи мальчишки, в один день растерявшего веру в доблесть и честь. Видевшего, как сброд с городского дна вперемешку с немногочисленными солдатами отрядов Гилвера де Саменти, совершенно наплевав на правила и смешавшись с

толпой, вырезали стражников после оказавших сопротивление представителей знати. И толпа, словно зверь, почуявший кровь, с радостью подхватила это начинание. Он мог бы поклясться, что видел, как толпа забила насмерть королеву Ивсталию...

И это не оставит его до самой смерти.

Девушка в сером сняла с пояса мешочек с крупными слезами Лувы, которые приготовила для Кверта как плату за последнее задание, и протянула Хугелю, вкладывая его в окровавленные ладони парня.

— В Хостии, в городке Тайирс, живёт его дочь, — сказала Безликая. — Её имя Тулай. Думаю, Кверт хотел бы, чтобы ты доставил ей заработанные им деньги, — и, достав ещё один мешочек, поменьше, добавила: — Это лично тебе. Не ищи славы. Береги жизнь. Построй дом и рожай детей. Война — не для тебя.

Может, она была и неправа, и из этого парня вышел бы славный воин, но лучше пусть был бы жив. Так бы и Кверт хотел. Ну или Безликой хотелось так думать.

— Ты ему кто? — спросил Хугель, держа плату на вытянутых руках, словно она была отравлена или противна ему.

Безликая задумалась...

“Пахло гарью...”

Настолько тошнотворного запаха она не ощущала ещё. Запах горелой плоти.

Крик и плач. Гиканье всадников и ржание лошадей.

Илейна, бледная, но собранная, пытается прикрыть собой маленькую Аллай...

Несколько солдат, окруживших их, смеются и отпускают сальные шуточки...

Вот тогда и появился он — герцог де Саменти. Позже Аллай узнает, кто он. Тогда же...

— Разойтись! — спокойно скомандовал он, и только что смеющиеся и смелые солдаты — разбежались, как псы в присутствии волка.

Хотя Аллай ещё долго не могла понять, что такого страшного в этом человеке.

— Забавно... — сказал он, глядя на сжавшуюся от страха Аллай. — Ты её сестра? — обратился он Илейне, и та неуверенно кивнула. — И ты знаешь о её особенностях?



— Знаю, — ответила она.

— Кварт, — позвал герцог, не оборачиваясь, и тут же подбежал молодой, немного рассеянный солдат. — Этих девушек мы заберём с собой в Арнгвирию. Постарайся сделать всё, чтобы они ни в чём не нуждались. Младшая имеет особую ценность”.

— Да так... старый знакомый, — ответила, наконец, Безликая, сама не поняв, зачем вообще что-то говорила.

И, развернувшись на каблуках, двинулась назад к Храму. Нужно бы найти послушников, которые похоронят Кварт. Желательно прежде, чем её снова призовет его светлость.

Аллай тяжело вздохнула, стащив с головы капюшон и подставив лицо солнечным лучам. Лёгкий ветерок тут же спутал светлые волосы, а в глазах цвета только распустившейся фиалки отразилось небо.

На вид ей было около двадцати. На деле несколько жизней. Именно так она себя чувствовала.

И это не последняя её жизнь.

Столько ещё нужно сделать...

Аллай натянула на голову капюшон и, подавив желание оглянуться назад, продолжила свой путь. Снова став Безликой из Ордена Многоликих, верной слугой герцога де Саменти и его семьи...

## ЭПИЛОГ

Весна в Арнгвирию пришла на стыке осени с зимой.

Такой весны я не помню. Может, потому, что такой и не было ни разу, цена ей была — один из Живительных источников, отошедший Хостии как плата за посильную помощь. Правду говорил отец, достаточно пяти сильных магов, чтобы земли королевства снова расцвели и начали плодоносить. Вот только теперь меня мучил вопрос, сколько магов понадобилось, чтобы эти земли умирали, а люди голодали. Отец не ответил на него, велел не забивать голову ерундой. Но легко сказать... Особенно теперь.

Предрабсветные сумерки окутывали тронный зал Авенской королевской резиденции. Складывалось впечатление, что она вовсе вымерла. За исключением немногих сонных слуг, снующих словно тени или призраки этого дворца.

В эту ночь я так и не смогла сомкнуть глаз. Кошмары, казалось оставившие меня, когда рядом был Исгар, снова вернулись и с ещё большим рвением терзали моё воображение. Оттого сон мой стал хрупким, как первый лёд, и залиvistое пение ночной птицы мерещилось победным смехом демона по имени Тщеславие.

Полтора месяца высшая знать Арнгвирии праздновала победу, а низшая — спешила преклонить колени перед последним представителем династии Халединг. И даже если и возникли сомнения по поводу прав наследия Дэнниела, то никто не выказал их. Возможно, кто-то надеялся, что всё станет так, как было до переворота, кто-то просто не знал, чего ожидать. Я пустых надежд не питала. Отец как будущий регент не отказывал в милости от имени будущего короля практически никому. За исключением семейства Риелс.

Всё потому, что Медвена сен Риелс попыталась закатить скандал во время празднований победы. Женщине, оплакивающей участь любимого человека, судьба которого свернула к плахе — простительна подобная слабость. Бывшей фаворитке узурпатора и тирана, представительнице знати — нет. И уже на следующее утро карета, охраняемая десятком стражников, увозила бывшую блистательную леди в неизвестном направлении. И оставалось только надеяться, что

благодушия Бремора де Саменти хватит на то, чтобы жизнь Медди закончилась в стенах обители святых сестёр, а не в придорожной канаве. Хотя никто не смог бы сказать наверняка, что для неё было бы худшим исходом.

Вот Ивсталия точно предпочла бы храм. Если бы пережила день кровавого равноденствия, как назвали его в народе. Но об этом я думать не хотела. Слишком жутко было представлять то, что пересказывали бродячие менестрели.

И вот теперь осиротевший Трон, словно строение из песка, поджидал того, кто осмелится рискнуть на нём усидеть.

Трон, сожравший не одного правителя, однажды снова раскроет пасть. И я с ужасом представляла этот день, переживая его ночь за ночью в жутких кошмарах.

— Тебе не спится? — подобно грому, раздался в пустом тихом зале голос Зервины де Смилле. — Мне тоже. Не помогают даже вино и радужная пыль.

Я не стала оборачиваться на её шаги, спиной чувствуя её приближение.

— Как причудлива и странна воля Великих, — задумчиво сказала Зерви, игнорируя моё молчание. — Никогда не можешь быть уверен в завтрашнем дне.

Я кивнула, принимая справедливость этих слов.

— Странно видеть тебя здесь в ночь перед коронацией и помолвкой твоего сына. Не лучше было бы посвятить её молитвам, по примеру твоей матери?

— Воля Великих — лишь малая часть успеха. В остальном — это ум, хитрость, умение просчитывать свои действия с итогами на несколько шагов вперёд.

— О! Не смею спорить! — рассмеялась Зервина. — Тем более что твой отец всем доказал правдивость этих слов. Это же надо... Меня просто поражает его невероятное умение и талант. Не будь он так предан Валении де Саменти, клянусь остатками своей чести, я бы попыталась залезть в его постель. К тому же это сулило бы мне некоторые выгоды и привилегии. Не думаешь? Фаворитка регента, почти фаворитка короля.

Я поморщилась, но тут же улыбнулась, прочувствовав весь горький сарказм её слов.

— Тебе никто не мешает попробовать.

— Ну конечно. Тебе легко говорить. Сама-то заполучила самого завидного жениха Арнгвирии. Мои поздравления по поводу грядущей свадьбы.

Я кивнула, сдержанно улыбнувшись.

— Спасибо. Но мне показалось или ты ревнуешь?

— Нет. Глупо ревновать того, кто никогда мне не принадлежал. Скорее, завидую. Мне и плешивого старика ещё завоевать нужно.

— Зато ты теперь можешь спокойно строить свою жизнь так, как хочешь. Нет никого, кто распоряжался бы твоей судьбой. Ну... за исключением регента и короля. Но, думаю, я смогла бы несколько повлиять на их решения.

— Благодарю, конечно. Но я, наверное, слишком стара, чтобы так круто менять свою жизнь. Однако я запомню твоё предложение. Мало ли...

Скрипнула дверь, прервав наш разговор, и мы одновременно обернулись, встречая того, кому эта ночь тоже не даровала покоя.

— Миледи, его сиятельство герцог де Саменти ожидает вас в его кабинете, — отчитался согнувшийся пополам управляющий королевского дворца.

— Передай, что я буду с минуты на минуту, — кивнула я и жестом отослала его прочь.

И когда дверь закрылась, повернулась к Зерви, понизив голос до полушёпота:

— Кстати, о мужчинах рода де Смиле. В королевстве принято считать, что их больше не осталось. И впредь пусть так и будет, Зерви. А мальчик, который получил временный приют при Авенском Храме, в самом скором времени покинет столицу вместе со своей дражайшей кузиной. Я позабочусь о том, чтобы ты получила право распоряжаться наследством Смиле. Но для Овила сделать ничего не выйдет, прости.

Я говорила быстро, чуть сбивчиво, потому как ребёнка нужно было вывезти из столицы в самое ближайшее время. Мой отец не допустит ошибок, которые допустил Вистер де Смиле в своё время. А я не смогу жить с кровью ребёнка на руках...

— Я долго думала, что они все в тебе нашли, Эрри, — перебила меня бывшая подруга. — Завидовала. Спрашивала себя, чем я хуже... И вот сейчас поняла, что никогда бы не сделала того, что сделала ты. Мы

все тонем во мраке. И, похоже, просто инстинктивно тянемся к свету. Такие, как ты, сиятельная герцогиня де Байе, нам нужны. Иначе мир поглотит тьма, — и только сейчас я заметила в глазах Зерви слёзы — наверное, впервые за время нашего с ней знакомства. — Спасибо тебе, Эрри.

И, не дожидаясь моего ответа, Зервина де Смиле быстрым шагом покинула тронный зал Авенского дворца.

Я бросила ещё один скользкий взгляд на трон, зал, богатые украшения в честь коронации и, сделав несколько глубоких вдохов, отправилась на встречу с отцом.

Столько всего следовало сделать.

Столько всего предстояло пережить.

Столькому научиться и перенять множество хитростей у отца и матери. Мне предстоит будущее матери короля. А это вечный танец на раскалённых углях.

Но было и нечто, что грело мою душу.

Остановившись у самой двери, я неосознанно коснулась ладонью живота.

Это была хорошая весть, хоть и немного обескураживающая, пугающая... но всё же хорошая. И сегодня я разделю её с человеком, которого, несмотря на всё, что мне пришлось пережить, смогла полюбить.

Я — герцогиня Байе, будущая герцогиня Кильнии и королева-мать Арнгвирийского правителя, падающая и поднимающаяся, сумевшая пробежать по лезвию власти и станцевать на острие восстания, теперь могу с уверенностью сказать, что справлюсь со всем, что уготовила мне судьба.

Осталось только набраться храбрости и сказать Исгару, что у Кильнии будет наследник. Или наследница, как уже решат Великие боги.